

Редакционный совет научного журнала «Вестник НГУ. Серия: История, филология»

Председатель совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зувев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

Х. А. Амирханов акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)
Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)
Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)
Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)
А. В. Головнёв чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)
А. Е. Демидчик д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный педагогический университет, Россия)
А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)
Н. Л. Жуковская д-р ист. наук, профессор (Институт антропологии и этнографии РАН, Россия)
О. Д. Журавель д-р филол. наук, профессор (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
Г. Е. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)
А. К. Киклевич д-р филол. наук, профессор (Варминьско-Мазурский университет, Польша)
С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)
В. А. Ламин чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Россия)
Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Япония)
Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Германия)
Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)
Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)
П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)
И. В. Силантьев чл.-кор. РАН, д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)
Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)
Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

**Редакционная коллегия
выпуска «Археология и этнография»**

Ответственный редактор

А. И. Кривошапкин чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, проф. РАН (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Ответственный секретарь

Д. В. Селин канд. ист. наук (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редколлегии

- Л. А. Бобров д-р ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Н. Н. Крадин акад. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия)
- Р. М. Краузе д-р истории, проф. (Университет Франкфурта-на-Майне им. И. В. Гёте, Германия)
- Б. Е. Кумеков акад. Национальной академии наук Республики Казахстан, д-р ист. наук, проф. (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан)
- Л. В. Лбова д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)
- А. Наглер д-р истории (Германский археологический институт, Берлин, Германия)
- Н. В. Полосьмак чл.-кор. РАН, д-р ист. наук (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)
- З. Самашев д-р ист. наук, проф. (Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана Национальной академии наук Республики Казахстан, Астана, Республика Казахстан)
- К. Ш. Табалдиев канд. ист. наук, проф. (Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Бишкек, Кыргызстан)
- Е. Ф. Фурсова д-р ист. наук (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)
- Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)
- С. Хансен д-р истории, проф. (Германский археологический институт, Берлин, Германия)
- Я. Хохоровский д-р истории, проф. (Институт археологии Ягеллонского университета, Краков, Польша)
- Сукбэ Чжун д-р истории, проф. (Университет культурного наследия Республики Корея, Пуё, Республика Корея)

Advisory Board of Academic Journal “Vestnik NSU. Series: History and Philology”

Chief of the Advisory Board

Vyacheslav I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

Andrey S. Zuev Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

Sergey G. Skobelev Candidate of Sciences (History), Associate Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

Khizri A. Amirkhanov Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

Bence Viola Doctor of Sciences (History), Professor (University of Toronto, Canada)

Elena E. Voytishek Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tomash Glantz Doctor of Sciences (Philology), Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)

Andrey V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)

Arkadiy E. Demidchik Doctor of Sciences (History), Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)

Anatoliy P. Derevianko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Jacques Joubert Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Olga D. Zhuravel Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Gabriella E. Imposti Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Bologna, Italy)

Aleksander K. Kiklevich Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)

Stephen M. Kotkin Doctor of Sciences (History), Professor (Princeton University, United States)

Vladimir A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Oka Hiroki Doctor of Sciences (History), Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

Hermann Parzinger Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)

Hugues Plisson Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Bae Kidong Doctor of Sciences (Archaeology and Anthropology), Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)

Peter Rutland Doctor of Sciences (History), Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)

Igor V. Silantev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tang Chung Doctor of Sciences (History), Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)

Tomas Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)

Yuriy V. Shatin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 3: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 3: Archaeology and Ethnography

Editorial Board of the Issue “Archaeology and Ethnography”

Executive Editor

A. I. Krivoshapkin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Executive Secretary

D. V. Selin Candidate of Sciences (History), (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

L. A. Bobrov Doctor of Sciences (History), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

N. N. Kradin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology and Ethnography of Far Eastern nations of Far East Branch of the Russian Academy of Science, Far East Federal University, Vladivostok, Russian Federation)

R. M. Krause Doctor of Sciences (History), Professor (Goethe University of Frankfurt, Germany)

B. E. Kumekov Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Sciences (History), Professor (L. N. Gumilev Eurasian National University, Astana, Kazakhstan)

L. V. Lbova Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

A. Nagler Doctor of Sciences (History) (German Archaeological Institute, Berlin, Germany)

N. V. Polosmak Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History) (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Z. S. Samashev Doctor of Sciences (History), Professor (A. Kh. Margulan Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences, Astana, Republic of Kazakhstan)

K. Sh. Tabaldiev Candidate of Sciences (History), Professor (Kyrgyz-Turkish Manas University, Bishkek, Kyrgyzstan)

E. F. Fursova Doctor of Sciences (History) (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

T. Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)

S. Hansen Doctor of Sciences (History), Professor (German Archaeological Institute, Berlin, Germany)

J. Chochorowski Doctor of Sciences (History), Professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)

Suk-Bae Jung Doctor of Sciences (History), Professor (Korean National University of Cultural Heritage, Buyeo, Korea)

В Е С Т Н И К Н Г У

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2024. Том 23, № 3: Археология и этнография

СОДЕРЖАНИЕ

История и теория науки, новые методы исследования

- Бородовский А. П., Давыдов Р. В.* Тахеометрическая съемка и построение 3D-моделей фортификационных объектов на юге Западной Сибири 9
- Митько О. А., Бурашникова К. С., Губенко Е. В.* Экспериментально-трассологическое исследование сверления твердых минералов 22
- Шишкина О. О.* К истории исследования изображений на камнях из курганов тагарской культуры 34

Археология Евразии

- Кузнецов А. М., Молчанов Д. Н.* Коррадированный компонент «классической» Мальты (по результатам анализа коллекций МАЭ РАН) 47
- Кандыба А. В., Нгуен Кхак Шу, Чеха А. М., Нгуен За Дой.* Палеолитическая культура нгуом Северного Вьетнама 62
- Селин Д. В., Чемякин Ю. П.* Селище белоярской культуры Барсова Гора I/23: особенности технологии и морфологии керамики 74
- Серегин Н. Н., Тишкин А. А., Матренин С. С., Паршикова Т. С.* Погребение предтюркского времени на Северном Алтае: опыт культурно-хронологической интерпретации 86
- Проценко А. С., Сафуанов Ф. Ф.* О посадке городища Уфа-II: к 70-летию научного изучения 98
- Горохов С. В.* Конструкция надземной части тыновых стен оборонительных сооружений Русского государства в Сибири и на Дальнем Востоке в конце XVI – начале XVIII века 111
- Балюнов И. В.* Бердыши из собраний Тобольского музея-заповедника 122

Этнография народов Евразии

<i>Бадмаев А. А.</i> Мышь в традиционном мировоззрении бурят	135
<i>Головнёв А. В.</i> Этнокартография средневековой Югры	144
Список сокращений	164
Информация для авторов	165

VESTNIK NSU

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2024, vol. 23, no. 3: Archaeology and Ethnography

CONTENTS

History and Theory of a Science, New Research Methods

- Borodovsky A. P., Davydov R. V.* Tacheometric Survey and 3D-Model Building of Fortification Objects in the South of Western Siberia 9
- Mitko O. A., Burashnikova K. S., Gubenko E. V.* Experimental Traceological Research on Drilling Solid Minerals 22
- Shishkina O. O.* History of the Study of Images on Stones from the Tagar Culture Mounds 34

Archaeology of Eurasia

- Kuznetsov A. M., Molchanov D. N.* The Corraded Assemblage of the “Classic” Malta (Based on the Analysis of the Kunstkamera Collections) 47
- Kandyba A. V., Nguyen Khac Su, Chekha A. M., Nguyen Gia Doi.* Paleolithic Nguom Culture of Northern Vietnam 62
- Selin D. V., Chemyakin Yu. P.* Barsova Gora I/23 Settlement of the Beloyarskaya Culture: Technology and Morphology of Ceramics 74
- Seregin N. N., Tishkin A. A., Matrenin S. S., Parshikova T. S.* Pre-Turkic Burial in the Northern Altai: Cultural and Chronological Interpretation 86
- Protsenko A. S., Safuanov F. F.* About the Settlement of the City of Ufa-II: To the 70th Anniversary of Scientific Research 98
- Gorokhov S. V.* Construction of the Aboveground Part of the Tyn Walls of the Fortifications in the Russian State in Siberia and the Far East in Late 16th – Early 17th Century 111
- Balyunov I. V.* Bardiches in the Tobolsk Museum-Reserve Collection 122

Ethnography of the Peoples of Eurasia

<i>Badmaev A. A.</i> The Mouse in the Traditional Worldview of the Buryats	135
<i>Golovnev A. V.</i> Ethnocartography of Medieval Yugra	144
List of Abbreviations	164
Instructions to Contributors	165

Научная статья

УДК 902/904

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-9-21

Тахеометрическая съемка и построение 3D-моделей фортификационных объектов на юге Западной Сибири

Андрей Павлович Бородовский¹

Роман Вячеславович Давыдов²

^{1,2} Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹ Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ altaicenter2011@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6312-1024>

² puer-viro@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6580-2811>

Аннотация

Максимально объективная фиксация планиграфии земляных фортификационных сооружений является одним из первоначальных условий достоверности их описания и последующего анализа. Произведена тахеометрическая съемка с целью построения 3D-моделей земляных фортификационных сооружений различного типа (мысовых городищ – Чултуков Лог-9, острогов и редутов – Умревинский, Соляной Поворот). Работы включали инструментальную съемку на памятнике и обработку результатов съемки с построением 3D-моделей и указанием объектов. Съемка проводилась в различных ландшафтных зонах: низкогорье Алтая, северная лесостепь Верхнего Приобья, степная зона Среднего Прииртышья. Широкие хронологические рамки исследованных объектов (начало I тыс. н. э. – первая четверть XVIII в. н. э.) дают возможность наиболее объективной оценки эффективности метода.

Результатом стало построение 3D-моделей площадок различных земляных фортификационных объектов (городищ, острогов, редутов). На них были выявлены как ранее визуально не прослеживаемые оборонительные сооружения (ров), так и характеристики огражденных площадок этих сооружений, зафиксированные в письменных источниках.

Ключевые слова

фортификация, тахеометрическая съемка, 3D-моделирование, юг Западной Сибири, планиграфия земляных укреплений, использование особенностей рельефа

Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации Госзадания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021)

Для цитирования

Бородовский А. П., Давыдов Р. В. Тахеометрическая съемка и построение 3D-моделей фортификационных объектов на юге Западной Сибири // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 3: Археология и этнография. С. 9–21. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-9-21

Tacheometric Survey and 3D-Model Building of Fortification Objects in the South of Western Siberia

Andrei P. Borodovsky¹, Roman V. Davydov²

^{1,2} Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ Institute of Archeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ altaicenter2011@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6312-1024>

² puer-viro@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6580-2811>

Abstract

Purpose. The most objective planigraphy of the earthen fortifications is one of the initial conditions for the reliability of the description of these objects and the subsequent analysis of their defensive capabilities. One of the most common devices for the instrumental surveys in modern archaeological research is a total station. The purpose of the tacheometric survey was to build 3D-models of the earthen fortifications of various types (cape settlements – Chultukov Log-9, ostrogs and redoubts (Umrevinsky, Salt Turn). The work at these objects included two stages – an instrumental survey of the monument and subsequent processing of the survey results with the 3D-models buildings and objects indication.

Results. The tacheometric survey was carried out in various landscape zones (the Altai mountains, the northern forest-steppe of the Upper Ob, the steppe zone of the Middle Irtysh) within the river valleys of the Katun, Ob and Irtysh. The wide chronological framework of the sites (the Chultukov Log-9 settlement, the Umrevinsky ostrog, the Salt Turn redoubt) corresponds to the period from the beginning of the 1st millennium AD up to the first quarter of the 18th century and provide an opportunity for the most objective assessment of the tacheometric survey results.

Conclusions. The result of the work was the building of the 3D-models of various earthen fortification objects (hillforts, ostrogs, redoubts). Both previously untraceable defensive structures (ditch), and the characteristics of the fenced areas of these structures, previously recorded in written sources, have been identified.

Keywords

fortification, tacheometric survey, 3D-modeling, south of Western Siberia, planigraphy of earthen fortifications, use of relief features

Acknowledgements

The work was held as a part of the implementation of the State Task of the Ministry of Education and Science in the field of scientific activity (project no. FSUS-2020-0021)

For citation

Borodovsky A. P., Davydov R. V. Tacheometric Survey and 3D-Model Building of Fortification Objects in the South of Western Siberia. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 9–21. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-9-21

Введение

Укрепленные поселенческие комплексы (городища) появляются на юге Западной Сибири еще в эпоху бронзы, на рубеже II–I тыс. до н. э. Развитие этих объектов происходило в формате сооружения земляных оградений, которые возводились либо на территориях, частично обладающих естественными препятствиями (мысами), либо на открытых площадках. Такая тенденция возведения земляных укреплений сохранялась с эпохи раннего железного века до позднего Средневековья. В раннее Новое Время, после вхождения территории юга Западной Сибири в Московское царство, а затем и в Российскую империю, здесь получила распространение европейская фортификационная традиция. При этом основную роль при изучении комплексов с земляными оборонительными сооружениями всегда играли корректность и точность их топографического отражения. Первоначальная съемка планов древних фортификационных объектов на территории юга Западной Сибири осуществлялась еще в первой четверти XVIII столетия. Одним из примеров является план «Уеньского городища», опубликованный И. Г. Гмелиным в 1752 г. [Gmellin, 1752, p. 82–83] (рис. 1, 1). Тем не менее

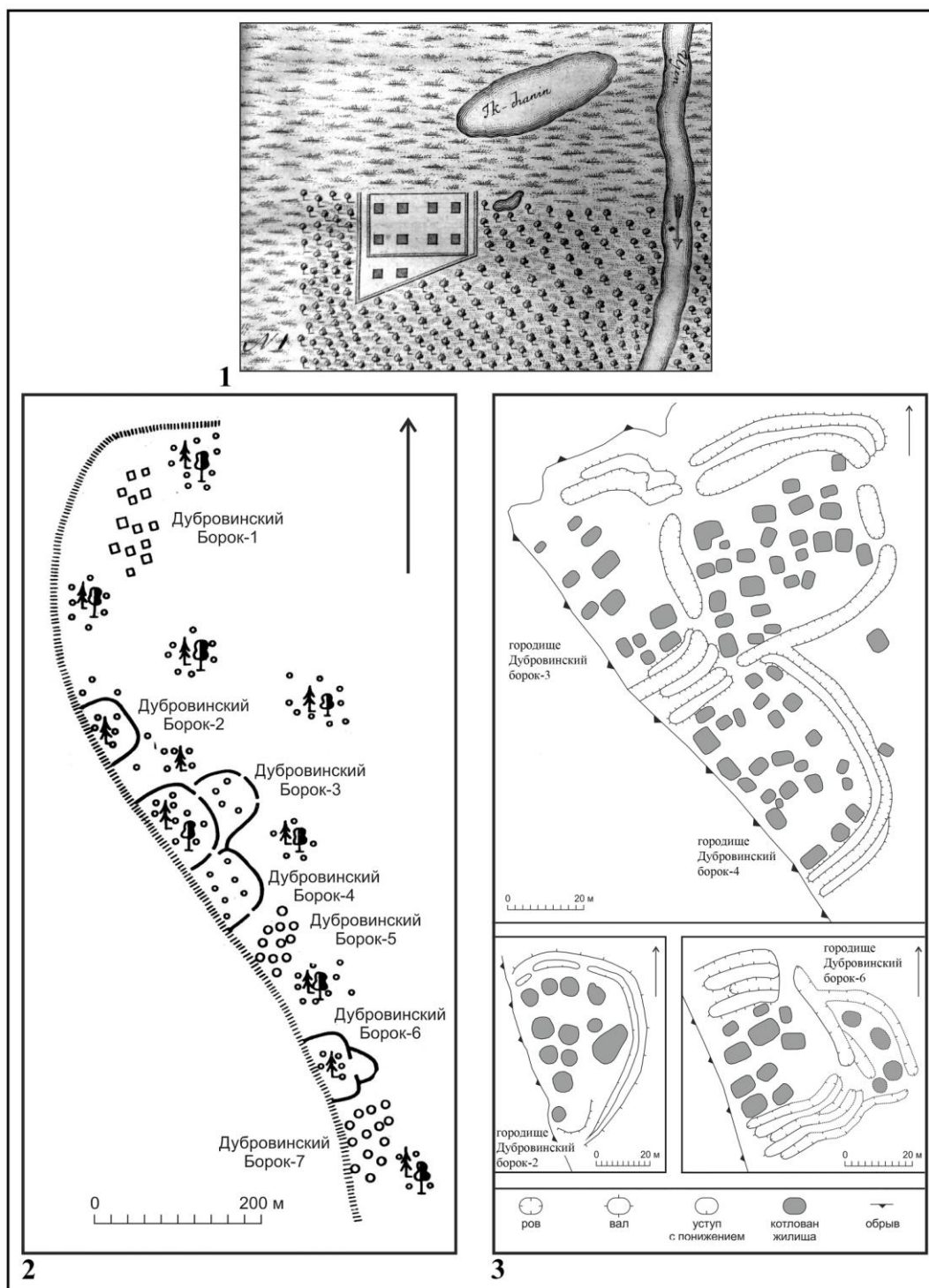

Рис. 1. Планы городищ на р. Уень:

- 1 – схема И. Г. Гмелина (по: [Gmelin, 1752, fig. 1]); 2 – глазомерный план городищ в урочище Дубровинский Борок (по: [Троицкая, 1979, табл. 16]); 3 – глазомерные планы городищ Дубровинский Борок-2, 3, 4, 6

Fig. 1. The plans of the settlements on the river Uen:

- 1 – scheme by I. G. Gmelin (according to: [Gmelin, 1752, fig. 1]); 2 – eye sketch plans of settlements in the Dubrovinsky Borok tract (according to: [Troitskaya, 1979, table 16]); 3 – eye sketch plans of the settlements of Dubrovinsky Borok-2, 3, 4, 6

атрибуция этого объекта растянулась более чем на 250 лет, пока в начале этого столетия не удалось наконец идентифицировать его реальный археологический прототип (Дубровинский Борок-6) [Уманский, 1972; Бородовский, Горохов, 2020, с. 201]. Причина длительности этой процедуры заключалась не только в установлении его реального месторасположения, но и в соотношении его изображения XVIII в. с глазомерным планом второй половины XX в. (рис. 1, 2, 3). [Троицкая, 1979, с. 82, табл. VI, 2]. Затруднения заключались не только в различной инструментальной основе этих планов, но и в явном влиянии стереотипов представления и восприятия объектов фортификации в XVIII столетии. В частности, один из острых углов внешнего рва «Уеньского городища» явно соответствует выступу «гласису», типичному для фортификации раннего Нового времени (рис. 1), тогда как в действительности эта часть внешнего рва городища имеет совершенно иные очертания [Бородовский, Горохов, 2020, с. 201, рис. 145, 146]. Возможности глазомерной съемки городищ второй половины прошлого столетия также далеко не всегда безупречны. Примером тому является наличие «бастинированных выступов» на городище Барсов Городок I/18 в Сургутском Приобье, якобы выявленных в ходе глазомерной съемки в 1970-х гг. Однако данные современной топографической съемки опровергли их наличие [Чемякин, 2019].

В настоящее время глазомерная съемка полностью вытеснена инструментальной, ставшей обязательным элементом планиграфического обследования памятника. Современное геодезическое оборудование позволяет применять различные подходы к фиксации планиграфической информации. Наиболее часто применяются тахеометры, GNSS-приемники, БПЛА (беспилотные летательные аппараты). Первые два типа приборов позволяют фиксировать отдельные точки в пространстве. БПЛА используются для построения ортофотопланов и 3D-моделей методом фотограмметрии [Петрищев, Данилова, 2017].

Целью данной работы является апробация методики применения тахеометрической съемки при 3D-моделировании современной поверхности земляных фортификационных сооружений различного типа и исследовании их планиграфических особенностей.

Материалы и методы

Съемки проводились в различных ландшафтных зонах (низкогорье Алтая, северная лесостепь Верхнего Приобья, степная зона Среднего Прииртышья). Работы проходили на следующих памятниках: мысовое городище начала I тыс. н. э. Чултуков Лог-9, Умревинский острог, редут Соляной Поворот (рис. 2).

Съемка велась при помощи тахеометра. Производилась фиксация рельефа всей площади памятника путем сплошной съемки точек современной поверхности. Полученное облако точек затем использовалось для построения 3D-моделей рельефа. Подобный подход позволяет максимально использовать преимущества тахеометра для получения наиболее объективной информации о планиграфических особенностях памятника.

В современной археологической практике термин фиксация подразумевает сбор информации о пространственных и морфологических характеристиках археологического материала [Шакиров, 2015]. В современной историографии критерии степени объективности фиксации выражаются в минимизации человеческого фактора, отображении морфологических характеристик максимально близко к реальности, наличии научно обоснованной системы фиксации [Методика работы..., 2020, с. 21–22].

В исследовании планиграфических особенностей памятников фортификации на уровне современной поверхности ключевой является фиксация рельефа и микрорельефа. При этом растительность и современные техногенные нарушения выступают как искажающие факторы. Таким образом, фиксация фортификационных сооружений требует не столько классической топографической работы, сколько планиграфического изучения геометрических особенностей объекта – геометрии рельефа современной дневной поверхности на его территории [Бурмистрова и др., 2016, с. 6–7].

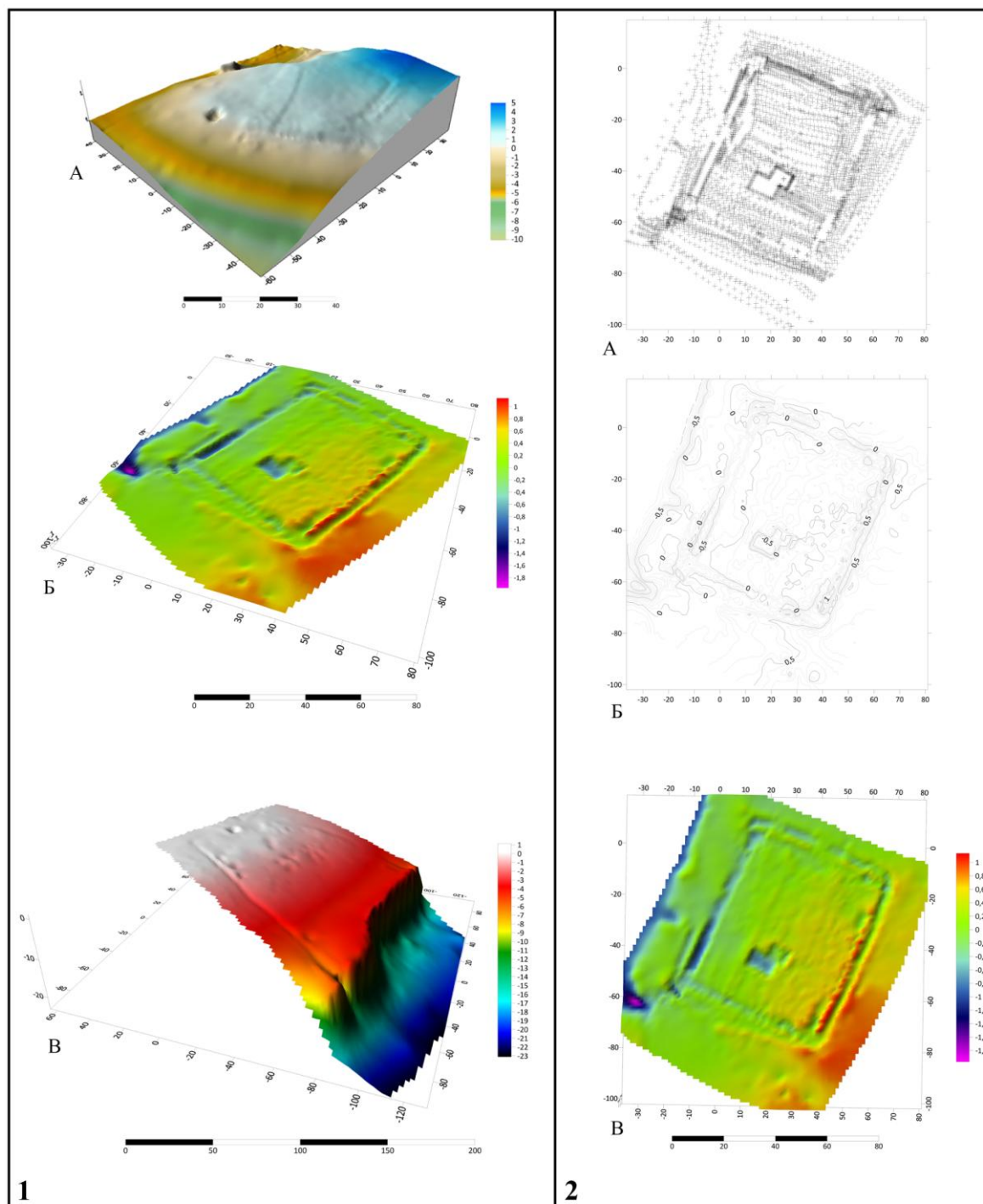

Рис. 2. Результаты обработки данных тахеометрической съемки объектов юга Западной Сибири:
 1 – 3D-модели (А – мысовое городище Чултуков Лог-9, Б – Умревинский острог, В – редут Соляной Поворот);
 2 – этапы создания модели рельефа (А – облако точек, Б – изолинии, В – трехмерная модель рельефа)

Fig. 2. Results of data processing of tacheometric survey of objects in the south of Western Siberia:
 1 – 3D models (A – cape settlement Chultukov Log-9, B – Umrev prison, C – Solyanoy povorot redoubt);
 2 – stages of creating a relief model (A – point cloud, B – isolines, C – 3D relief model)

Соответственно основной задачей сплошной тахеометрической съемки точек рельефа при исследовании фортификационных сооружений на уровне современной поверхности является фиксация его геометрических особенностей, т. е. рельефа и микрорельефа. Учитывая это и принимая во внимание представленные ранее критерии степени объективности фиксации, можно охарактеризовать достоинства и недостатки выбранного метода работы в сравнении с наиболее распространенными современными приборами для фиксации планиграфической информации (GNSS-приемник, БПЛА).

Первое достоинство прибора – он имеет наибольшую точность среди современного оборудования. Стандартная погрешность GNSS-приемника составляет 4 мм в плане и 2 мм по высоте. Точность же тахеометра заметно больше – до 1 мм [Зайцева, Пушкарев, 2010, с. 3–4]. Наибольшая точность моделей, полученных при использовании БПЛА, варьируется в зависимости от размеров участка съемки.

Второе преимущество – независимость результатов съемки от растительности, поскольку регистрируется координата основания вехи. Аналогичное достоинство имеет GNSS-приемник, в то же время данные, собранные БПЛА, обрабатываются методом фотограмметрии, из-за чего отображается рельеф растительности.

Третье достоинство – регулируемая избирательная плотность сетки, поскольку каждая точка фиксируется отдельно. С одной стороны, это может снизить объективность работы, поскольку плотность точек задается исследователем. С другой стороны, это обеспечивает большую вариативность при сохранении системности съемки.

Среди недостатков отметим необходимость достаточно большого количества времени и трудозатратность по сравнению со съемкой с использованием БПЛА и GNSS-приемников. На продолжительность работ влияют размер памятника, сложность рельефа (требуемая густота точек), наличие растительности (количество переносов станции).

Роль человеческого фактора при работе с тахеометром сводится к выбору площади съемки и плотности сетки точек. Следовательно, по этому параметру он не уступает БПЛА, где плотность сетки заменяет точность снимка, зависящая от высоты и скорости аппарата, которые задаются вручную [Там же, с. 4–6].

Таким образом, при использовании тахеометра для изучения геометрических особенностей современной поверхности фиксируется наиболее объективная информация. Это связано с более высокой точностью, независимостью от растительности. Сплошная съемка обеспечивает системность фиксации с сохранением гибкости в зависимости от исследовательских задач и типа объекта.

Задачей тахеометрической съемки при исследовании фортификационных сооружений стало построение 3D-моделей памятников и непосредственно прилегающей местности с целью фиксации выраженных в рельефе объектов. Работа включала инструментальную съемку на памятнике и обработку результатов съемки с построением моделей и указанием объектов (рис. 2, 2).

На первом этапе производилась фиксация положения точек с использованием тахеометра Торсон GPT-3105N. Действовали одна станция и два отражателя. Съемка велась в условной системе координат. Произведена фиксация границ объектов, перепадов рельефа, ровных пространств, следов техногенного вмешательства.

Плотность облака точек зависела от характера объектов и рельефа местности. Например, на плоских участках поверхности велась съемка с густотой точка на два метра. Исследование элементов фортификации требовало съемки на всех переломных точках рельефа с плотностью не менее одного метра. На участках со сложным микрорельефом густота съемки достигала 0,2 м.

Второй этап заключался в первичной обработке результатов съемки в программном обеспечении AutoCAD. Строились выявленные контуры объектов для последующего сравнения с 3D-моделью. Итоговый вариант облака точек обрабатывался в программном обеспечении Surfer, включая построение сплошных горизонталей и 3D-модели рельефа. В зависимости

от исследовательских задач с 3D-моделью совмещались горизонтали и ранее построенные в AutoCAD контуры объектов. Также по-разному настраивалась интенсивность рельефа на 3D-модели, что позволяло выявлять особенности микрорельефа.

Анализ материалов и обсуждение

Одним из объектов для съемки тахеометром стало укрепленное поселение (городище) Чултуков Лог-9 (рис. 2, 1А). Памятник расположен в горной долине Нижней Катунь (Майминский район Республики Алтай) на мысовом выступе правобережной высокой речной террасы [Бородовский, Бородовская, 2013, с. 18; Oleszczak et al., 2018]. Размеры площадки составляют 100 × 90 м. Первоначально на мысовидной площадке не было зафиксировано земляных укреплений (рвов), они были выявлены после использования тахеометра. Наличие рвов на этом участке подтверждено геофизическими исследованиями (рис. 3, 1). Эти земляные сооружения представляли собой ров в виде угла, отделяющего мысовый выступ от основной террасы. Это земляное сооружение не только позволяло перегородить мыс, но и существенно расширяло возможности обороны за счет углового выступа рва. Функционально угловой ров Чултукова Лога-9 близок к «гласису». Раскопки этого участка, позволили выявить неглубокий ров, заполненный следами горения.

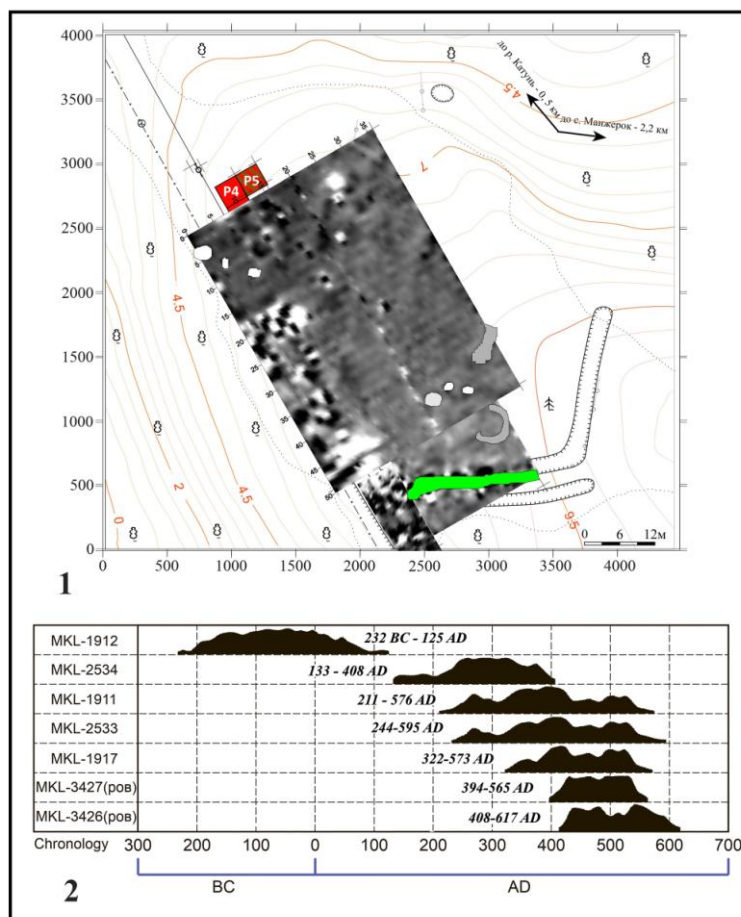

Рис. 3. Результаты исследований мысового городища Чултуков Лог-9:

1 – данные геофизических исследований; 2 – радиоуглеродные даты

Fig. 3. Results of studies of the cape settlement Chultukov Log-9:

1 – geophysical studies data; 2 – radiocarbon dates

Серия радиоуглеродных датировок (рис. 3, 2), полученных в ходе исследования различных участков Чултукова Лога-9, укладывалась в хронологический интервал 120–600 гг. н. э., в том числе два образца, изъятых непосредственно из рва, – в период с 394 по 617 г. н. э. Радиоуглеродные датировки мысового городища Барангол-5 (433–587 гг. н. э.), также расположенного на катунском правобережье, укладываются в данный интервал. Это может свидетельствовать о синхронности ряда городищ начала I тыс. н. э. в горной долине Нижней Катуни [Borodovskiy, Olechak, 2012; Oleszczak et al., 2018].

Результатом тахеометрической съемки Чултукова Лога-9 стало выявление на поселенческом комплексе земляных оборонительных сооружений, позволивших отнести этот памятник к разряду мысовых городищ. Данная группа городищ достаточно давно выделена для северных предгорий Алтая и датируется VII–II вв. до н. э. [Соёнов и др., 2011, с. 252–255]. Размещение таких объектов на мысах было привлекательным ввиду естественных оборонительных преимуществ рельефа. К таким памятникам первой половины I тыс. н. э. на Северном Алтае можно отнести Сошниково 1, Усть-Балыкса, Усть-Соусканиха, Усть-Чебашиха, Черемшанка [Киреев, 1991, с. 84; Казаков, 1998, с. 192–193; Абдулганеев, Кунгурова 2005, с. 4–11].

Другим объектом для тахеометрической съемки стала площадка Умревинского острога, расположенная в окрестностях с. Умрева Мошковского района Новосибирской области. Острог находится на правобережье Оби около Умревинской протоки, в которую ниже по течению впадает р. Умрева. Фортификационное сооружение начала XVIII столетия расположено на высокой незатопляемой обской террасе [Бородовский, Горохов, 2020, с. 83]. На памятнике сохранились рельефные признаки земляного ограждения (ров), которое характеризуется двумя строительными периодами [Бородовский, 2021]. Первый из них связан с сооружением острога в XVIII в. Второй соответствует кладбищенскому рву, возведенному в XIX столетии на месте прежних земляных оборонительных сооружений. На территории острога была снята площадь 120 × 120 м (рис. 2, 1Б), в том числе внутренняя площадка (плотность 1 м), элементы фортификации (плотность до 0,2 м), раскопы предыдущих лет (фиксировались исключительно по стенкам). Местность за пределами памятника снята произвольно, с плотностью порядка двух метров. Основным результатом стало подтверждение основных требований к выбору острогов, сформулированных еще в XVII в. Они заключались в том, чтобы место было «крепкое» и ровное [Русские остроги..., 2003, с. 14]. В XVIII столетии при сооружении оборонительных укреплений европейского типа (редутов, форпостов) руководствовались уже несколько иными правилами выбора таких площадок. Примером этого является Иртышская оборонительная линия [Муратова, 2013], обследованная авторами в 2021 г.

Один из таких объектов – Соляной Поворот, который в различные периоды являлся станцом, редутом, укрепленной станицей. В 1771 г. расположение станицы Соляной Поворот академик П. С. Паллас описывал следующим образом: «До сей станицы место большей частью низковатое... до оной идут к Иртышу два глубоких буерака» [Паллас, 1786, с. 123]. Долгое время реальное расположение этого укрепленного пункта было не известно, пока в 1984 г. учитель с. Соляного П. В. Чибышев не выявил на правом берегу Иртыша в 1,2 км к северо-западу от с. Соляного подпрямоугольную площадку, огражденную рвом, ширина которого составляла 1,2 м и глубина до 0,4 м. Общие размеры огражденной площадки составляли 100 × 70 м [Бородовский, Чибышев, 2021]. Она располагалась у южного края оврага, примыкающего к береговой кромке Иртыша, который назывался урочище Малый лог. Ниже по течению располагался еще один овраг, имеющий название Большой лог. Эти два глубоких оврага вполне можно соотнести с двумя буераками, описанными П. С. Палласом в конце XVIII в. Расположение огражденной площадки, выявленной П. В. Чибышевым, вполне сопоставимы с описанием станицы Соляной Поворот, сделанной П. С. Палласом в 1771 г. «Она (станция) лежит на небольшом высокого берега прорыве... В сем месте не находится на реке Иртыш никаких островов. Берег, оный от Соляной возвышается вместе со степью и весьма крут» [Паллас, 1786, с. 123, 124]. Корректность локализации редута,

станца, станицы Соляной Поворот можно также уточнить по «Описанию Тобольской, Ишимской, Тарской, Иртышской, Колыванской, Кузнецкой линий» 1785 г. В соответствии с этим документом станец Соляной Поворот располагался в верх по Иртышу от станца Изылбашского на расстоянии 18 верст и 100 саженей (19,423 км), а расстояние до следующего Черлаковского форпоста составляло 25 верст и 300 саженей (27 330 м) [Муратова, 2013, с. 109]. Указано, что укрепления располагались в 15 саженях от берега (33 м). Такая планиграфия наиболее характерна для типовых редутов Иртышской линии [Ласковский, 1865; Муратова, 2013, с. 112]. Однако вследствие береговой эрозии произошло обнажение профилей рвов огражденной площадки, примыкающих к Иртышу.

На редуте Соляной Поворот была отснята площадь 190×170 м (рис. 2, 1В). Непосредственно прилегающая к редуту местность представляет собой плоскую наклонную поверхность, потому снята произвольно, с плотностью порядка одной точки на два метра. Элементы фортификации в виде одной линии рва и вала зафиксированы через 0,5 м. Дополнительно снята современная проселочная дорога. Внутри редута проведена фиксация жилищных западин. Один из углов редута, разрушенный проселочной дорогой, выявлен благодаря сплошной съемке участка 20×5 м через 0,3 м. На 3D-модели отражены западины, фортификация и следы техногенного вмешательства в виде дороги, распашки и канавы, проходящей через один из рвов. Съемка этой территории, позволила выявить значительный перепад высот со стороны степи к береговой кромке Иртыша. Такая особенность локализации редута Соляной Поворот практически полностью соответствует описаниям конца XVIII столетия. Было установлено геометрическое несоответствие огражденной площадки Соляного Поворота подпрямоугольным очертаниям. Именно такая особенность отмечалась в письменных источниках конца XVIII в. при характеристике редута Соляной Поворот [Муратова, 2013, с. 113]. Такая фортификационная особенность для приграничных оборонительных сооружений Иртышской линии была далеко не единична. В географическом описании этой масштабной оборонной инфраструктуры «иррегулярность» земляных укреплений еще была отмечена для Ачаирского, Черлаковского и Шульбинского форпостов [Там же, с. 112]. На южном рве редута Соляной Поворот выявлен выступ рва, характерный для типовых прииртышских редут. Такой фортификационный элемент, наряду с профилями рвов Соляного Поворота, является еще одним из убедительных аргументов принадлежности этого оборонительного сооружения к XVIII столетию.

В настоящее время 3D-моделирование широко используется в археологии как один из способов фиксации информации на микро- и макроуровне [Казаков, 2016; Anderson, Fregni, 2009, fig. 1]. Для съемки археологических памятников в контексте местности, как правило, задействуются БПЛА и метод фотограмметрии [Opitz, Hermann, 2018, p. 20; Themistocleous, 2019; Васильева, Дудко, 2021].

Однако при фиксации геометрических данных об объекте на уровне современной поверхности модели, полученные методом фотограмметрии на основе снимков БПЛА, содержат искаженную информацию о рельефе, поскольку зависят от уровня растительности. Полностью ликвидировать данную погрешность невозможно и после покоса. Изучение фортификационных сооружений требует более тщательного подхода.

Представленный в работе метод позволяет повысить точность измерений, обойти проблему искажений, связанных с наличием растительности, и производить фиксацию исключительно рельефа и микрорельефа. Ярким примером является съемка разрушенного дорогой угла редута Соляной Поворот. Он был выявлен исключительно благодаря высокой точности съемки.

Заключение

3D-моделирование на основе результатов тахеометрической съемки открывает особые возможности в области изучения объектов фортификации, поскольку объемные изображения

позволяют получить более объективное визуальное представление об оборонительном потенциале объектов. Итоговое изображение отражает все естественные преимущества обороняемых площадок: изолированность, характер поверхности. Кроме того, можно получить достаточно полные представления о степени естественной защищенности, просматриваемости и секторах «обстрела», открывающихся с фортификационного объекта.

Результаты 3D-моделирования не менее важны и для анализа отдельных деталей оборонительных сооружений. В качестве примеров можно привести выявление углового рва на Чултуковом Логу-9 и выступов рва на Соляном Повороте. Полученные в ходе 3D-моделирования визуальные характеристики различных фортификационных объектов (городищ, острогов, редутов) достаточно хорошо соотносятся с письменными данными по этим сооружениям. Это является не только существенным основанием их достоверности, но и явным признаком визуальной корректности в сравнении с плоскими графическими изображениями (схемами и планами).

Список литературы

- Абдулганеев М. Т., Кунгурова Н. Ю. Новые поселения эпохи железа на реке Бия // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. Новосибирск, 2005. С. 4–12.
- Бородовский А. П. Участки рва начала XVIII столетия на территории Умревинского острога // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. Т. 49, № 1. С. 94–100.
- Бородовский А. П., Бородовская Е. Л. Археологические памятники горной долины Нижней Катуни в эпоху палеометалла. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. 220 с.
- Бородовский А. П., Горохов С. В. Умревинский острог: результаты археологических исследований 2010–2017 годов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. 220 с.
- Бородовский А. П., Чибышев П. В. Хозяйственная деятельность на Соляном Повороте (станце, маяке, редуте) Иртышской линии XVIII в. // Культура русских в археологических исследованиях: археология севера России. Омск, 2021. Т. 2. С. 15–19.
- Бурмистрова О. Н., Пильник Ю. Н., Сушков С. И., Ефимова И. А. Основы геодезии и топографии. Ухта: УГТУ, 2016. 168 с.
- Васильева Ю. А., Дудко А. А. Применение фотограмметрии при проведении археологических исследований на территории Сибири (по результатам работ в 2018–2021 годах) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. 27. С. 908–913.
- Зайцева О. В., Пушкарёв А. А. Тахеометрическая съемка в археологических исследованиях: Учеб. пособие. Новосибирск: НГУ, 2010. 47 с.
- Казаков А. А. Городище Сошниково 1 // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 192–205.
- Казаков В. В. Применение информационных технологий в задачах Лаборатории мультидисциплинарных исследований первобытного искусства Евразии НГУ // Вестник НГУ. Серия: Информационные технологии. 2016. Т. 14, № 4. С. 50–57.
- Киреев С. М. Поселение Черемшанка // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул: БГПИ, 1991. С. 84–89.
- Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 3. Опыт исследования инженерного искусства после императора Петра I до императрицы Екатерины II. СПб., 1865. 652 с.
- Методика работы с палеоантропологическими материалами в полевых условиях. М.: ИА РАН, 2020. 112 с.
- Муратова С. Р. Географическое описание Иртышской линии // Вестник Том. гос. ун-та. 2013. № 373. С. 108–114.
- Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства по велению Санкт-Петербургской императорской Академии наук. СПб., 1786. Ч. 2, кн. 1, 2.

- Петрищев В. П., Данилова Т. П.** Применение ортофотопланов для целей ведения Государственного кадастра недвижимости // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: Материалы Всерос. науч.-метод. конф. Оренбург: Изд-во ОГУ, 2017. С. 885–891.
- Русские остроги XVIII века на территории Новосибирской области / Сост. А. П. Бородовский, Е. Л. Бородовская. Новосибирск, 2003. 44 с.
- Соёнов В. И., Константинов Н. А., Соёнов Д. В.** Особенности топографии и хронологии городищ Алтая и северных предгорий // Terra Scythica: Материалы Междунар. симп. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. С. 252–260.
- Троицкая Т. Н.** Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 124 с.
- Уманский А. П.** К вопросу о датировке и этнической принадлежности верхнеобских городищ – «кокуев» // Вопросы археологии Сибири. 1972. Вып. 38. С. 47–59.
- Чемакин Ю. П.** Городище Барсов Городок I/18 и ранний железный век Сургутского Приобья // Universum Humanitarium. 2019. № 1. С. 38–55.
- Шакиров З. Г.** Методы фиксации в археологии. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2015. 114 с.
- Anderson G., Fregni G.** Technology as a tool for archaeological research and artifact conservation // AIC. 2009. Vol. 202. P. 95–109.
- Borodovskiy A. P., Olechak L.** Intermountain valley of the lower Katun at the hunno-sarmation time // Rechercher Archeologiques Nouvelle Serie. 2012. Vol. 4. P. 97–112.
- Gmelin J. G.** Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743. Göttingen: Verlegts Abram Vandenhoecks seel. Wittwe, 1752. 700 p.
- Oleszczak Ł., Borodovskiy A. P., Michalczewski K., Pokutta D. A.** Chultukov Log 9 – a settlement from the xiongnu – xianbei – rouran period in the Northern Altai // Eurasian Prehistory. 2018. No. 14 (1–2). P. 153–178.
- Opitz R., Herrmann J.** Recent Trends and Long-standing Problems in Archaeological Remote Sensing // Journal of Computer Applications in Archaeology. 2018. No. 1 (1). P. 19–41.
- Themistocleous K.** The Use of UAVs for Cultural Heritage and Archaeology // Remote Sensing for Archaeology and Cultural Landscapes, Best Practices and Perspectives Across Europe and the Middle East. Cham, Switzerland: Springer, 2019. P. 241–269.

References

- Abdulganeev M. T., Kungurova N. Yu.** Novye poseleniya epohi zheleza na reke Biya [New Iron Age settlements on the Biya River]. In: Aktual'nye problemy arheologii, istorii i kul'tury [Actual problems of archeology, history and culture]. Novosibirsk, 2005, pp. 4–12. (in Russ.)
- Anderson G., Fregni G.** Technology as a tool for archaeological research and artifact conservation. AIC, 2009, vol. 202, pp. 95–109.
- Borodovsky A. P.** Uchastki rva nachala XVIII stoletiya na territorii Umrevinskogo ostroga [Sites of the moat of the beginning of the 18th century on the territory of the Umrev ostrog]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia], 2021, vol. 49, no. 1, pp. 94–100. (in Russ.)
- Borodovsky A. P., Borodovskaya E. L.** Arkheologicheskie pamyatniki gornoj doliny Nizhnei Katusi v epokhu paleometalla [Archaeological sites of the Lower Katun mountain valley in the Paleometallic epoch]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2013, 220 p. (in Russ.)
- Borodovsky A. P., Borodovskaya E. L.** (comp.). Russkie ostrogi XVIII veka na territorii Novosibirskoi oblasti [Russian prisons of the 18th century on the territory of the Novosibirsk region]. Novosibirsk, 2003, 44 p. (in Russ.)
- Borodovsky A. P., Chibyshev P. V.** Hozyaistvennaya deyatel'nost' na Solyanom Povorote (stantse, mayake, redute) Irtyshskoi linii XVIII v. [Economic activity at the Salt Turn (stanza, lighthouse, redoubt) The Irtysh line of the 18th century]. In: Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh

- issledovaniyakh: arheologiya severa Rossii [Culture of Russians in archaeological research: archeology of the North of Russia]. Omsk, 2021, vol. 2, pp. 15–19. (in Russ.)
- Borodovsky A. P., Gorohov S. V.** Umrevinskii ostrog: rezul'taty arheologicheskikh issledovaniy 2010–2017 godov [Umrev ostrog: results of archaeological research in 2010–2017]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2020, 220 p. (in Russ.)
- Borodovskiy A. P., Olechak L.** Intermountain valley of the lower Katun at the hunno-sarmation time. *Rechercher Archeologiques Nouvelle Serie*, 2012, vol. 4, pp. 97–112.
- Burmistrova O. N., Pilnik Yu. N., Sushkov S. I., Efimova I. A.** Osnovy geodezii i topografii [Outline of Geodesy and topography]. Ukhta, USTU Press, 2016, 168 p. (in Russ.)
- Chemyakin Yu. P.** Gorodishche Barsov Gorodok I/18 i rannii zheleznyi vek Surgut'skogo Priob'ya [Barsov gorodok settlement I/18 and the Early Iron Age of the Surgut Ob region]. *Universum Humanitarium*, 2019, vol. 1, pp. 38–55. (in Russ.)
- Gmelin J. G.** Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743. Göttingen, Verlegts Abram Vandenhoecks seel. Wittwe, 1752, 700 S.
- Kazakov A. A.** Gorodishche Soshnikovo 1 [Hillfort Soshnikovo 1]. In: *Drevnie poseleniya Altaya* [Ancient settlements of Altai]. Barnaul, 1998, pp. 192–205. (in Russ.)
- Kazakov V. V.** Application of information technologies in the tasks of the Laboratory of multidisciplinary research of the primitive art of Eurasia of NSU. *Vestnik NSU. Series: Information Technology*, 2016, vol. 14, no. 4, pp. 50–57. (in Russ.)
- Kireev S. M.** Poselenie Cheremshanka [Cheremshanka settlement]. In: *Okhrana i issledovanie arheologicheskikh pamyatnikov Altaya* [Protection and research of archaeological monuments of Altai]. Barnaul, BSPI Press, 1991, pp. 84–89. (in Russ.)
- Laskovsky F. F.** Materialy dlya istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii. Ch. 3. Opyt issledovaniya inzhenernogo iskusstva posle imperatora Petra I do imperatritsy Ekateriny II [Materials for the history of engineering art in Russia. Part 3. Experience in the study of engineering art after Emperor Peter I to Empress Catherine II]. St. Petersburg, 1865, 652 p. (in Russ.)
- Metodika raboty s paleoantropologicheskimi materialami v polevykh usloviyakh [Methods of working with paleoanthropological materials in the field]. Moscow, IA RAS Publ., 2020, 112 p. (in Russ.)
- Muratova S. R.** Geograficheskoe opisanie Irtyshskoi linii [Geographical description of the Irtysh line]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2013, vol. 373, pp. 108–114. (in Russ.)
- Oleszczak Ł., Borodovskiy A. P., Michalczewski K., Pokutta D. A.** Chultukov log 9 – a settlement from the xiongnu-xianbei-rouran period in the Northern Altai. *Eurasian Prehistory*, 2018, vol. 14 (1–2), pp. 153–178.
- Opitz R., Herrmann J.** Recent Trends and Long-standing Problems in Archaeological Remote Sensing. *Journal of Computer Applications in Archaeology*, 2018, vol. 1 (1), pp. 19–41.
- Pallas P. S.** Puteshestvie po raznym mestam Rossiiskogo gosudarstva po veleniyu Sankt-Petersburgskoi imperatorskoi Akademii nauk [Puteshestvie in different places of the Russian state at the behest of the Saint Petersburg Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg, 1786, pt. 2, books 1, 2. (in Russ.)
- Petrishchev V. P., Danilova T. P.** Primenenie ortofotoplanov dlya tselei vedeniya Gosudarstvennogo kadastra nedvizhimosti [The use of orthophotomaps for the purposes of maintaining the State Real Estate Cadastre]. In: *Universitetskii kompleks kak regional'nyi tsentr obrazovaniya, nauki i kul'tury* [University complex as a regional center of education, science and culture]. Materials of the All-Russian Scientific and Methodological Conference. Orenburg, OSU Press, 2017, pp. 885–891. (in Russ.)
- Shakirov Z. G.** Metody fiksatsii v arkheologii [Methods of fixation in archeology]. Kazan, KSU Press, 2015, 114 p. (in Russ.)
- Soyonov V. I., Konstantinov N. A., Soyonov D. V.** Osobennosti topografii i khronologii gorodishch Altaya i severnykh predgorii [Features of topography and chronology of Altai and

- northern foothills settlements]. In: Terra Scythica. Proceedings of the international symposium. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2011, pp. 252–260. (in Russ.)
- Themistocleous K.** The Use of UAVs for Cultural Heritage and Archaeology. In: Remote Sensing for Archaeology and Cultural Landscapes, Best Practices and Perspectives Across Europe and the Middle East. Cham, Switzerland, Springer, 2019, pp. 241–269.
- Troitskaya T. N.** Kulaiskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e [Kulai culture in the Novosibirsk Ob region]. Novosibirsk, Nauka, 1979, 124 p. (in Russ.)
- Umansky A. P.** K voprosu o datirovke i etnicheskoi prinadlezhnosti verkhneobskikh gorodishch – “kokue” [On the question of dating and ethnicity of the Verkhneob settlements – “kokuev”]. *Voprosy arheologii Sibiri* [Questions of Archeology of Siberia], 1972, vol. 38, pp. 47–59. (in Russ.)
- Vasilieva Yu. A., Dudko A. A.** Primenenie fotogrammetrii pri provedenii arkheologicheskikh issledovaniy na territorii Sibiri (po rezul'tatam rabot v 2018–2021 godakh) [The use of photogrammetry in archaeological research in Siberia (based on the results of work in 2018–2021)]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories], 2021, vol. 27, pp. 908–913. (in Russ.)
- Zaitseva O. V., Pushkarev A. A.** Takheometricheskaya s'emka v arkheologicheskikh issledovaniyakh [Tacheometric survey in archaeological research]. Textbook. Novosibirsk, NSU Press, 2010, 47 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Андрей Павлович Бородовский, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Роман Вячеславович Давыдов, младший научный сотрудник

Information about the Authors

Andrei P. Borodovsky, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher
Roman V. Davydov, Junior Researcher

*Статья поступила в редакцию 16.02.2022;
одобрена после рецензирования 15.11.2023; принята к публикации 20.12.2023
The article was submitted on 16.02.2022;
approved after reviewing on 15.11.2023; accepted for publication on 20.12.2023*

Научная статья

УДК 903.01/903.25

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-22-33

Экспериментально-трасологическое исследование сверления твердых минералов

Олег Андреевич Митько¹

Ксения Сергеевна Бурашникова²

Екатерина Викторовна Губенко³

¹⁻³ Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹ omitis@gf.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7741-3167>

² k.burashnikova@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6208-3251>

³ e.gubenko@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1307-6288>

Аннотация

В археологических памятниках раннего железного века и гунно-сарматского времени фиксируются очень близкие по составу бусинные наборы, среди которых выделяются изделия из сердолика. Сердолик имеет очень высокий коэффициент твердости, и его сверление даже современными инструментами является крайне технологичным и трудоемким. Важной деталью производственного процесса сверления является конфигурация режущей части сверла, оставляющего специфические следы на камне. С целью реконструкции этой операции нами было проведено экспериментально-трасологическое исследование, включающее изучение следов на стенках каналов бусин из археологических памятников и на каналах экспериментальных образцов. В результате исследования установлено, что сверла с закругленной цилиндрической и трубчатой формой оставляли следы, находящиеся в соответствии с отверстиями на артефактах.

Ключевые слова

Средний Енисей, ранний железный век, сердоликовые бусины, технология сверления, экспериментально-трасологический анализ

Благодарности

Исследование проведено в рамках реализации государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021)

Для цитирования

Митько О. А., Бурашникова К. С., Губенко Е. В. Экспериментально-трасологическое исследование сверления твердых минералов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 3: Археология и этнография. С. 22–33. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-22-33

© Митько О. А., Бурашникова К. С., Губенко Е. В., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 3: Археология и этнография. С. 22–33

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 22–33

Experimental Traceological Research on Drilling Solid Minerals

Oleg A. Mitko ¹, Ksenia S. Burashnikova ², Ekaterina V. Gubenko ³

¹⁻³ Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ omitis@gf.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7741-3167>

² k.burashnikova@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6208-3251>

³ e.gubenko@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1307-6288>

Abstract

Purpose. In archaeological sites of the Early Iron Age and the Hunno-Sarmatian period, there are very similar bead sets, among which carnelian products stand out. Carnelian has a high hardness coefficient and its drilling, even with modern tools, it is extremely technological and time-consuming. The important detail of the drilling process is the configuration of the cutting part of the tool, which leaves specific traces on the stone. In order to reconstruct this main operation, we conducted a series of experimental traceological studies, including the study of traces on the walls of the channels of beads from archaeological sites and on the channels of experimental samples.

Results. In one series, six experiments were conducted using six drills made of copper rod. As a result of the research drills with rounded cylindrical and tubular shapes left similar traces fixed on artifacts. It is worth noting that according to written sources, carnelian was drilled using diamond as an abrasive. Experimental work has shown that carnelian can also be processed and drilled with corundum.

Conclusion. Each technological operation is associated with the practical experience and knowledge of the properties of the mineral, in particular its crystal structure. The process of making beads from such hard stones as carnelian, agate, quartz, jasper, turquoise is one of the most labor-intensive and time-consuming. The craftsmen had to know the properties of the material they were working with as well as it was necessary for the minimum set of tools, consisting of a drill, reamer, tools for grinding and, polishing and various types of abrasives. Despite the complexity of their production, stone beads were intended for trade and exchange operations belong to the mass production of ancient stone-cutting workshops. Obviously, this was due to the high consumer demand for the jewelry they made.

Keywords

Middle Yenisei, Early Iron Age, carnelian beads, drilling technology, experimental traceological analysis

Acknowledgements

The study was carried out as part of the implementation of the State Task of the Ministry of Education and Science in the field of scientific activity (project no. FSUS-2020-0021)

For citation

Mitko O. A., Burashnikova K. S., Gubenko E. V. Experimental Traceological Research on Drilling Solid Minerals. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 22–33. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-22-33

Введение

Степная зона Среднего Енисея является уникальным, относительно замкнутым природно-географическим регионом. Именно с его положением связана непрерывность исторического развития и высокая концентрация археологических памятников, среди которых в количественном соотношении преобладают погребальные комплексы. При этом для культур VII в. до н. э. – V в. н. э. можно отметить одну примечательную особенность: в погребальном инвентаре тагарских, тесинских и таштыкских захоронений присутствуют очень близкие по составу бусинные наборы, среди которых лишь украшения из кости и рога можно отнести к местному производству. Представляется, что изготовление простых и безыскусных бусин не требовало ни развитого инструментария, ни высокого профессионализма. В то же время украшения из стекла и твердых минералов с полным основанием можно отнести к изделиям, имеющим все отличия престижных технологий: с одной стороны, демонстрация богатства и статуса, а с другой – применение сложных технических решений и приемов при их изготовлении [Hayden, 1998].

Обработка поделочных камней, включая сверление, встречается в более ранних археологических культурах [Groman-Yaroslavski, Bar-Yosef Mayer, 2015; Сериков, 2018, с. 56]. Однако каменные бусины эпохи раннего железного века отличаются сложным технологическим исполнением, требующим большого объема эмпирических знаний, опыта работы с минералами, практических навыков и умения, набора специализированных инструментов, а также применения сложных механизмов, разработать которые, на наш взгляд, мог только человек с инженерным типом мышления.

На Среднем Енисее не зафиксировано ни одного археологического памятника, который можно хотя бы косвенно отнести к стеклодельным или камнерезным мастерским. В то же время многочисленные наборы каменных бусин встречаются на территории Казахстана, Восточного Памира, Хорезма, Пакистана, Индии, Южного Урала, Закавказья, Северного Причерноморья, Египта [Леммлейн, 1947, с. 22–30; 1950; Литвинский, 1972, с. 79–81; Алексеева, 1975; Русланова, 2018, с. 361–370; Nandagopal Prabhakar, 2018]. Выделяются три крупнейших региона, где с древних времен существовали ремесленные центры по производству каменных изделий, в том числе бусин: индийский регион (провинция Синд в Пакистане, территория современного штата Гуджарат в Индии), Ближний Восток (территория современных Ирака и Ирана, Южная Аравия) и Средняя Азия (государственные образования на территории современных Узбекистана, Таджикистана, Афганистана и Восточного Туркестана) [Абур-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни, 1963; Шефер, 1981, с. 301; Накви, 1985; Nandagopal Prabhakar, 2018, р. 475]. Необычайная широта распространения позволяет предположить, что в Минусинской котловине, как и на большей части степного пояса Евразии, каменные бусины появились в результате продолжительных и хорошо организованных торгово-экономических связей и культурных контактов с государственными образованиями в Юго-Западной, Центральной и Южной Азии.

Источниковая база по изучению енисейских бусин всех видов на сегодняшний день насчитывает более 15 тыс. экземпляров. Особенно много каменных изделий приходится на саргашенское (позднетагарское) и тесинское время, причем в отдельных памятниках они преобладают над находками стекловидных (пастовых) и стеклянных украшений. Так, коллекция бусин из мягких горных пород камня и твердых минералов могильника Белый Яр I состоит из 67 экз., что составляет 63 % от всего количества украшений, обнаруженных на данном памятнике [Губенко, Поселянин, 2022, с. 7]. Среди каменных бусин со Среднего Енисея выделяются изделия яркого, насыщенного цвета из сердолика, относящего к группе халцедоновых пород.

Сердолик имеет очень высокий коэффициент твердости (7 ед. по шкале Мооса), и его сверление даже современными инструментами является высокотехнологичным и трудоемким. В последнее десятилетие в археологической науке стали появляться как отечественные, так и зарубежные исследования, направленные на изучение каменных украшений в экспериментально-трассологическом аспекте [Сидоренко, 2014; Groman-Yaroslavski, Bar-Yosef Mayer, 2015; Сериков и др., 2020]. Однако изыскания, связанные с перфорацией поделочных пород камня, по-прежнему редки. Это обстоятельство послужило основанием для проведения экспериментальных работ по сверлению отверстий малого диаметра в одном из прочных природных минералов. Целью исследования является реконструкция сверления как одного из самых сложных и ключевых процессов обработки поделочных камней.

Технологический этап «сверление» состоит из трех операций: *кernение* (образование углубления в заготовке; разметка перед сверлением), *сверление* (получение отверстия или отверстий различного диаметра и глубины с помощью специального вращающегося режущего инструмента) и *развальцовка* (сглаживание острых неровных краев на выходе сверла). По имеющимся данным, для сверления камня необходимы сверла и абразив, для развальцовки – развёртка [Волков, 2013, с. 114]. Воссоздать историческую форму и составляющие части инструментов сложно в связи с их отсутствием среди находок из археологических памятников.

Материалы и методы исследования

В письменных источниках встречается описание технологии изготовления бусин из твердых поделочных камней, позволяющее изготовить рабочие реплики инструментов и применить их при проведении экспериментов.

Одно из дошедших до нас описаний технологии производства каменных украшений содержится в трактате персидского ученого-энциклопедиста Абу Рейхана Мухаммеда ибн Ахмеда ал-Бируни (годы жизни 973–1048) «Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия)» [Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни, 1963]. Его труд – это обширная сводка минералогических знаний раннего Средневековья, по крупицам собранных из разных источников, включая рассказы ремесленников-ювелиров, выдержки из сочинений арабских ученых, собственные минералогические наблюдения и опыты. Особенно много ал-Бируни почерпнул из не дошедшей до нас работы ал-Кинди (годы жизни – около 801–873), математика, музыканта и философа, заново познакомившего Европу с Аристотелем.

Следуя за своими предшественниками, ал-Бируни описал морфологические особенности минералов (прозрачность, блеск, твердость, форма, удельный вес, химический состав), предложил их классификацию и представил историю происхождения с указанием сведений о крупных месторождениях драгоценных камней и руд. Помимо этого он дал характеристику технологии изготовления украшений из минералов, выделив основные технические операции и их последовательность. Ал-Бируни отмечал, что ремесленное производство характерно прежде всего для городов, а непосредственно для производства украшений требовались специальные знания, опыт и набор инструментов. В «Собрании сведений» упоминаются такие специализации мастеров, как мастер-разметчик, шлифовальщик, сверловщик, низальщик ожерелий, что свидетельствует о разделении труда и появлении узкой специализации мастеров, постоянно выполняющих один из приемов обработки камня. При этом «сверлению» как одному из самых трудоемких этапов производства украшений уделялось особое внимание [Там же, с. 360]. Появление этой высокотехнологичной операции при изготовлении сердоликовых бусин приходится на рубеж III–II тыс. до н. э. – время расцвета Индской (Хараппской) цивилизации [Накви, 1985].

В начальной истории развития техники сверления твердых камней выделяются такие этапы, как сверление кремневым сверлом; сверление сплошным металлическим штифтовым сверлом с абразивным порошком; сверление трубчатым сверлом с абразивом и сверление алмазным сверлом. Ал-Бируни писал, что в его время сверло было металлическим (вероятно, медным), как и в более раннее время, и имело диаметр 2–3 мм. В качестве абразивного материала повсеместно использовали алмаз. Подчеркивается, что «жители Ирака и Хорасана не обращают внимания на сорт алмазов и их цвет. Для них они все одинаковые по качеству, так как [там] употребляют их только для сверления» [Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни, 1963, с. 84]. Более дешевым и менее твердым абразивным материалом являлся корунд и наждак (разновидность корунда). Последний употреблялся для обработки твердых камней с древнейших времен. Упоминания о нем встречаются в египетских, ассирийских и библейских текстах [Там же, с. 361, 366].

Ал-Бируни не привел сведений о такой важной детали производственного процесса сверления бусин из твердых минералов, как конфигурация режущей части сверла, оставлявшего отчетливые следы на камне. С целью реконструкции этой основной операции при изготовлении бусин нами был проведен трасологический анализ, включающий изучение следов на стенках каналов бусин из археологических памятников и на каналах экспериментальных эталонов.

Исследование базировалось на анализе трех археологических коллекций сердоликовых бусин – Белый Яр I, Июсский клад, Тесинский Залив-3, содержащих в совокупности 67 экз. Выборка украшений основывалась на использовании экспериментально-трасологического метода. Фотофиксация следов обработки на археологическом материале и эксперименталь-

ных образцах на макроуровне проводилась посредством цифрового зеркального фотоаппарата Canon EOS 650D с объективом Canon RF 35mm f/1.8 Macro IS STM.

В рамках одной серии было проведено шесть экспериментов, в которых использовано шесть сверл, изготовленных из медного стержня диаметром 3 мм. Каждое из сверл имело свою форму режущей части: сверло № 1 – закругленное цилиндрическое; сверло № 2 – плоское цилиндрическое; сверло № 3 – односкатное заостренное; сверло № 4 – двускатное заостренное; сверло № 5 – конусовидное; сверло № 6 – трубчатое (рис. 1, а).

Сверление проводилось на поверхности сердоликовой пластины-заготовки (размеры $36 \times 32 \times 8$ мм). В качестве абразива применялся корунд (электрокорунд марки 14А – искусственный корунд) в виде шлифовального порошка с зернистостью F100–220, а также льняное масло и вода, служившие связующими материалами. Сверление осуществлялось на деревянном станке китайского типа с ручным лучковым приводом. Источником, на основе которого был реконструирован сверлильный станок, послужил рисунок с выставки в Музее Внутренней Монголии в г. Хух-Хото Китая. Конструкция станка включала в себя платформу (100×60 см), на которую были установлены два бруска высотой 20 см со сквозными пазами для перекладки длиной 120 см. Преимущество такого станка состояло в возможности регулирования степени постоянного давления с помощью приближения и отдаления фиксируемого груза (речной песок массой 2,5 кг). Следует отметить, что значимым в процессе сверления являлось не только сверло, но и используемые сложные механизмы, система которых влияла на эффективность производственного процесса.

Время работы каждым сверлом на поверхности минерала составило 20 минут (рис. 2). Отметим, что в процессе сверления происходила также деформация режущего края сверла (рис. 1, б).

Результаты исследования

В ходе проведенной серии экспериментов выяснилось, что начальной и, несомненно, самой ответственной технологической операцией является *кернение*, от качества которого зависят все последующие этапы работы. С его помощью должно быть точно отмечено место сверления отверстия бусины и произведено небольшое посадочное углубление для надежной фиксации сверла на поверхности минерала. Стоит отметить, что следы этой операции не фиксируются на бусинах из археологических памятников, поскольку они исчезают в процессе сверления. Соответственно, вопросы, касающиеся материала, из которого был изготовлен кернер, и приемов его применения, остаются открытыми. Можно лишь предположить, что при подготовке посадочного углубления на поверхности минерала применялся отбойник, морфологически близкий к современным металлическим кернерам, используемым для работы с металлом.

В ходе эксперимента удалось установить, что лишь продолжительная серия четких ударов по кернеру (650 движений и более) позволяла мастеру-разметчику получить необходимое посадочное углубление, не позволяющее сверлу соскальзывать с поверхности минерала.

Ко второй технологической операции относилось *сверление*, во время которого требовалось тщательное соблюдение центровки и позиционирования сверла. Для сохранения прямого направления канала отверстия было важно контролировать строго перпендикулярное положение сверла относительно горизонтальной плоскости заготовки будущего изделия. Большое значение имела степень давления, оказываемая грузом на установленное сверло. Перед началом работы сверло окуналось в масло, выступающее связующим материалом, затем – в используемый абразив (в нашем случае – льняное масло и порошок корунда). Сверление осуществлялось при помощи возвратно-поступательных движений лучком. Скорость вращения сверла составила 2 160–2 400 оборотов в минуту (360–400 оборотов вокруг своей оси на 360° за 10 секунд).

Результаты работы и отмеченные признаки сверления или их отсутствие представлены на рис. 3 и в таблице.

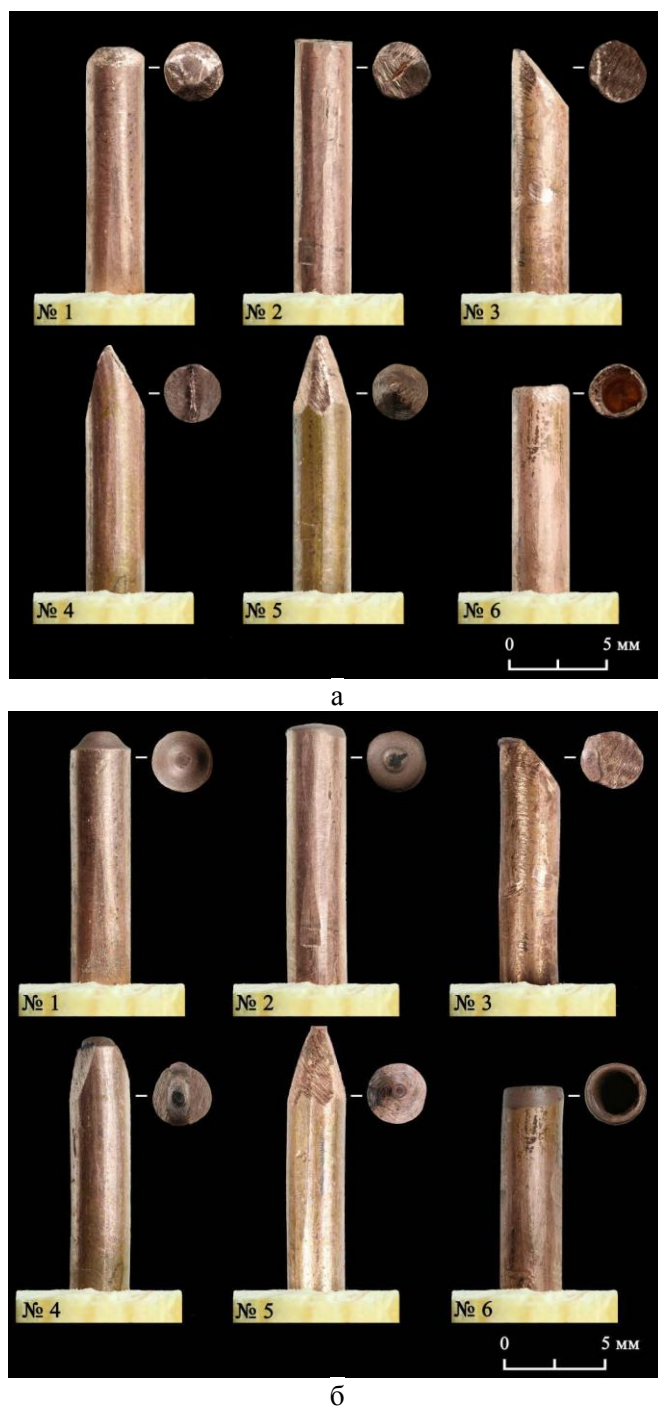

Рис. 1. Экспериментальные медные сверла с разной формой режущего края
(а – до эксперимента; б – после эксперимента):

№ 1 – с закругленной цилиндрической формой; № 2 – с плоской цилиндрической формой; № 3 – с односкатной заостренной формой; № 4 – с двускатной заостренной формой; № 5 – с конусовидной формой; № 6 – с трубчатой формой

Fig. 1. Experimental copper drills with a different shape of the cutting edge
(a – before the experiment; b – after the experiment):

№ 1 – with a rounded cylindrical shape; № 2 – with a flat cylindrical shape; № 3 – with a single-pitched pointed shape; № 4 – with a gable pointed shape; № 5 – with a cone-shaped cutting edge; № 6 – with a tubular shape

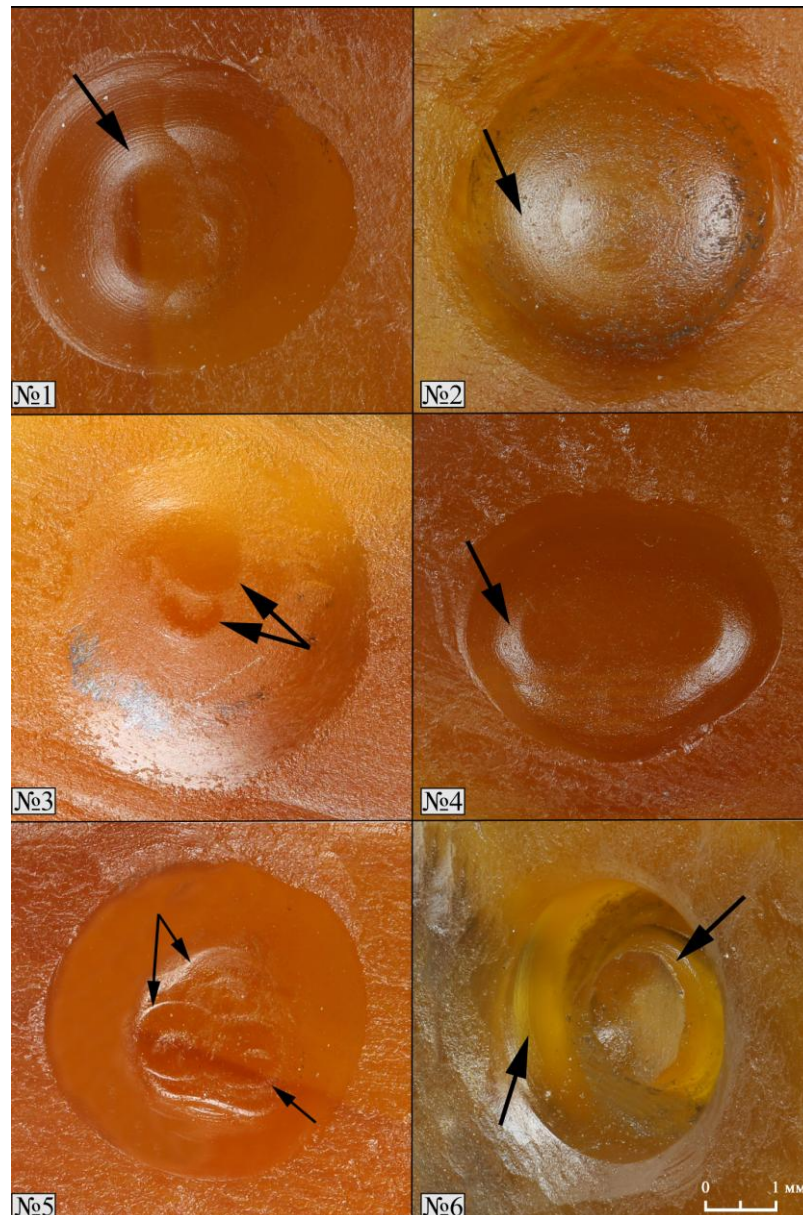

Рис. 2. Макрофотографии следов сверления на поверхности сердолика:

№ 1 – следы сверления от сверла с закругленной цилиндрической формой режущего края; № 2 – следы сверления от сверла с плоской цилиндрической формой режущего края; № 3 – следы сверления от сверла с односкатной заостренной формой режущего края; № 4 – следы сверления от сверла с двускатной заостренной формой режущего края; № 5 – следы сверления от сверла с конусовидной формой режущего края; № 6 – следы сверления от сверла с трубчатой формой режущего края

Fig. 2. Macro photographs of drilling traces on the carnelian surface:

№ 1 – traces of drilling from a drill with a rounded cylindrical shape of the cutting edge; № 2 – traces of drilling from a drill with a flat cylindrical shape of the cutting edge; № 3 – traces of drilling from a drill with a single-pitched pointed shape of the cutting edge; № 4 – traces of drilling from a drill with a gable pointed shape of the cutting edge; № 5 – traces of drilling from a drill with a cone-shaped cutting edge; № 6 – traces of drilling from a drill with a tubular shape of the cutting edge

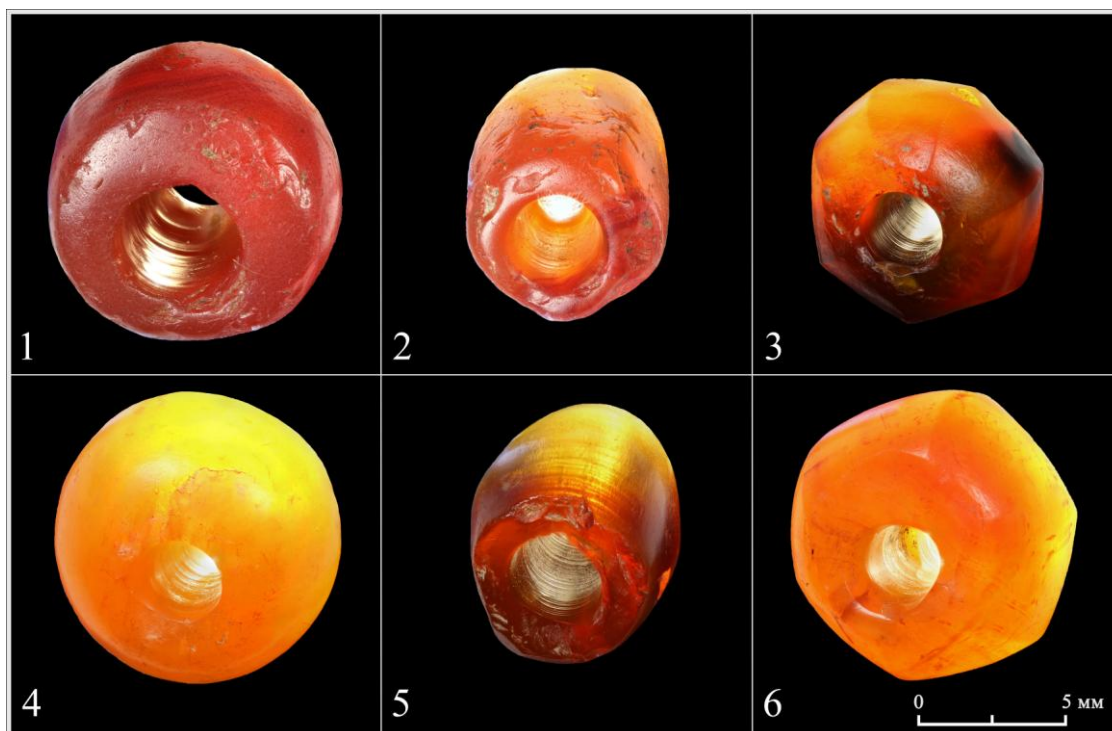

Рис. 3. Макрофотографии следов сверления на стенках канала отверстия сердоликовых бусин из памятников Среднего Енисея VII в. до н. э. – V в. н. э.: 1, 2 – бусины из могильника Белый Яр I; 3–6 – бусины из коллекции случайных находок Минусинского музея им. Н. М. Мартянова

Fig. 3. Macro photographs of drilling traces on the walls of the channel holes of carnelian beads from the sites of the Middle Yenisei of the VII century BC – V century AD: 1, 2 – beads from the Bely Yar I burial site; 3–6 – beads from the collection of random finds of the Minusinsk Museum named after N. M. Martyanov

Результаты экспериментального сверления в сердолике
(время работы 20 минут)

Results of experimental drilling in carnelian
(the working time is 20 minutes)

№ эксперимента	Форма режущей части сверла	Характеристика следов, оставленных на пластине-заготовке
1	Закругленная цилиндрическая	Углубление 0,5 мм; следы сверления хорошо выражены; имеют схожую форму со следами на археологическом материале
2	Плоская цилиндрическая	Углубление не более 0,1 мм; следы сверления слабо выражены; имеют схожую форму со следами на археологическом материале
3	Односкатная заостренная	Углубление не фиксируется; следы сверления отсутствуют;
4	Двускатная заостренная	Углубление 0,1 мм; следы сверления слабо выражены; не имеют схожей формы со следами на археологическом материале
5	Конусовидная	Углубление не фиксируется; следы сверления отсутствуют;
6	Трубчатая	Углубление 1 мм; следы сверления хорошо выражены; имеют схожую форму со следами на археологическом материале

Обсуждение результатов и выводы

Резюмируя результаты экспериментального использования медных сверл с различной формой режущего края, мы можем отметить, что каждая технологическая операция связана с практическим опытом работы и знанием свойств минерала, в частности его кристаллической структуры. Нет сомнения в том, что рациональные и эмпирические по своей сути знания приобретались в ходе многолетней практической работы. Самым важным и в то же время не фиксируемым в ходе трасологического анализа подготовительным этапом являлось кернение, от которого зависело качество выполнения дальнейших технологических операций (сверление и развальцовка) и, соответственно, готовой продукции. Мастер-разметчик должен был обладать большим опытом и умением хорошо контролировать силу удара, поскольку даже микротрещина могла привести к повреждению изделия при сверлении. Технические характеристики инструмента для кернения нам неизвестны, раскрыть их можно только на заготовках бусин, непосредственно зафиксированных на месте бывших камнерезных мастерских.

В результате сверления на поверхности заготовки из сердолика отмеченные признаки, оставленные медным сверлом с закругленной цилиндрической и трубчатой режущей частью, имеют сходство со следами, фиксирующимися на каменных бусинах из памятников Среднего Енисея VII в. до н. э. – V в. н. э (см. рис. 3). За 20 минут работы сверло закругленной цилиндрической формы (№ 1) оставило на поверхности образца углубление 0,5 мм, трубчатое сверло (№ 6) – 1 мм. Это свидетельствует об эффективности сверла № 6 и более высокой производительности труда мастера, использующего сверло трубчатой формы. Важно подчеркнуть, что регулировка давления (приближение и отдаление груза, а также выбор его массы) влияла на время, затраченное на сверление.

Стоит отметить, что, по сведениям письменных источников, сердолик сверлили, используя в качестве абразива алмаз (10 ед. по шкале Мооса). Экспериментальные работы показали, что сердолик также поддается обработке и сверлению корундом (9 ед. по шкале Мооса). Вероятно, в древних ремесленных мастерских корунд могли также использовать в качестве абразивного материала.

Процесс изготовления бусин из таких твердых пород каменного сырья, как сердолик, агат, кварц, яшма, бирюза является одним из наиболее трудоемких. Мастера должны были знать свойства обрабатываемого материала, иметь необходимый набор инструментов, состоящий из сверла, развертки, инструментов для шлифовки и полировки, а также абразивы различных типов и станок, делающий процесс перфорации высокотехнологичным. Несмотря на сложность производства, каменные бусины, предназначенные для торгово-обменных операций, относились к массовой продукции древних камнерезных мастерских. Очевидно, что это было связано с высоким потребительским спросом на изготавливаемые ими украшения.

Полученные результаты позволяют продолжить серию экспериментов по сверлению отверстий малого диаметра, сделав акцент на подбор формы режущей части сверла, приближенной к конфигурации инструмента древних мастеров.

Список литературы

- Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1975. 94 с.
- Волков П. В. Опыт эксперимента в археологии. СПб.: Нестор-История, 2013. 416 с.
- Губенко Е. В., Поселянин А. И. Коллекция украшений из тагарского могильника Белый Яр I (Алтайский район, Республика Хакасия) // Вестник Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова. 2022. № 3 (41). С. 6–10.
- Леммлейн Г. Г. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе. Под ред. А. Д. Удальцова // КСИИМК. 1947. Вып. 18. С. 22–30.

- Леммлейн Г. Г. Опыт классификации форм каменных бус. Под ред. А. Д. Удальцова // КСИИМК. 1950. Вып. 32. 1950. С. 157–172.
- Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М.: Наука, 1972. 269 с.
- Накви С. А. Мохенджо-Даро. Под ред. Э. Глиссана // Курьер ЮНЕСКО. Археология сегодня. 1985. С. 32–35.
- Русланова Р. Р. Бусы Южного Урала по материалам некрополей III–VIII веков. Уфа: Башк. энцикл., 2018. 376 с.
- Сериков Ю. Б. К вопросу о технике изготовления отверстий большого диаметра в каменных изделиях неолита-бронзы Урала // Поволжская археология. 2018. № 1 (23). С. 56–73.
- Сериков Ю. Б., Грехов С. В., Канаука Н. В. Эксперименты по сверлению разных пород камня с помощью полый кости // Вестник Перм. гос. ун-та. 2020. Т. 48, вып. 1. С. 71–81.
- Сидоренко Е. В. Технология изготовления каменных бус в лидовской культуре эпохи палеометалла Приморья // Россия и АТР. 2014 Т. 3, вып. 85. С. 219–226.
- Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М.: Наука, 1981. 608 с. (Культура народов Востока)
- Groman-Yaroslavski I., Bar-Yosef Mayer D. E. Lapidary technology revealed by functional analysis of carnelian beads from the early Neolithic site of Nahal Hemar Cave, southern Levant // *Journal of Archaeological Method and Theory*. 2015. Vol. 58. P. 77–88.
- Hayden B. Practical and Prestige Technologies: The Evolution of Material Systems // *Journal of Archaeological Method and Theory*. 1998. № 1 (5). P. 1–55.
- Nandagopal Prabhakar. Decorated Carnelian Beads from the Indus Civilisation Site of Dholavira (Great Rann of Kachchha, Gujarat) // *Walking with the Unicorn Social Organization and Material Culture in Ancient South Asia*. Gandhinagar: Archaeopress, 2018. P. 475–485. DOI 10.2307/j.ctv19vbgkc.35

Список источников

- Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия) / Пер. А. М. Беленицкого; под ред. Г. Г. Леммлейна [и др.]; статьи и примеч. А. А. Беленицкого и Г. Г. Леммлейна. Л.: Изд-во АН СССР. Ленингр. отделение, 1963. 518 с.

References

- Alekseeva E. M. Antichnye busy Severnogo Prichernomorya [Antique beads of the Northern Black Sea region]. Moscow, Nauka, 1975, 94 p. (in Russ.)
- Groman-Yaroslavski I., Bar-Yosef Mayer D. E. Lapidary technology revealed by functional analysis of carnelian beads from the early Neolithic site of Nahal Hemar Cave, Southern Levant. *Journal of Archaeological Method and Theory*, 2015, vol. 58, pp. 77–88.
- Gubenko E. V., Poselyanin A. I. Kolleksiya ukrashenii iz tagarskogo mogil'nika Belyi Yar I (Altaiskii raion, Respublika Khakasiya) [Collection of jewelry from the Tagar burial ground Bely Yar I (Altai region, Republic of Khakassia)]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova* [Bulletin of the Khakassian State University named after N. F. Katanov], 2022, no. 3 (41), pp. 6–10. (in Russ.)
- Hayden B. Practical and Prestige Technologies: The Evolution of Material Systems. *Journal of Archaeological Method and Theory*, 1998, no. 1 (5), pp. 1–55.
- Lemmlejn G. G. Opyt klassifikatsii form kamennyx bus [Experience in classifying the forms of stone beads]. In: KSIIMK. [Brief research reports of the Institute of the History of Material Culture]. 1950, iss. XXXII, p. 157–172. (in Russ.)

- Lemmlein G. G.** Tekhnika sverleniya kamennykh bus iz raskopok na Kavkaze [Technology for drilling stone beads from excavations in the Caucasus]. *KSIMK [Brief research reports of the Institute of the History of Material Culture]*, 1947, iss. 18, pp. 22–30. (in Russ.)
- Litvinsky B. A.** Drevnie kochevniki “Kryshi mira” [Ancient nomads “Roofs of the world”]. Moscow, Nauka, 1972, 269 p. (in Russ.)
- Nakvi S. A.** Mokhendzho-Daro [Mohenjo-daro]. *Kurer YuNESKO. Arkheologiya segodnya [UNESCO Courier. Archeology today]*, 1985, pp. 32–35. (in Russ.)
- Nandagopal Prabhakar.** Decorated Carnelian Beads from the Indus Civilisation Site of Dholavira (Great Rann of Kachchha, Gujarat). In: Walking with the Unicorn Social Organization and Material Culture in Ancient South Asia. Gandhinagar, Archaeopress, 2018, pp. 475–485. DOI 10.2307/j.ctv19vbgkc.35
- Ruslanova R. R.** Busy Yuzhnogo Urala po materialam nekropolei III–VIII vekov [Beads of the Southern Urals based on materials from necropolises of the 3rd – 8th centuries.]. Ufa, Bashkir Encyclopedia, 2018, 376 p. (in Russ.)
- Serikov Yu. B.** K voprosu o tekhnike izgotovleniya otverstii bolshogo diametra v kamennykh izdeliyakh neolita-bronzy Urala [On the question of the technique of making large-diameter holes in Neolithic-Bronze stone products of the Urals]. *Povolzhskaya arkheologiya [The Volga River region archaeology]*, 2018, no. 1 (23), pp. 56–73. (in Russ.)
- Serikov Yu. B., Grekhov S. V., Kanauka N. V.** Eksperimenty po sverleniyu raznykh porod kamnya s pomoshchyu poloi kosti [Experiments on drilling different types of stone with hollow bone]. *Vestnik Permskogo universiteta [Bulletin of the Perm University]*, 2020, vol. 48, iss. 1, pp. 71–81. (in Russ.)
- Shefer E.** Zolotyе persiki Samarkanda. Kniga o chuzhezemnykh dikovinakh v imperii Tan [Golden peaches of Samarkand. A book about foreign curiosities in the Tang Empire]. Moscow, Nauka, 1981, 608 p. (in Russ.) (Seriya: Kultura narodov Vostoka [Series: Culture of the peoples of the East])
- Sidorenko E. V.** Tekhnologiya izgotovleniya kamennykh bus v lidovskoi kulture epokhi paleometalla Primorya [The technology of making stone beads in the Lidov culture of the paleometal era of Primorye]. *Rossiya i ATR [Russia and Asia-Pacific region]*, 2014, vol. 3, iss. 85, pp. 219–226. (in Russ.)
- Volkov P. V.** Opyt eksperimenta v arkheologii [Experimental experience in archeology]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2013, 416 p. (in Russ.)

List of Sources

- Abu-r-Rajxan Muxammed ibn Axmed al-Biruni.** Sobranie svedenii dlya poznaniya dragotsennostei (mineralogiya) [Collection of information for the knowledge of jewelry (mineralogy)]. Transl. by A. M. Belenitsky; ed. by G. G. Lemmlein [et al.]; art. and comment. by A. A. Belenitsky and G. G. Lemmlein. Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. [Leningrad Branch], 1963, 518 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Олег Андреевич Митько, кандидат исторических наук, доцент
Scopus Author ID 55151372100
RSCI Author ID 385369
SPIN 2662-6112

Ксения Сергеевна Бурашникова, лаборант-исследователь

WoS Researcher ID HSG-2289-2023

RSCI Author 1195729

SPIN 2563-9378

Екатерина Викторовна Губенко, лаборант-исследователь

Scopus Author ID 57929432600

WoS Researcher ID HTN-5717-2023

RSCI Author ID 1126124

SPIN 1180-9207

Information about the Authors

Oleg A. Mitko, Candidate of Sciences (History), Associate Professor

Scopus Author ID 55151372100

RSCI Author ID 385369

SPIN 2662-6112

Ksenia S. Burashnikova, Laboratory Research Assistant

WoS Researcher ID HSG-2289-2023

RSCI Author 1195729

SPIN 2563-9378

Ekaterina V. Gubenko, Laboratory Research Assistant

Scopus Author ID 57929432600

WoS Researcher ID HTN-5717-2023

RSCI Author ID 1126124

SPIN 1180-9207

Вклад авторов:

О. А. Митько – обобщение результатов, доработка текста.

К. С. Бурашникова – анализ материала, формулирование выводов, подготовка второй версии статьи.

Е. В. Губенко – разработка концепции исследования, отбор и анализ материала, подготовка иллюстраций и первой версии статьи.

Contribution of the Authors:

Oleg A. Mitko summed up the results and prepared the final draft of the article.

Ksenia S. Burashnikova analyzed the material, made conclusions, prepared the second draft of the article.

Ekaterina V. Gubenko developed the research methodology and approach, selected and analyzed material, prepared the illustrations and the first draft of the article.

*Статья поступила в редакцию 15.09.2022;
одобрена после рецензирования 30.12.2022; принята к публикации 14.01.2023
The article was submitted on 15.09.2022;
approved after reviewing on 30.12.2022; accepted for publication on 14.01.2023*

Научная статья

УДК 902/904

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-34-46

К истории исследования изображений на камнях из курганов тагарской культуры

Ольга Олеговна Шишкина

Кемеровский государственный университет

Кемерово, Россия

olgashishkina145@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4956-1293>

Аннотация

Выделены этапы исследования изображений на камнях из тагарских курганов в Минусинской котловине: 1) XVIII – середина XIX в. – накопление первых знаний о петроглифах в ходе академических экспедиций (Д. Г. Мессершмидт, Г. Ф. Миллер и др.); 2) 1860-е – 1950-е гг. – исследование тагарских курганов и документирование изображений на их конструкциях (Д. А. Клеменц, И. Р. Аспелин, А. В. Адрианов, С. В. Киселев и др.); 3) 1960-е – 1980-е гг. – эпизодические упоминания при проведении спасательных работ (М. П. Грязнов, М. Н. Пшеницына, Н. А. Боковенко) и целенаправленное изучение (Т. В. Николаева, Д. Г. Савинов); 4) 1990-е – 2020-е гг. – комплексный анализ петроглифов на камнях тагарских курганов (Е. А. Миклашевич, А. Н. Мухарева, О. С. Советова и др.). К настоящему времени сложился комплекс подходов к выявлению и документированию петроглифов на камнях из тагарских курганов.

Ключевые слова

петроглифы, наскальное искусство, тагарские курганы, Минусинская котловина, история исследования

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01099 «Рисунки на камнях тагарских курганов как особый петроглифический источник по древней истории Южной Сибири (по материалам Тепсейского археологического микрорайона)»

Для цитирования

Шишкина О. О. К истории исследования изображений на камнях из курганов тагарской культуры // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 3: Археология и этнография. С. 34–46. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-34-46

History of the Study of Images on Stones from the Tagar Culture Mounds

Olga O. Shishkina

Kemerovo State University

Kemerovo, Russia

olgashishkina145@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4956-1293>

Abstract

The author identified the stages of studying the images on the plates from the Tagar burial mounds in the Minusinsk basin. 1. 18th – mid 19th century: accumulation of the first knowledge about petroglyphs during academic expeditions (D. G. Messerschmidt, G. F. Miller, etc.). 2. 1860s–1950s: study of the Tagar mounds and documentation of images on their constructions (D. A. Klements, I. R. Aspelin, A. V. Adrianov, S. V. Kiselev, etc.). 3. 1960s–1980s: episodic

© Шишкина О. О., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 3: Археология и этнография. С. 34–46

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 34–46

mentions during rescue archaeological excavations (M. P. Gryaznov, M. N. Pshenitsyna, N. A. Bokovenko) and purposeful research (T. V. Nikolayeva, D. G. Savinov). 4. 1990s–2020s: complex analysis of petroglyphs on the stones from the Tagar mounds (E. A. Miklashevich, A. N. Mukhareva, O. S. Sovetova, etc.). Currently, a set of approaches to identifying and documenting petroglyphs on the stones from the Tagar mounds has been developed.

Keywords

petroglyphs, rock art, Tagar mounds, Minusinsk depression, history of research

Acknowledgements

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation no. 23-78-01099 “Drawings on the stones from the Tagar mounds as a special petroglyphic source of the ancient history of Southern Siberia (based on materials from the Tepsey archaeological microdistrict)”

For citation

Shishkina O. O. History of the Study of Images on Stones from the Tagar Culture Mounds. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 34–46. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-34-46

Введение

На юге Сибири в степях Минусинской котловины на протяжении сотен лет существовала тагарская археологическая культура, особенностью погребального обряда которой являлось сооружение курганов в виде земляных насыпей, обнесенных оградами из массивных каменных плит. Нередко на этих плитах выбиты или высечены изображения, представляющие собой одну из разновидностей памятников наскального искусства Минусинской котловины. По мнению исследователей, в отличие от рисунков на открытых плоскостях, изображения на курганных плитах так или иначе связаны с комплексами, из которых они происходят, что имеет существенное значение для определения их хронологии и семантики [Савинов, 1994, с. 123 и др.]. В настоящей статье мы попытаемся охарактеризовать основные этапы исследования данной группы изобразительных источников от первых упоминаний до современных междисциплинарных изысканий. Отдельные страницы истории изучения изображений на камнях тагарских курганов представлены в работах М. А. Дэвлет [1996], Д. Г. Савинова [1976; 1994], Е. А. Миклашевич [2011] и др. Однако за последние годы коллекция изображений значительно увеличилась (за счет полевых исследований и обнаружения архивных материалов), что дает возможность наиболее полно оценить степень изученности и особенности данной группы в сравнении с другими памятниками наскального искусства.

Основные этапы исследования

В зависимости от изменения подходов к документированию и интерпретации изображений на камнях тагарских курганов в истории их изучения можно выделить 4 самостоятельных этапа.

Этап 1. XVIII – середина XIX в. Накопление знаний

Интерес к рисункам на гранях камней курганов, позднее отнесенным к тагарской культуре, проявился с первых академических экспедиций в начале XVIII в. Как известно, первую комплексную научную экспедицию в Сибирь осуществил Д. Г. Мессершмидт в 1719–1727 гг., положивший начало изучению петроглифов на плитах оград тагарских курганов: им была обследована южная часть Минусинской котловины от Аскиза на юг, в районе пос. Бельтиры и Усть-Есь. Участники экспедиции фиксировали и зарисовывали обнаруженные изображения [Тункина, Савинов, 2017, с. 96]. Об их назначении же Д. Г. Мессершмидт мог только догадываться: «Фигуры, если посмотреть, ничего другого мне не напоминали, как генеалогический реестр всех в отдельности умерших, которых здесь время от времени зарывали, хотя изображение человеческой фигуры дано в простых линиях, не является портретным» [Мессершмидт, 2012, с. 132]. К сожалению, «эскизы», копировавшие изображения на курганных плитах, были выполнены выборочно и схематично, поэтому, как справедливо отмечал Д. Г. Савинов, малопригодны для идентификации в современных научных исследо-

ваниях [Тункина, Савинов, 2017, с. 97]. Продолжили фиксацию рисунков на камнях курганов и участники второй академической экспедиции (1733–1743 гг.) во главе с Г. Ф. Миллером [Миллер, 1937, с. 526–540], которые скопировали и описали некоторые изображения. Упоминания о петроглифах на курганных камнях встречаются и у других исследователей XVIII в. [Дэвлет, 1996, с. 6–15].

В XIX в. ученые всё больше обращают внимание не столько на изображения, а скорее на надписи на камнях из тагарских курганов. Это связано с ростом интереса к руническому письму: в частности, в 1840-х гг. в Минусинских степях проводил свои изыскания М. Кастрен – создатель теории алтайского происхождения угро-финнов. Некоторые копии, выполненные чиновником Л. Ф. Титовым, вошли в публикацию Г. И. Спасского, который подробно описал камень, найденный М. Кастреном в 1847 г. на левой стороне Енисея, недалеко от д. Означенной, с высеченными надписями [Спасский, 1857, с. 158, табл. VI]. Опубликованы были и петроглифы с трех камней у р. Камышта, на которых были выбиты копытообразные и другие знаки, а также «пляшущие» [Там же, с. 152, табл. V]. Сам Г. И. Спасский каких-либо попыток интерпретации изображений (как на скалах, так и на курганных камнях) не давал, признавая лишь их «глубокую древность» [Там же, с. 42].

Таким образом, первый этап изучения петроглифов на камнях из курганов тагарской культуры на протяжении двух веков носил накопительный характер и неразрывно связан с исследованием древностей в целом – курганов, древних предметов, стел и изваяний, памятников искусства на скалах и курганных камнях. На данном этапе для документирования изобразительных материалов использовались зарисовки и описания, поэтому во многом сейчас эти материалы тяжело использовать в качестве источника по изучению искусства древних народов Южной Сибири. Тем не менее это были первые комплексные исследования, охватывающие различные аспекты древней истории сибирских народов.

Этап 2. 1860-е – 1950-е гг. Исследования тагарских курганов и изображений в них

Во второй половине XIX в. продолжают археологические работы в Минусинских степях, особое внимание в рамках которых уделяется изобразительным материалам. На данном этапе для их документирования начинают применяться принципиально новые способы: создание объемных контактных копий на различных материалах (ткань, бумага), применение фотографии. Так, в 1860-е гг. в В. В. Радлов при проведении археологических раскопок курганов обращал внимание на изображения на их конструкциях: «На некоторых больших камнях каменных курганов имеются изображения... Это грубые изображения стоящих, лежащих, падающих людей, людей с поднятыми руками... животных, деревьев, луны и солнца. Среди них имеются и непонятные фигуры, являющиеся... знаками собственности» [Радлов, 1989, с. 410]. Исследователь первым начал применять копирование рисунков на миткаль с помощью типографской краски. С 1880-х гг. исследованием древностей Минусинского края занимался Д. А. Клеменц, которым среди могильных камней найдены «грубые силуэты людей и животных» [Клеменц, 1886, с. 34]. Ему удалось собрать более 50 «образцов курганных рисунков из разных местностей округа» [Там же, с. 36], причем он серьезно относился к их описанию: точно обозначалось место и тип кургана, положение самого камня. Им отмечалась и важность данного типа источника для дальнейшего определения хронологии рисунков на скалах [Там же].

Внушительны результаты работы Финской экспедиции 1887–1889 гг. во главе с И. Р. Аспелиным, опубликованные в монографическом издании, в которое включены материалы по искусству на камнях из тагарских курганов р. Черный Июс, Камышта, Аскыз, улус Морозов, Подкамень и др. [Alt-Altäische Kunstdenkmäler..., 1931]. Е. А. Миклашевич отметила тщательность проведенных участниками экспедиции работ, с чем нельзя не согласиться. Местность, где располагались памятники, зарисована, учтено количество насыпей, снят план могильников и курганов, на которых были найдены изображения, заинтересовавший исследователей камень также был детально зарисован и скопирован методом эстампирования

[Миклашевич, 2011, с. 214]. Многие опубликованные ими материалы до сих пор остаются единственным введенным в научный оборот источником по отдельным памятникам.

Автор первой монографии, посвященной наскальным изображениям Енисея, И. Т. Савенков наряду с другими памятниками описал и проанализировал петроглифы на курганных камнях нескольких местонахождений. В общих таблицах кроме хронологии и назначения писаниц исследователь приводит и рисунки на камнях, но не указывает их местонахождение [Савенков, 1910, с. 169]. Сам И. Т. Савенков узнавал об этом виде источников во многом благодаря И. П. Кузнецову-Красноярскому, который фотографировал и описывал камни с петроглифами. Им, в частности, были зафиксированы рисунки на камнях у сел Аскизское, Усть-Есинское, Камышта и др. [Кузнецов-Красноярский, 1889, с. 18].

Не обошел стороной изучение искусства на камнях курганов и А. В. Адрианов. Целенаправленно он занимался их документированием в 1904 и 1907 гг. у гор Туран, Оглахты, в Красном Яре, на р. Ербе, Еси, Коксе, Теси, у д. Потрошилово, Кокорево, Знаменки, улуса Кокошина, в логу Джесос и др.¹ [Адрианов, 1908, с. 37]. А. В. Адрианов фиксировал изображения на курганных камнях теми же способами, что и на скалах – фотографирование, тщательное описание и создание эстампажей. Часть эстампажей хранится в МАЭ, но лишь один из них опубликован [Миклашевич, 2011, рис. 12]. Опубликованы и некоторые его фотографии [Миклашевич, Ожередов, 2008, фото 21–24]. Относительно интерпретации данных памятников А. В. Адрианов высказывал следующее суждение: «Писаница на курганном камне имела в виду частный случай, она приурочивалась к тому или к тем умершим, которые погребены в данном кургане»².

В 1913 г. красноярский краевед А. Н. Ермолаев изучил изображения на курганных камнях близ озера Шира. Результаты этих исследований позднее были дополнены и опубликованы З. Р. Рыгдылоном (работы 1946–1948 гг.) [Рыгдылон, 1959]. Для каждого кургана осуществлялись обмеры, составлялся схематический план расположения плит с указанием их ориентировки, зарисовывались контуры каждой плиты, копировались изображения путем эстампирования, все рисунки пофигурно описывались. Всего было зафиксировано 271 изображение на 73 плитах [Там же, 1959, с. 186–187].

Наиболее крупные археологические работы с 1920-х гг. в Минусинской котловине проводил С. В. Киселев. Раскапывая тагарские курганы, ученый не оставлял без внимания изображения на камнях их конструкций. В 1929 г. он обследовал курганы правобережья Енисея от окрестностей Минусинска до низовьев р. Сыды (около с. Католики, Потрошилово, Маяки, Листвягово, Биря, Усть-Сыда, Сыда и Быстрая). Всего С. В. Киселевым было выявлено 80 камней с изображениями различных животных и людей (всадников, пеших воинов, женщин, мужчин), тамг и знаков. Все они были зарисованы, частично сфотографированы и эстампированы [Киселев, 1930, с. 91–92]. Несмотря на то что работы проводились масштабные, практически все они остались неопубликованными. Прорисовка лишь одного изображения Бычихи приводится в одной из его статей [Там же, рис. 4]. Уже в послевоенные годы (1954–1955 гг.) С. В. Киселев руководил раскопками Большого Салбыкского кургана, рисунки на плитах которого также фиксировались [Марсадолов, 2010, рис. 11, 12, 27, 42].

Таким образом, на втором этапе исследований изображений на камнях из тагарских курганов разрабатывалась и постепенно совершенствовалась методика их документирования – создание эстампажных копий, фотографирование. Эти способы применялись и для фиксации изображений на скалах. Важно, что в отличие от них, петроглифы на курганных камнях изу-

¹ Адрианов А. В. Писаницы Енисейской губернии (Отчет 1904 г.) // Научный архив ИА РАН. Ф. 12. № 151. Л. 3.

² Там же. Л. 5.

чались непосредственно в археологическом контексте – предполагалось, что они связаны с самими курганами, поэтому нередко для раскопок выбирались курганы, на плитах которых есть изображения. Кроме того, исследования петроглифов на скалах после работ А. В. Адрианова практически не проводились вплоть до 1960-х гг., в отличие от изучения изображений среди конструкций курганов в 1910–1950-е гг. (С. В. Киселев). Несмотря на обширные работы многих ученых и накопление внушительной источниковой базы, многие материалы известны и доступны лишь частично ввиду того, что до сих пор не опубликованы. Наверняка, приведенный нами перечень фамилий исследователей не полон. Вполне вероятно, что краеведы, этнографы и др. тоже периодически обращали внимание на петроглифы среди древних курганов в Минусинских степях, не отраженные до настоящего времени в каких-либо публикациях.

Этап 3. 1960-е – 1980-е гг. Эпизодические упоминания при проведении спасательных работ и целенаправленное изучение

На данном этапе исследований практически параллельно формируется два направления: 1) археологические раскопки тагарских курганов и сопутствующие эпизодические упоминания об изображениях на них; 2) целенаправленное изучение петроглифов на камнях тагарских курганов.

В 1960-е – 1970-е гг. археологическое изучение Минусинской котловины тесно связано с созданием Красноярского водохранилища. Исследования правого и левого берегов Енисея на наличие археологических памятников в связи с их уничтожением проводила Красноярская экспедиция под руководством М. П. Грязнова. К сожалению, во время раскопок не уделялось должного внимания петроглифам на плитах из оград курганов тагарской культуры в отличие от тщательного изучения изображений на скалах (в ходе работы Красноярской экспедиции отдельный отряд под руководством Я. А. Шера занимался их документированием), вероятно ввиду огромного объема работ, проводимых в сжатые сроки. Встречаются лишь эпизодические упоминания о рисунках на раскапываемых погребальных конструкциях. К примеру, одна из могил в кургане сарагашенского времени на Тепсее VIII была покрыта плитой с процарапанными изображениями, которая впоследствии была вывезена в Эрмитаж [Грязнов и др., 1979, с. 56]. Несколько композиций на курганных камнях в окрестностях с. Тесь было зафиксировано Я. А. Шером³ и др.

В конце 1970-х – 1980-е гг. в работах Среднеенисейской экспедиции встречаются эпизодические упоминания рисунков на конструкциях тагарских могильников. К примеру, при спасательных раскопках на Тепсее VII Н. А. Боковенко обратил внимание на петроглифы, выбитые на угловых камнях ограды⁴. При исследовании тесинского склепа Тепсей XVI М. Н. Пшеницына упоминала рисунки, входящие в конструкцию ограды (всего выявлено 8 изображений на семи камнях)⁵. Несмотря на эти отдельные эпизоды, встречающиеся лишь в полевых отчетах, приходится констатировать, что особого внимания данному типу источников во время спасательных раскопок не уделялось.

Другое направление связано с целенаправленным изучением петроглифов на камнях из тагарских курганов. Первым, кто стал заниматься их исследованием, был Д. Г. Савинов. В 1960-х гг. он самостоятельно обследовал могильники на территории правобережья Енисея в несколько десятков километров: у горы Туран, в Малиновом логу и под горой Тепсей (най-

³ Шер Я. А. Отчет о полевых работах в 1969 г. в составе Красноярской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР // Научный архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 4086. Л. 1.

⁴ Боковенко Н. А. Отчет о работах Новоселовского отряда в 1977 году // Научный архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 6821. Л. 3.

⁵ Пшеницына М. Н. Отчет о работах Тепсейского отряда в 1977 году // Научный архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 6712–6712а. Л. 6.

дено 79 плит с рисунками) [Савинов, 1976, с. 58]. Им была дана хронологическая атрибуция выявленных петроглифов – наибольшая часть отнесена к подгорновскому этапу тагарской культуры [Там же, с. 61]. В 1984 г. Д. Г. Савинов возглавил группу новостроечных экспедиций [Савинов, 1994, с. 125], в ходе которых особое внимание уделялось изучению рисунков на камнях из тагарских курганов. После проведенных раскопок плиты с петроглифами вывозились в Ленинград, Абакан, а с 1988 г. – в с. Полтаков, где в настоящее время существует отдел наскального искусства муниципального автономного музея-заповедника «Хуртухтас», в котором экспонируется коллекция плит с петроглифами (более подробно о создании музея см.: [Миклашевич, 2011]). Всего за время работы экспедиции под руководством Д. Г. Савинова существенно пополнилась серия изображений на плитах оград тагарской культуры, что позволило выделить внутри нее разные стилистические направления – «ранне-скифский», «реалистический», «орнаментальный» и «схематический» [Савинов, 1994].

С 1979 по 1982 г. с изображениями на курганных камнях работали Б. Н. Пяткин и Т. В. Николаева, которая собирала материал для кандидатской диссертации «Изображения на плитах оград курганов тагарской культуры (методика и хронология)», успешно защищенной в 1983 г. Ими были обследованы 16 могильников на правом и левом берегах Красноярского водохранилища (у гор Оглахты, Куня, Тепсей, Туран, Суханиха), в которых зафиксировано 750 изображений⁶. Исследовательницей проведен статистический анализ выявленных рисунков; выделено пять хронологических пластов изображений (подгорновского и сарагашенского этапов тагарской культуры, таштыкцев, кыргызов и хакасов); затронуты некоторые вопросы семантики⁷. К сожалению, полученные материалы не были введены в научный оборот⁸.

Таким образом, на третьем этапе исследований выделяется два направления: эпизодическое изучение, сопутствующее другим видам спасательных археологических работ, и целенаправленное изучение изображений на камнях тагарских курганов. На данном этапе следует отметить принципиальное отличие в исследованиях разных типов памятников наскального искусства во время работы Красноярской экспедиции: петроглифы на скалах в долине Енисея тщательно документировались, в результате чего сложились основные принципы документирования памятников наскального искусства; изображения же на плитах оград тагарских курганов практически не входили в сферу исследований. Лишь к 1980-м гг. накопленный опыт стал применяться к данному виду источников (Б. Н. Пяткин и Т. В. Николаева). Неоценим вклад Д. Г. Савинова, поскольку именно он начал уделять особое внимание петроглифам на камнях из тагарских курганов, определил методические принципы их исследования, выделил хронологические группы, затронул многие вопросы семантики, предложил пути сохранения и музеефикации.

Этап 4. 1990-е – 2020-е гг. Новые подходы к изучению

С 1990-х гг. в изучении искусства на камнях из тагарских курганов складываются новые принципы: сплошное обследование памятников с их полным документированием и дальнейшей интерпретацией.

С 1990 по 2000 г. специалистами из ИИМК производились работы по созданию археологической карты Шарыповского района Красноярского края, в результате которых удалось зафиксировать многочисленные изображения на плитах оград тагарских курганов, которые были полностью задокументированы – скопированы и описаны, дана хронологическая и культурная интерпретация [Семенов и др., 2003, с. 52–63]. К настоящему времени в науч-

⁶ Николаева Т. В. Изображения на плитах оград тагарской культуры (методика и хронология): Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1983. С. 8.

⁷ Там же. С. 163–168.

⁸ Сделанные во время экспедиций полевые копии и фотографии в настоящее время хранятся в музее «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ.

ный оборот монографически введены материалы по искусству на камнях из тагарских курганов только этого района. В 2003 г. петроглифический отряд Тувинской экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством С. В. Панковой обследовал плиты могильного поля у д. Подкамень. Всего было выявлено около 50 курганов сарагашенского этапа тагарской культуры, на которых обнаружено 7 таштыкских гравировок на пяти курганах могильника с изображениями фигур в длиннополых одеяниях [Панкова, 2013, с. 127]. В 2004–2006 гг. состоялись раскопки сарагашенского кургана Барсучий лог силами совместной российско-германской экспедиции Хакасского Государственного университета им. Н. Ф. Катанова (А. И. Готлиб, О. В. Ковалева) и Германского археологического института (Г. Парцингер, А. Наглер). Одним из результатов, полученных в ходе этих работ, стало открытие серии петроглифов на плитах и стелах из ограды кургана. Всего было найдено 9 плит с изображениями, датируемыми от эпохи поздней бронзы до Средневековья. Ранее при раскопках других элитных захоронений скифского времени не производилось всестороннего исследования изобразительного материала [Ковалева, 2013, с. 91–98].

Многолетние полевые исследования рисунков на камнях тагарских курганов проводятся Е. А. Миклашевич с 2010-х гг. по настоящее время в непосредственной близости от местонахождений петроглифов на скалах. Так, ею были выявлены петроглифы на плитах курганов у с. Нижняя Тея, в логу Каменка, на Тепсее, Туране, Оглахты [Миклашевич, 2013; Миклашевич и др., 2016, с. 35–36, рис. 8–10]. Совместно с Л. Л. Бове проведено полное обследование территории вокруг горы Бычиха, в результате чего было выявлено 184 кургана (135 из них тагарские, на 21 найдены рисунки), зафиксирована 31 грань с изображениями. Акцентируется внимание на состоянии сохранности курганных плит с рисунками. Выделены как естественные причины разрушений (расслоение камня, задерновка, лишайники), так и антропогенные (целенаправленное разрушение в связи с сельхозработами) [Миклашевич, Бове, 2015, с. 54]. Исследователи определили, что большинство изображений на камнях из оград тагарских курганов могли быть не связаны с данными погребениями, а наносились на открытые поверхности в разные периоды после создания курганов [Там же, с. 60]. С 2014 г. по настоящее время работы по выявлению и документированию изображений на камнях из тагарских курганов осуществляет А. Н. Мухарева: у подножия гор Толстый Мыс, Большой Сибигур, Яновской, в районе бывшего аэропорта с. Новосёлово, западнее пос. Интиколь, в окрестностях с. Тесь, в Малиновом логу и др. памятниках [Мухарева, Рогова, 2019, с. 46; Миклашевич, 2013; Миклашевич и др., 2016, с. 35–36]. Несколько изображений на плитах оград курганов к северо-востоку от с. Кавказское открыли И. В. Аболонкова, А. К. Солодейников и А. В. Тхетереков [Аболонкова и др., 2017, с. 52]. С 2012 г. Тепсейский отряд КемГУ под руководством О. С. Советовой занимается документированием петроглифов Тепсейского археологического микрорайона, в том числе изображений на камнях тагарских курганов [Советова, Шишкина, 2014]. Всего по итогам десятилетней работы (2013–2023 гг.) удалось выявить петроглифы более чем на 60 камнях, стилистически и хронологически разнообразные, многие выполнены на высоком художественном уровне. При проведении археологических раскопок тагарских курганов в последние годы открыты новые изображения на могильных плитах: могильник Абакан-24 [Данькин и др., 2020, с. 93–94], памятник Сагайская протока [Герман и др., 2022, с. 20–121] и др. На примере одиночного кургана Скальная-5 предлагается подход к документированию изображений на плитах [Зоткина и др., 2021, с. 966].

В последние годы качественно изменился подход к документированию наскальных изображений, в том числе и на камнях из тагарских курганов. На примере собственных полевых исследований под горой Тепсей можно эти изменения проследить. Документирование петроглифов проводится в разные сезоны: весенний, летний, осенний. Наиболее удачными для документирования изображений являются весенние периоды (начало мая), поскольку при низком травяном покрове обнажаются невысокие камни оград курганов, которые не видны летом в высокой траве. Используется сочетание как традиционных контактных методов копирования (на различные виды бумаги, прозрачные материалы), так и инновационных бес-

контактных методов фиксации изображений (различные способы фотосъемки, 3D-моделирование). Для определения местонахождений камней и картографирования используются современные ГИС-технологии. Для выявления и полноценного документирования некоторые камни механически очищаются от дерна, биообрастателей, в том числе от лишайников, поскольку они скрывают изображения и оказывают деструктивное воздействие на камень. В целом в последние годы интерес к данному виду источников возрос. Кроме того, исследователи всё чаще обращаются к анализу могильников, расположенных рядом с местонахождениями наскальных изображений (Е. А. Миклашевич, А. Н. Мухарева, О. С. Советова), что позволяет комплексно оценивать изобразительные источники, нередко в контексте других археологических материалов.

Заключение

Таким образом, изображения на камнях из оград тагарских курганов как вид древнего искусства привлекали внимание ученых, путешественников и обывателей с XVIII в. вплоть до настоящего времени. В истории исследования данного вида изобразительных источников можно выделить 4 этапа – от первых упоминаний до целенаправленного исследования. В выделенных нами этапах можно проследить специфику изучения искусства на камнях из тагарских курганов. На первом этапе исследования петроглифы на камнях рассматривались как единая составляющая изобразительных материалов в целом наряду с искусством на скалах. На втором этапе уже выделяется отдельная категория изображений на курганных камнях, исследование которых в основном сопутствует проведению раскопок самих курганов (С. В. Киселев). На третьем этапе при проведении спасательных археологических работ исследование изображений среди курганных конструкций уходит на второй план, хотя петроглифы на скалах в это время исследовались активно. Затем петроглифы на курганных камнях стали рассматриваться как отдельная группа изобразительных источников (Д. Г. Савинов, Т. В. Николаева). К настоящему же времени (4 этап) сформировался подход к комплексному исследованию памятников наскального искусства. Изображения на камнях из тагарских курганов изучаются вместе с петроглифами на скалах, проводится сравнительный анализ изобразительных традиций и образов на разных типах памятников наскального искусства.

Сегодня уже не вызывает сомнений тот факт, что рисунки на камнях из тагарских курганов являются полноценным источником по древней истории Южной Сибири. Несмотря на столь длительную историю изучения, к сожалению, изобразительные материалы остаются слабо освещенными в литературе, далеко не весь материал публикуется и часто остается разрозненным. Разведки последних лет свидетельствуют о том, что значительный изобразительный пласт, скорее всего, навсегда утрачен, поскольку обширные территории с тагарскими курганами уходят под пашню, камни выкорчевываются, перемещаются, заносятся песками, зарастают лишайниками и т. д. Поэтому сегодня мы располагаем, видимо, лишь небольшой частью корпуса изобразительных материалов, который некогда наполнял Минусинские степи. Тем не менее выявленные изображения дают представление о различных стилистических группах и оригинальных образах наскального искусства Минусинской котловины.

Список литературы

Аболонкова И. В., Солодейников А. К., Техтереков А. В. Новые памятники наскального искусства в окрестностях села Кавказское // Учен. зап. музея-заповедника «Томская писаница». 2017. № 5. С. 51–56.

- Адрианов А. В.** Обследование писаниц в Минусинском крае летом 1907 года (из писем секретарю Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии) // Изв. Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. 1908. Вып. 8. С. 37–46.
- Герман П. В., Мухарева А. Н., Емельянцева М. П.** Изображения на каменных плитах могильника Сагайская протока-4 (Аскизский район республики Хакасия) // Учен. зап. музея-заповедника «Томская писаница». 2022. № 16. С. 5–22.
- Грязнов М. П., Комарова М. Н., Завитухина М. П., Пшеницына М. Н., Худяков Ю. С.** Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. 168 с.
- Данькин Е. Н., Есин Ю. Н., Поселянин А. И., Тараканов В. В.** Петроглифы тагарской культуры в погребальном контексте могильника Абакан-24 // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2020. № 1 (25). С. 85–96.
- Дэвлет М. А.** Петроглифы Енисея. История изучения (XVIII – начало XX в.). М.: ИА РАН, 1996. 250 с.
- Зоткина Л. В., Сутугин С. В., Постников Н. В., Богданов Е. С., Тимошенко А. А.** Методика документирования наскальных изображений в курганных конструкциях на примере памятника Скальная-5 (Аскизский район, республика Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. 27. С. 966–973.
- Киселев С. В.** Значение техники и приемов изображения некоторых енисейских писаниц // Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М., 1930. Т. 5. С. 91–100.
- Клеменц Д. А.** Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох. Томск: Изд. Иннокентия Кузнецова, 1886. 185 с.
- Ковалева О. В.** Рисунки на плитах и стелах кургана Барсучий лог // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. № 1. С. 91–112.
- Кузнецов-Красноярский И. П.** Древние могилы Минусинского округа. Томск, 1889. 36 с.
- Марсадолов Л. С.** Большой Салбыкский курган в Хакасии. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2010. 53 с.
- Мессершмидт Д. Г.** Дневники. Томск – Абакан – Красноярск. 1721–1722. Абакан: Кооператив «Журналист», 2012. 160 с.
- Миклашевич Е. А.** Изображения на курганных плитах и стелах Хакасии (некоторые проблемы изучения и музеефикации) // Древнее искусство в зеркале археологии. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. Вып. 7. С. 214–232. (Тр. САИПИ)
- Миклашевич Е. А.** Исследование памятников наскального искусства Минусинской котловины в 2012–2013 годах // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2013. Т. 19. С. 255–259.
- Миклашевич Е. А., Бове Л. Л.** Исследование изображений на курганных плитах могильников под горой Бычиха (Минусинская котловина) // Вестник КемГУ. 2015. Т. 1, № 3. С. 52–64.
- Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н., Бове Л. Л.** Исследования петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская писаница» в 2015 году // Учен. зап. музея-заповедника «Томская писаница». 2016. № 3. С. 30–48.
- Миклашевич Е. А., Ожередов Ю. И.** Фотографии сибирских писаниц в наследии А. В. Адрианова // Тропою тысячелетий: Сб. науч. тр., посвящ. юбилею Марианны Арташировны Дэвлет. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. Вып. 4. С. 156–188. (Тр. САИПИ)
- Миллер Г. Ф.** История Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 1. 607 с.
- Мухарева А. Н., Рогова И. Г.** Петроглифы на курганных камнях могильников в окрестностях села Тесь Минусинского района Красноярского края (некоторые результаты полевых исследований 2018 года) // Учен. зап. музея-заповедника «Томская писаница». 2019. № 10. С. 43–52.

- Панкова С. В.** Изображения на курганных плитах у д. Подкамень на севере Хакасии // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. Вып. 1. С. 125–159.
- Радлов В. В.** Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 740 с.
- Рыгдылон Э. Р.** Писаницы близ озера Шира // СА. 1959. Т. 29–30. С. 186–202.
- Савенков И. Т.** О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Сравнительные археолого-этнографические очерки. М., 1910. 554 с.
- Савинов Д. Г.** К вопросу о хронологии и семантике изображений на плитах оград тагарских курганов (по материалам могильников у горы Туран) // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Известия кафедры археологии. Кемерово: КГУ, 1976. Вып. 8. С. 57–73.
- Савинов Д. Г.** Развитие стиля изображений на плитах курганов тагарской культуры // Проблемы археологии. Памятники древнего и средневекового искусства. СПб.: СПбГУ, 1994. Вып. 3. С. 123–136.
- Семенов В. А., Килуновская М. Е., Красниенко С. В., Субботин А. В.** Изображения на плитах тагарских курганов (Шарыповский район Красноярского края). СПб.: ЭликСис, 2003. 122 с.
- Советова О. С., Шишкина О. О.** Изображения на плитах оград тагарских курганов (Тепсейский археологический комплекс) // Вестник КемГУ. 2014. Т. 3, № 3 (59). С. 93–98.
- Спасский Г. И.** О достопримечательных памятниках сибирских древностей // Зап. ИРГО. СПб., 1857. Кн. 12. 181 с.
- Тункина И. В., Савинов Д. Г.** Даниэль Готтлиб Мессершмидт: у истоков сибирской археологии. СПб.: ЭлекСис, 2017. 168 с.
- Alt-Altische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildermaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889 / Hrsg. von Hjalmar Appelgren-Kivalo. Helsingfors, 1931. 72 S.

References

- Abolonkova I. V., Solodeinikov A. K., Tekhterekov A. V.** Novye pamyatniki naskal'nogo iskusstva v okrestnostyakh sela Kavkazskoe [On discovering of some new rock art sites in environs of the Kavkazskoe village]. *Scientific Notes of the Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"*, 2017, no. 5, pp. 51–56. (in Russ.)
- Adrianov A. V.** Obsledovanie pisanits v Minusinskom krae letom 1907 goda (iz pisem sekretaryu Russkogo komiteta dlya izucheniya Srednei i Vostochnoi Azii) [Inspection of petroglyphs in the Minusinsk region in the summer of 1907 (from letters to the secretary of the Russian Committee for the Study of Central and Eastern Asia)]. *Izvestiya Russkogo komiteta dlya izucheniya Srednei i Vostochnoi Azii* [Proceedings of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia], 1908. №, no. 8, pp. 37–46. (in Russ.)
- Appelgren-Kivalo Hjalmar** (Hrsg.). Alt-Altische Kunstdenkmäler Briefe und Bildermaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. Helsingfors, 1931, 72 S.
- German P. V., Mukhareva A. N., Emeliyantseva M. P.** Izobrazheniya na kamennykh plitakh mogil'nika Sagaiskaya protoka-4 (Askizskii raion respubliki Khakasiya) [Images on stone slabs of the Sagayskaya protoka-4 burial ground (Askiz district, the republic of Khakassia)]. *Scientific Notes of the Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"*, 2022, no. 16, pp. 5–22. (in Russ.)
- Gryaznov M. P., Komarova M. N., Zavitukhina M. P., Pshenitsyna M. N., Khudyakov Yu. S.** Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsei na Enisee [Complex of archaeological monuments near Mount Tepsey on the Yenisei]. Novosibirsk, Nauka, 1979. 168 p. (in Russ.)
- Dankin E. N., Esin Yu. N., Poselyanin A. I., Tarakanov V. V.** Petroglify tagarskoi kul'tury v pogrebal'nom kontekste mogil'nika Abakan-24 [Petroglyphs of the tagar culture in the funeral context of the burial Abakan-24]. *Sayan-Altai Scientific Review*, 2020, no. 1 (25), pp. 85–96. (in Russ.)

- Devlet M. A.** Petroglify Eniseya. Istoriya izucheniya (XVIII – nachalo XX v.) [Petroglyphs of the Yenisei. History of study (18th – early 20th century)]. Moscow, IA RAS, 1996, 250 p. (in Russ.)
- Kiselev S. V.** Znachenie tekhniki i priemov izobrazheniya nekotorykh eniseiskikh pisanits [The meaning of the technique and methods of depicting some of the Yenisei inscriptions]. In: Trudy seksii arkheologii Rossiiskoi Assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk [Proceedings of the Section of Archeology of the Russian Association of Research Institutes of Social Sciences]. Moscow, 1930, vol. 5, pp. 91–100. (in Russ.)
- Klements D. A.** Drevnosti Minusinskogo muzeya. Pamyatniki metallicheskih epokh [Antiquities of the Minusinsk Museum. Monuments of the Metal Ages]. Tomsk, 1886, 185 p. (in Russ.)
- Kovaleva O. V.** Risunki na plitakh i stelakh kurgana Barsuchii log [Drawings on the slabs and stelae of the Barsuchy Log burial mound]. *Sayan-Altai Scientific Review*, 2013, no. 1. pp. 91–112. (in Russ.)
- Kuznetsov-Krasnoyarsky I. P.** Drevnie mogily Minusinskogo okruga [Ancient graves of the Minusinsk district]. Tomsk, 1889, 36 p. (in Russ.)
- Marsadolov L. S.** Bol'shoi Salbykskii kurgan v Khakasii [The Great Salbyk Kurgan in Khakass]. Abakan, Khakass Book Publ., 2010, 53 p. (in Russ.)
- Messersmidt D. G.** Dnevnik. Tomsk – Abakan – Krasnoyarsk. 1721–1722 [Diaries. Tomsk – Abakan – Krasnoyarsk. 1721–1722]. Abakan, Kooperativ “Zhurnalist” Publ., 2012, 160 p. (in Russ.)
- Miklashevich E. A.** Izobrazheniya na kurgannykh plitakh i stelakh Khakasii (nekotorye problemy izucheniya i muzeifikatsii) [Images on burial slabs and steles of Khakassia (some problems of study and museumification)]. In: Drevnee iskusstvo v zerkale arkheologii [Ancient art in the mirror of archeology]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 2011, VII, pp. 214–232. (in Russ.) (Trudy SAIPI [Proceedings of SAIPI])
- Miklashevich E. A.** Issledovanie pamyatnikov naskal'nogo iskusstva Minusinskoi kotloviny v 2012–2013 godakh [Study of the rock art sites of the Minusinsk Basin in 2012–2013]. In: *Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories*, 2013, vol. 19, pp. 255–259. (in Russ.)
- Miklashevich E. A., Bove L. L.** Issledovanie izobrazhenii na kurgannykh plitakh mogil'nikov pod goroi Bychikha (Minusinskaya kotlovina) [Studying the images on the kurgan slabs in the cemeteries at the foothills of Bychikha mountain (Minusinsk basin)]. *Bulletin of KemSU*, 2015, no. 3 (1), pp. 52–64. (in Russ.)
- Miklashevich E. A., Mukhareva A. N., Bove L. L.** Issledovaniya petroglificheskoi ekspeditsii muzeya-zapovednika “Tomskaya pisanitsa” v 2015 godu [Research of the petrogllyphic expedition of the museum-reserve “Tomsk Pisanitsa” in 2015]. *Scientific Notes of the Museum-Reserve “Tomskaya Pisanitsa”*, 2016, no. 3, pp. 30–48. (in Russ.)
- Miklashevich E. A., Ozheredov Yu. I.** Fotografii sibirskikh pisanits v nasledii A. V. Adrianova [Photos of Siberian petroglyphs in the heritage of A. V. Adrianov]. In: Tropoyu tysyacheletii. Sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyi yubileyu Marianny Artashirovny Devlet [The path of millennia. Collection of scientific papers dedicated to the anniversary of Marianna Artashirovna Devlet]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 2008, no. 4, pp. 156–188. (in Russ.) (Trudy SAIPI [Proceedings of SAIPI])
- Mukhareva A. N., Rogova I. G.** Petroglify na kurgannykh kamnyakh mogil'nikov v okrestnostyakh sela Tes' Minusinskogo raiona Krasnoyarskogo kraia (nekotorye rezul'taty polevykh issledovaniy 2018 goda) [Petroglyphs on the mound stones of cemeteries in the vicinity of the Tes' village of Minusinsk district of Krasnoyarsk territory (some results of field research in 2018)]. *Scientific Notes of the Museum-Reserve “Tomskaya Pisanitsa”*, 2019, no. 10, pp. 43–52. (in Russ.)
- Miller G. F.** Istoriya Sibiri [History of Siberia]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1937, vol. 1, 607 p. (in Russ.)

- Pankova S. V.** Izobrazheniya na kurgannykh plitakh u d. Podkamen' na severe Khakasii [Images on barrow slabs near the village of Podkamen in the north of Khakassia]. *Sayan-Altai Scientific Review*, 2013, no. 1, pp. 125–159. (in Russ.)
- Radlov V. V.** Iz Sibiri. Stranitsy dnevnika [From Siberia. Diary pages]. Moscow, Nauka, 1989, 740 p. (in Russ.)
- Rygdylon E. R.** Pisanitsy bliz ozera Shira [Pisanitsy near Lake Shira]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archeology], 1959, no. 29–30, pp. 186–202. (in Russ.)
- Savenkov I. T.** O drevnikh pamyatnikakh izobrazitel'nogo iskusstva na Enisee. Sravnitel'nye arkheologo-etnograficheskie ocherki [About the ancient monuments of fine arts on the Yenisei. Comparative archaeological and ethnographic essays]. Moscow, 1910, 554 p. (in Russ.)
- Savinov D. G.** K voprosu o khronologii i semantike izobrazhenii na plitakh ograd tagarskikh kurganov (po materialam mogil'nikov u gory Turan) [To the question of the chronology and semantics of images on the slabs of the fences of the Tagar mounds (based on the materials of burial grounds near Mount Turan)]. In: *Yuzhnaya Sibir' v skifo-sarmatskuyu epokhu. Izvestiya kafedry arkheologii* [Southern Siberia in the Scythian-Sarmatian era. News of the Department of Archeology]. Kemerovo, KSU Press, 1976, vol. 8, pp. 57–73. (in Russ.)
- Savinov D. G.** Razvitie stilya izobrazhenii na plitakh kurganov tagarskoi kul'tury [The Development of the Style of Images on the Slabs of the Mounds of the Tagar Culture]. In: *Problemy arkheologii. Pamyatniki drevnego i srednevekovogo iskusstva* [Problems of archeology. Monuments of ancient and medieval art]. St. Petersburg, 1994, vol. 3, pp. 123–136. (in Russ.)
- Semenov V. A., Kilunovskaya M. E., Krasnienko S. V., Subbotin A. V.** Izobrazheniya na plitakh tagarskikh kurganov (Sharypovskii raion Krasnoyarskogo kraia) [Images on the plates of Tagar mounds (Sharypovsky district of the Krasnoyarsk Territory)]. St. Petersburg, ElikSis Publ., 2003, 122 p. (in Russ.)
- Sovetova O. S., Shishkina O. O.** Izobrazheniya na plitakh ograd tagarskikh kurganov (Tepseiskii arkheologicheskii kompleks) [Images on the plates of tagar kurgans fences (Tepsey archaeological complex)]. *Bulletin of KemSU*, 2014, no. 3 (59), pp. 93–98. (in Russ.)
- Spasskii G. I.** O dostoprimechatel'nykh pamyatnikakh sibirskikh drevnostei [About noteworthy monuments of Siberian antiquities]. In: *Zapiski imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Imperial Russian Geographical Society]. St. Petersburg, 1857, vol. 12, 181 p. (in Russ.)
- Tunkina I. V., Savinov D. G.** Daniel Gotlib Messerschmidt: u istokov sibirskoi arkheologii [Daniel Gottlieb Messerschmidt: at the origins of Siberian archeology]. St. Petersburg, ElekSis Publ., 2017, 168 p. (in Russ.)
- Zotkina L. V., Sutugin S. V., Postnikov N. V., Bogdanov E. S., Timoshchenko A. A.** Metodika dokumentirovaniya naskal'nykh izobrazhenii v kurgannykh konstruktsiyakh na primere pamyatnika Skal'naya-5 (Askizskii raion, respublika Khakasiya) [Documentation techniques for rock art imagery in mound constructions, the case of a single mound Skalnaya-5 (Askiz district of Khakassia republic)]. *Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories*, 2021, no. 27, pp. 966–973. (in Russ.)

Информация об авторе

Ольга Олеговна Шишкина, кандидат исторических наук, старший преподаватель
Scopus Author ID 57225070819
WoS Researcher ID X-2375-2018
RSCI Author ID 885123
SPIN 8249-5234

Information about the Author

Olga O. Shishkina, Candidate of Sciences (History), Senior Lecturer

Scopus Author ID 57225070819

WoS Researcher ID X-2375-2018

RSCI Author ID 885123

SPIN 8249-5234

*Статья поступила в редакцию 16.08.2023;
одобрена после рецензирования 04.09.2023; принята к публикации 01.10.2023
The article was submitted on 16.08.2023;
approved after reviewing on 04.09.2023; accepted for publication on 01.10.2023*

Научная статья

УДК 903(571.53)"634"

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-47-61

Коррадированный компонент «классической» Мальты (по результатам анализа коллекций МАЭ РАН)

Алексей Михайлович Кузнецов¹
Дмитрий Николаевич Молчанов²

^{1,2} Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

¹ golos_siberia@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0903-4728>

² dmi_molchanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2789-6316>

Аннотация

Весной 2023 г. сотрудниками Иркутского госуниверситета была осуществлена исследовательская ревизия материалов из коллекций стоянки Мальта за 1932 и 1934 гг., хранящихся в МАЭ РАН (Кунсткамера). Целью работы было поставлено выявление каменных артефактов со следами эолового воздействия в рамках изучения коррадированных индустрий Ангара-Бельского района Южного Приангарья. Было исследовано 3 663 артефакта, среди них выявлен 71 коррадированный экземпляр. Анализ показал, что по технико-типологическим и петрографическим характеристикам коррадированный компонент индустрии Мальты практически не отличается от «классических» горизонтов стоянки. Единственным типом, не имеющим некоррадированного аналога, являются остроконечники с уплощением проксимала. Если ранее они интерпретировались в региональном контексте как культурные маркеры начального верхнего палеолита, то в авторской версии предложено рассматривать их на Мальтинской стоянке как элемент граветтского (?) технокомплекса и еще одно косвенное доказательство европейско-сибирских культурных связей.

Ключевые слова

Байкальская Сибирь, Мальта, ранний верхний палеолит, средняя пора верхнего палеолита, «макаровский пласт», эоловая коррозия, каменный инвентарь, типология

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00381 «Изучение палеолитических ансамблей коррадированных артефактов “макаровского пласта” долины р. Белой (Байкальская Сибирь): происхождение, хронометрия, техноморфология».

Авторы выражают благодарность сотрудникам Отдела археологии МАЭ РАН и лично заведующему отделом Г. А. Хлопачеву за представленную возможность работы с коллекциями музея, а также особую признательность Е. А. Липниной за помощь в отборе коррадированного материала.

Для цитирования

Кузнецов А. М., Молчанов Д. Н. Коррадированный компонент «классической» Мальты (по результатам анализа коллекций МАЭ РАН) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 3: Археология и этнография. С. 47–61. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-47-61

The Corraded Assemblage of the “Classic” Malta (Based on the Analysis of the Kunstkamera Collections)

Aleksei M. Kuznetsov¹, Dmitrii N. Molchanov²

^{1,2} Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation

¹ golos_siberia@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0903-4728>

² dmi_molchanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2789-6316>

Abstract

The research revision of materials from the 1932 and 1934 collections of the world-famous geoarchaeological site Malta, stored in the Kunstkamera (St. Petersburg), was carried out in the spring of 2023. The purpose of the analysis was to identify lithic artifacts with marks of Aeolian corrosion as part of the study of the corraded industries of the Angara-Belsk geoarchaeological district of South Angara. As a results, 3 663 artifacts were examined, among them 71 corraded items were identified. The results present the corraded component of Malta's lithic industry practically does not differ from the “classical” cultural layers by technical, typological and petrographic features. But unique type of the point with ventral base thinning has no analogue in “classic” assemblage. And if previously these artifacts were interpreted in a regional context as cultural markers of the Initial Upper Paleolithic, now it is proposed to consider them as an element of the Gravett (?) technocomplex in Malta and one more proof of European-Siberian cultural link in author's opinion.

Keywords

Baikal Siberia, Malta, Early Upper Paleolithic, Middle Upper Paleolithic, “Makarov stratum”, Aeolian corrosion, lithic industry, typology

Acknowledgements

The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 23-28-00381 “The study of Paleolithic industries with corrosion of ‘Makarovskii plast’ in Belaya River Valley (Baikal Siberia): genesis, chronometry, technomorphology”.

We wish to convey special thanks to the staff of the Department of Archeology of the MAE RAS (Kunstkamera) and personally to the head of the department G. A. Khlopachev provided an opportunity to work with the collections of the museum. We are indebted to E. A. Lipnina for her assistance in the identification of corraded materials.

For citation

Kuznetsov A. M., Molchanov D. N. The Corraded Assemblage of the “Classic” Malta (Based on the Analysis of the Kunstkamera Collections). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 47–61. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-47-61

Введение

Всемирно известное палеолитическое местонахождение Мальта в Южном Приангарье исследовалось на протяжении 23 полевых сезонов, начиная с раскопок М. М. Герасимова в 1928 г. [Хензыхенова и др., 2015, с. 83]. По итогам довоенного (1928–1937 гг.) и послевоенного (1956–1958 гг.) этапов геоархеологических работ стоянка вошла в научный оборот фактически как однослойная, с основным раскопанным верхнепалеолитическим культурным слоем (~ 1,5 тыс. кв. м) и небольшим локальным участком (30 кв. м) финальнопалеолитической «бадайской» культуры [Герасимов, 1958, с. 29]. Впоследствии в научной литературе материалы основного слоя из раскопок М. М. Герасимова стали фигурировать как «классический» комплекс, потому что именно благодаря ему стоянка получила широкую известность. Цикл исследований Г. И. Медведева и Е. А. Липниной в 1991–2001 гг. производился на новых площадях (~ 450 кв. м), частично прилегающих к старым раскопам Герасимова, что позволило увидеть принципиально новую ситуацию залегания культурных остатков – феномен многослойности Мальты [Липнина и др., 2001].

Наряду с «классическим» мальтинским ансамблем, разделенным в результате работ на четыре микрогоризонта (Sr² – 23–20 тыс. некал. л. н.), и беллинг-аллередовским «бадайским» комплексом (Sr⁴, BO-AL – 14–12 тыс. некал. л. н.) были выявлены еще два голоценовых (H1), два среднесартанских (Sr³ – 19–15 тыс. некал. л. н.), три каргинских (Sr¹sol, Kr¹, Kr² – ~ 45–

25 тыс. некал. л. н.), один муруктинский ($Mg - \sim 50-100$ тыс. некал. л. н.) и один домуруктинский горизонты ($Kz - > 130-100$ тыс. некал. л. н.) [Липнина, 2002, с. 63–64, 69]. За годы исследований интерпретация культуровмещающих мальтинских горизонтов неоднократно менялась, несмотря на то что массив радиоуглеродных дат по объекту пополнялся незначительно (см., например: [Khenzykhenova et al., 2018]). Согласно региональной климатостратиграфической шкале «классические» уровни Мальты вмещены в верхнюю часть раннесартанской пачки Sr^1_2 , которая датируется интервалом 21–18 тыс. некал. л. н. и ассоциируется с криоаридными условиями ¹ [Воробьева, 2010, с. 25]. В рамках последней на текущий момент модели природных условий во время криохрона утверждается, что они, напротив, вмещены в нижнюю солифлюцированную (!) пачку раннего сартана – Sr^1_1 , характеризующуюся криогумидной обстановкой [Бердникова и др., 2021, с. 65; Vorobieva et al., 2021, tab. 1].

Однако кроме заявленных 14 уровней залегания в коллекции «классической» Мальты фиксируется еще один хроноэпизод, ассоциированный с эолово-коррадированным материалом. Целью настоящей работы является рассмотрение этого компонента ансамбля, интерпретация его возраста и культурной ассоциации. Для этих целей использовались как уже опубликованные данные, так и результаты изучения мальтинских коллекций 1932 и 1934 гг. в хранилищах Кунсткамеры (Санкт-Петербург). Основой работы выступил в первую очередь сравнительный анализ морфотипов коррадированных и некоррадированных материалов Мальты и других стоянок Байкальской Сибири (в том числе периода раннего верхнего и среднего верхнего палеолита), а также анализ степени и формы проявления эолового воздействия на них.

Общие сведения

По свидетельству Г. И. Медведева, впервые внимание на «...отдельные “заветренные” изделия из пластин кремня и кварцита...» во время второго сезона раскопок Мальты в 1929 г. обращает М. М. Герасимов [Медведев, 2001, с. 268]. Однако эти наблюдения не получили дальнейшего развития и не были упомянуты ни в одной работе автора по результатам раскопок [Герасимов, 1931; 1935; 1941; 1958]. Только в 1980-е гг. в результате анализа музейных коллекций «герасимовского» цикла исследований 1928–1958 гг. эолово-коррадированный компонент впервые описан и опубликован в докторской диссертации Г. И. Медведева [1983]. Некоторые дополнения к тому описанию были внесены по итогам полевых работ 90-х гг. XX в. [Липнина, 2002].

Артефакты со следами эолового воздействия интерпретированы как манупорты – подъемные сборы мальтинцами более древней культуры, – причем часть несет следы переоформления, т. е. свежие некоррадированные негативы. Общее число таких предметов, по оценке Г. И. Медведева, составляет 48 экземпляров [Медведев, 1983, с. 130]. Отдельно отмечены кварцитовые чопперы из ветрогранников в количестве 74 ед.: часть из них имеет «свежие» следы оформления лезвия на терминалах, часть – интерпретирована не только как чопперы, но и как архаичные нуклеусы («ломтики батона колбасы») [Липнина, 2002, с. 122]. Кроме того, в коллекции зафиксировано присутствие продолговатых ветрогранников-«драйкантеров» из мелких галек и кусков доломитов [Там же, с. 126].

Отмечено, что от остальной коллекции коррадированный компонент отличается более разнообразным петрографическим составом, техникой расщепления и приемами вторичной

¹ Авторы придерживаются этой точки зрения.

обработки. Сырье представлено как традиционным для «классических» горизонтов темно-серым полосчатым кремнем, так и его светлыми вариациями, желтыми и красными аргиллитами, яшмоидами, кварцитами [Медведев, 1983, с. 131]. В числе особенностей расщепления – оригинальные морфотипы нуклеусов, в том числе «веерообразный плоский микролеваллуа», «латерально уплощенные, двухплощадочные, полярные монофронтальные микронуклеусы», «двухплощадочные, полярные монофронты»; регулярная оформляющая ретушь; прием вентрального утончения проксимала [Там же]. В диссертации Г. И. Медведева также приведены рисунки коррадированного материала, всего 17 предметов [Там же, прилож., рис. 53–55].

Атрибутировать коррадированный компонент было предложено финалом мустье – ранней порой верхнего палеолита, а именно культурой, которая «...отделена от времени жизни стойбища в Мальте по крайней мере периодом господства... суровой обстановки арктической палеопустыни» [Там же, с. 132]. Вместе с материалами Макарово IV, Горы Игетей I, Соснового Бора (VI горизонт) эта коллекция была отнесена к «макаровскому палеолитическому пласту» – условной группировке артефактов, сходных по относительной стратиграфии, степени корразии, петрографии и морфологии [Медведев, Скляревский, 1982]. Датировка коррадированных материалов Мальты, исходя из представлений о циклах экстремального эолового воздействия, была логично древнее артефактов из «классического» мальтинского горизонта и приурочена к докаргинскому (древнее 60–40 тыс. л.), а впоследствии и к домуректинскому периоду (древнее 110–60 тыс. л.) [Медведев, 1983, с. 327; Медведев, Новосельцева, 2011, с. 102].

Материалы

Несмотря на почти 100 лет, прошедших с даты открытия стоянки, материалы Мальты в некоторых аспектах по-прежнему представляются не до конца изученными и полноценно представленными научному сообществу. Среди главных причин – отсутствие цельного монографического описания результатов работ, разбивка коллекции по фондовым хранилищам разных городов, частичная утрата полевой документации и методы фиксации материала в довоенный период исследований. Например, по свидетельству Г. И. Медведева, из его общения с М. М. Герасимовым известно, что во время первого полевого сезона 1928 г. массовый материал в соответствии с практиковавшимися тогда методиками был выброшен [Кимура, 2003].

Для восполнения пробелов в знаниях о коррадированном компоненте Мальты весной 2023 г. сотрудниками научно-исследовательского центра Иркутского госуниверситета «Байкальский регион» Д. Н. Молчановым и Е. А. Липниной была осуществлена исследовательская ревизия мальтинских коллекций МАЭ РАН (Санкт-Петербург) за фондовыми номерами 5406 и 5412. Первая коллекция содержит материалы раскопок М. М. Герасимова и С. Н. Замятнина за 1932 г., вторая – работ М. М. Герасимова, Г. П. Сосновского, П. П. Хороших за 1934 г.

В количественном отношении было обработано 1239 ед. камня из коллекции 1932 г. (100 %) и 2424 ед. камня за 1934 г. (60 %). Исходя из данных диссертации Г. И. Медведева, проценты отражают долю обработанного материала из общего числа за соответствующий полевой сезон [Медведев, 1983, с. 114, табл. 3]. Если говорить об отношении обработанной коллекции к общему числу каменных артефактов, полученных за годы раскопок М. М. Герасимова в 1928–1958 гг., то оно составляет около $\frac{1}{3}$ (12 263 ед. – общее количество; 3 663 ед. – просмотренная часть). Полученные результаты, несмотря на неполный анализ материалов за 1934 г., по мнению авторов, значительно расширяют представления об эолово-коррадированном компоненте «классической» Мальты.

По итогам проведенной ревизии число предметов со следами эолового воздействия составило 71 ед., что, учитывая объем просмотренного материала, значительно превышает ранее опубликованные данные. В числе артефактов, свидетельствующих о техниках расщепления:

нуклевидные изделия ($n = 9$), в том числе кареноидный нуклеус для пластинок (рис. 1, 1), торцовый нуклеус для пластинок (рис. 1, 5), нуклеусы-бифасы с негативами центронаправленных и однонаправленных пластинчатых снятий (рис. 1, 2, 3), призматический нуклеус с негативами пластин с закрученным профилем (рис. 1, 4), фрагментированные изделия; технические сколы ($n = 4$), в том числе полупервичные пластины, скол-«таблетка», краевой скол; небольшие отщепы ($n = 29$), два из них с ретушью; пластины и пластинки ($n = 15$), причем 10 ед. из них с ретушью (рис. 2, 1, 2, 5, 6). Ретушь краевая, субпараллельная, слабомодифицирующая, в одном случае притупляющая регулярная. Формальный орудейный набор представлен концевыми скребками из отщепов и широких пластин ($n = 7$) (рис. 2, 9, 10); пластиной с асимметрично выделенным шипом (рис. 2, 8); острием из дистальной части трехгранной пластины (рис. 2, 3); остроконечником из пластины с вентральным уплощением проксимала, редуцировавшим ударный бугорок (рис. 2, 4); ординарными угловыми многофасеточными резцами из пластин ($n = 4$) (рис. 2, 7).

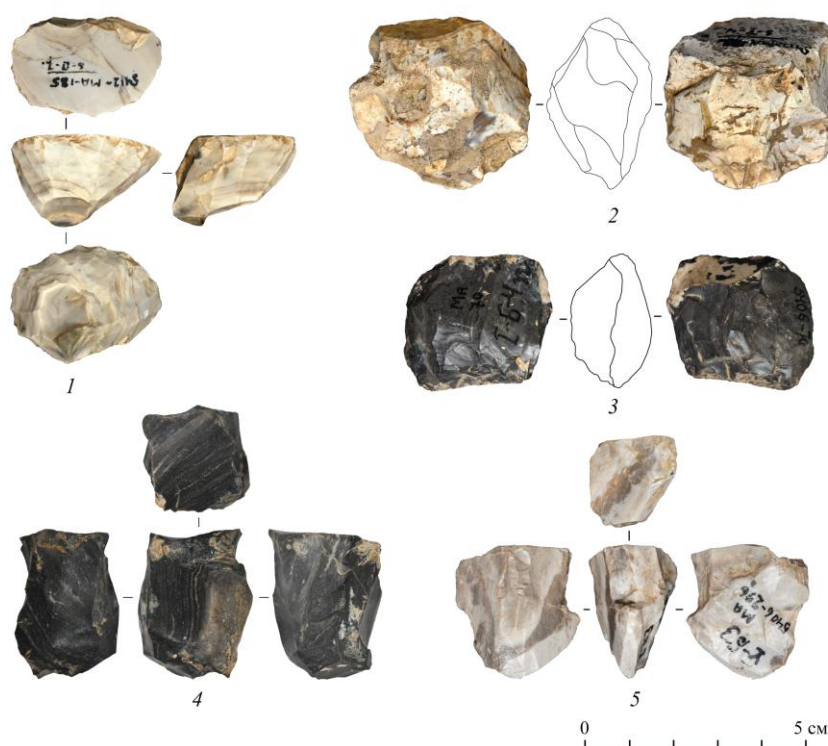

Рис. 1. Нуклеусы со следами корразии:

1 – кареноидный; 2, 3 – нуклеусы-бифасы; 4 – призматический; 5 – торцовый
(Археологический фонд МАЭ, кол. 5412 – № 112, 185, 279; кол. 5406 – № 70, 296)

Fig. 1. Corradated cores:

1 – carinated core; 2, 3 – core-bifaces; 4 – prismatic core for twisted blades; 5 – end core
(Archaeological fund of MAE RAS, collection 5412 – № 112, 185, 279; collection 5406 – № 70, 296)

По петрографическому составу коррадированный материал можно условно разделить на несколько групп. Первая, самая многочисленная (90 %), – это полосчатый кембрийский кремнь светло- и темно-серых цветовых вариаций. Вторая по распространенности сырьевая группа – серый микрокварцит и молочный кварц (7 %). Из кварца выполнены, в том числе, два концевых скребка. Третья группа – два предмета из оранжевых и красноватых яшмоидов (2 %), диоритовый скол (1 %), снятый, предположительно, с ветрогранника.

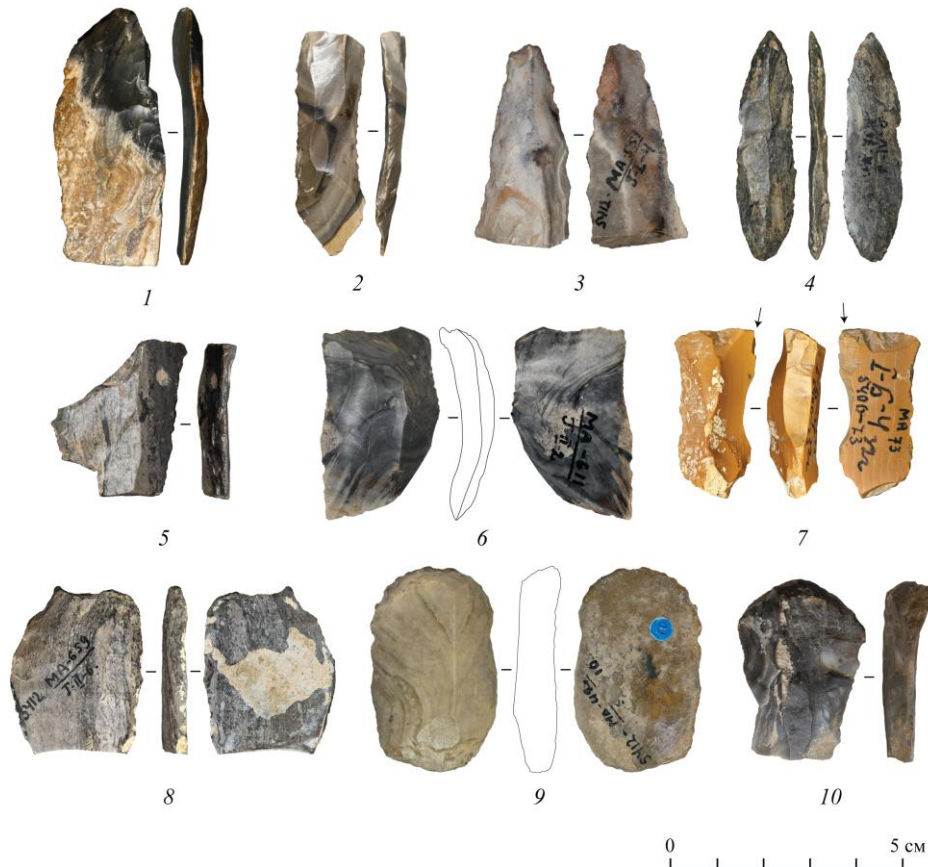

Рис. 2. Орудия со следами коррозии:

1, 2, 5, 6 – целые и фрагментированные пластины с ретушью; 3 – острие на трехгранной пластине; 4 – остроконечник с уплощением проксимала; 7 – резец; 8 – орудие с шипом; 9, 10 – концевые скребки (Археологический фонд МАЭ, кол. 5412 – № 10, 251, 551, 611, 616, 659, 764; кол. 5406 – № 73, 313, 305)

Fig. 2. Corroded tools:

1, 2, 5, 6 – retouched blades and its fragments; 3 – point on triangular blade; 4 – points with base thinning; 7 – burin; 8 – thorned tool; 9, 10 – end-scrapers (Archaeological fund of MAE RAS, collection 5412 – № 10, 251, 551, 611, 616, 659, 764; collection 5406 – № 73, 313, 305)

Следы золотого воздействия на артефактах включают в себя изменения в округлости ребер, т. е. сглаженность углов, а также блеск и изъязвление поверхности. Несмотря на отсутствие инструментальных измерений, исследованные артефакты визуально выделяются на фоне остальных некоррадируемых предметов коллекции с достаточной четкостью. Субъективность оценок была частично нивелирована независимой экспертизой: каждая единица каменного материала просматривалась отдельно Е. А. Липниной и Д. Н. Молчановым – специалистами, которые имели полевой и лабораторный опыт работы с коррадируемым археологическим материалом. Артефакты с различной оценкой присутствия коррозии исключались из анализа. Сглаженность ребер практически одинакова на всех предметах из полосчатого кремня. Ее можно охарактеризовать как среднюю, если сравнивать со «свежими» сколами этого сырья. Сильная шероховатость поверхности читается только на нескольких предметах. Относительно варьирует блеск: от слабого «воскового» до сильного «жирного», однако здесь стоит учитывать также прозрачность и цветность сырья. На большинстве предметов присутствует карбонатная корка, в некоторых случаях скрывающая следы коррозии.

Рис. 3. Вентифакты:

1 – чоппер на ветрограннике; 2–4 – гальки
(Археологический фонд МАЭ, кол. 5406 – № 157, 239, 322, 979)

Fig. 3. Ventifacts:

1 – chopper on “brazil nut”; 2–4 – corroded pebbles
(Archaeological fund of MAE RAS, collection 5406 – № 157, 239, 322, 979)

В просмотренных материалах отдельно зафиксированы отмеченные Г. И. Медведевым чопперы в количестве 8 экз. Они выполнены либо на овальных крупных гальках, либо на подпрямоугольных кусках кремнистой породы со следами корразии. На терминалах предметов фиксируются некоррадированные негативы снятий, оформляющих лезвие или фронт, фас в одном случае покрыт эоловыми фасетками. В числе преформ зафиксирован типичный «бразильский орех» с трехгранным сечением, плоским фасом и выраженным продольным ветровым гребнем (рис. 3, 1) [Whitney, 1983, р. 238–239]. Сырье – серый мелкозернистый кварцит и черная окварцованная кремнистая порода.

Мелкие ветрогранники, описанные ранее как драйкантеры, зафиксированы в количестве 26 ед. Они представляют собой продолговатые, подовальные или подтреугольные в сечении гальечки длиной от 3 до 8 см с естественно притупленным либо приостренным концом (рис. 3, 2–4). Некоторые имеют правильную форму вытянутой капли. Количество граней варьирует от одной-двух до почти карандашевидного сечения. Сырье преимущественно представлено черной окварцованной кремнистой породой.

Обсуждение

С момента своего выделения и обособления из общего массива материала «классических» горизонтов (8.1, 8.2, 8.3, 8.4) коррадированный компонент мальтинской коллекции рассматривался исследователями как чужеродный, не имеющий прямых культурных генетических связей с древними мальтинцами. Артефакты-манупорты со следами эолового воздействия, кроме сильно коррадированных чоперов-нуклеусов, ассоциировались с «макаровским палеолитическим пластом». Однако результаты проведенной ревизии, по мнению авторов, ставят под сомнение такую интерпретацию.

Первое и основное обстоятельство связано с заявленными отличиями в техноморфологическом облике коррадированного и некоррадированного материала. В диссертации Г. И. Медведева отмечено, что морфология нуклеарных форм включает в себя небольшие радиальные нуклеусы-бифасы; одноплощадочные призматические с замкнутым и полузамкнутым фронтом, в том числе конические вариации; плоскостные монофронтальные, в том числе с негативами встречного скалывания; ортогональные многоплощадочные; торцовые, в том числе из отщепов [1983, с. 129; прилож., рис. 46–51]. Размерность форм варьирует вплоть до микронуклеусов. Отсутствие реберчатых пластин среди технических сколов заставило авторов впоследствии отказаться от термина «призматическое расщепление» в пользу «параллельного однонаправленного» [Липнина, 2002]. Особо отмечено присутствие в «классическом» ансамбле пластин с закрученным профилем [Там же, с. 111].

По результатам ревизии исследованный коррадированный компонент в литорасщеплении показывает те же признаки и морфотипы: призматические формы, в том числе документированные сколом-таблеткой; торцовое расщепление; негативы изогнутых в профиле пластин; нуклеусы-бифасы. Кареноидный нуклеус по форме соответствует скребкам высокой формы. Орудийная составляющая коррадированного компонента за единичным исключением также повторяет типы «классического» ансамбля: концевые скребки, орудия с шипом или «острия из пластин» по классификации Г. И. Медведева, угловые резцы из пластин [Медведев, 1983, прилож., рис. 34, 39, 42]. Это справедливо и в отношении притупляющей регулярной ре-туши.

Второе обстоятельство связано с петрографией находок. Исследователи отмечают, что мальтинцами использовался преимущественно кембрийский полосчатый кремнь черных и черно-серых цветовых оттенков из доломитовых обнажений р. Белой, значительно реже – серый, красноватый и желтый яшмоид (кремнистый сланец? аргиллит?), молочно-белый кремнь, кварцит и кварц прозрачный, молочных и серых оттенков, диорит, кальцит [Герасимов, 1931; Медведев, 1983; Липнина, 2002]. Примерное соотношение использованного сырья, приводимое в ряде публикаций, показывает долю кремнистых пород свыше 90 %, остальных пород – менее 10 % [Кимура, 2003, с. 12; Мещерин, 2014, с. 102]. Результаты ревизии демонстрируют такое же петрографическое распределение среди коррадированного материала.

Единственным культурным типом со следами эолового воздействия, который не имеет аналогий в «классическом» мальтинском ансамбле, являются остроконечники. В работе Х. Кимуры есть информация о том, что общее количество таких предметов в коллекции Мальты составляет 12 ед. [Кимура, 2003, с. 23]. В это число, судя по иллюстрации к статье, входят и два коррадированных экземпляра. Однако отсутствие изображений остальных артефактов не позволяет прямо говорить о том, что на Мальте есть также некоррадированные остроконечники. То же самое касается и информации о трех «наконечниках» из мальтинских коллекций Государственного исторического музея (Москва) [Мещерин, 2014, с. 104]. Если ориентироваться на иллюстрации в диссертации Г. И. Медведева, эта форма является серийной ($n = 4$), однако не массовой [Медведев, 1983, прилож., рис. 55]. В трех случаях остроконечники имеют подовальную (листовидную) в плане форму, в одном – выполнены из удлинённой пластины. Аналогичный листовидный остроконечник обнаружен также на Макарово IV [Аксенов, 2009, с. 314, рис. 52].

Некоторые исследователи разбивают эту группу изделий на два типа – остроконечники с подтеской основания и листовидные бифасы – и вместе с другим коррадированным материалом Мальты относят ее к начальному верхнему палеолиту (НВП) Южной Сибири [Rybin, 2014; Шалагина и др., 2019]. Основанием такой культурной ассоциации выступает интерпретация этих артефактов как орудий-маркеров НВП Южной Сибири и Центральной Азии с конкретной уникальной территориально-хронологической привязкой [Рыбин, Глушенко, 2014]. Однако если для подобных орудий со стоянок Горного Алтая, Забайкалья, Монголии и Джунгарии есть четкие радиоуглеродные датировки, позволяющие отнести их к 43–

35 тыс. от н. д., то материалы Прибайкалья в основном происходят из подъемных сборов, за исключением артефактов со стоянок Макарово IV и Весна [Рыбин, Глушенко, 2014, с. 240–241, табл. 1; Молчанов и др., 2021].

Таким образом, предположение о присутствии в коррадированном компоненте Мальты культурных маркеров начального верхнего палеолита, по существу, базируется на единичном примере сходства морфологии мальтинского листовидного остроконечника с аналогичным орудием из коллекции Макарово IV. Не оспаривая саму логику выделения орудий-маркеров в комплексах верхнего палеолита, можно только отметить следующий момент. Наряду с мнением об автохтонности мальтинско-буретской культуры, есть версия о ее западном происхождении [Липнина, 2002; Лисицын, 1999; Медведев, 1983; Окладников, 1950; Сосновский, 1934]. Последнее предположение поддерживается сходством ансамбля Мальты с технокомплексом Восточного граветта Русской равнины в аспекте пластинчатого расщепления, жилищного строительства, искусства и орнамента, а также результатами антропологических и генетических исследований [Аникович, 1999; Восточный граветт, 1998; Зубов, Гохман, 2003; Корнева, 2020; Raghavan et al., 2013].

Если принимать версию о западном влиянии на формирование облика индустрии Мальты, то типы листовидных и удлинённых остроконечников с уплощением проксимала в материалах «классических» горизонтов будут являться характерными маркерами не азиатского НВП, но европейских технокомплексов средней поры верхнего палеолита. В ином случае, принимая этот тип за региональный маркер НВП-индустрий, а также технологическую инновацию, позволяющую бесконтактную охоту [Shea, Sisk, 2010], сложно представить его полное замещение другими видами вооружения в позднекаргинское – раннесартанское время. В этой связи стоит отметить находку еще одного коррадированного остроконечника с аналогичным техническим приемом уплощения основания на стоянке Шишкино VIII (Верхняя Лена), который на основании радиоуглеродного датирования предварительно датируется автором раскопок в диапазоне 25–18 тыс. л. н. [Пержаков, 2006, с. 182].

Феномен эоловой корразии, выступающий в роли дифференцирующего признака для каменных коллекций Мальты, можно рассматривать в таком случае не как датирующий, а как исключительно тафономический фактор. Следы эолового воздействия могли появиться в результате особенностей микротопологии рельефа стоянки: когда основная масса артефактов была депонирована природными процессами, некоторые из них остались в экспонированном состоянии и «пережили» цикл слабой пескоструйной обработки. Результаты полевых экспериментов показывают, что для появления следов корразии не обязательно необходимы экстремальные ветра скоростью 50 м/с и более и длительные промежутки времени (см. обзоры: [Knight, 2008; Laity, 2009]). Соответственно, в сухих и холодных условиях тундростепи ранне- или среднесартанского времени поверхность стоянки могла испытывать умеренную ветровую нагрузку, достаточную для слабой корразии экспонированных артефактов, но не имеющую ураганной силы для дефляции и разрушения бронированного мерзлотой почвенного покрова и депонированной поверхности обитания с другими материальными остатками. Такой сценарий также поддерживается бессистемным пространственным расположением коррадированных артефактов [Медведев, 1983, с. 130].

Кроме того, материалы со следами эолового воздействия других стоянок Ангаро-Бельского геоархеологического района – Сосновый Бор (VI горизонт) и Стойло (II горизонт) – имеют ряд сходных черт с «классической» Мальтой в техноморфологии и предварительно датированы второй половиной раннего сартана (Sr¹₂) согласно региональной климатостратиграфической схеме [Кузнецов и др., 2023]. Таким образом, в границах нижнего течения р. Белой прослеживается единый культурный комплекс, содержащий как некоррадированные, так и коррадированные материалы.

Заключение

В результате проведенного анализа мальтинских коллекций 1932 г. и частично 1934 г. представления о возрасте и культурной ассоциации ее коррадированной части значительно изменились. Если ранее дискуссия об этом компоненте была сосредоточена вокруг возраста, а его «чужеродность», иная культурная специфика не подвергалась сомнению, то сейчас, по мнению авторов, появились некоторые основания принять единство ансамбля «классической» Мальты. Присутствие «макаровского палеолитического пласта» на территории Ангаро-Бельского района также ставится под сомнение в результате недавней ревизии кремневой индустрии VI горизонта стоянки Сосновый Бор и исследования палеолитического слоя стоянки Стоило. Кроме того, даже если принять версию древнего каргинского / докаргинского возраста олово-коррадированных артефактов Мальты, то резонно возникает вопрос об аналогичных свидетельствах существования подобной архаичной культуры в нижнем течении р. Белой. На самой Мальте, в ее нижних «доклассических» горизонтах, таких следов не зафиксировано: и каргинские, и муруктинские отложения содержат только единичные кварцевые артефакты [Липнина, 2002, с. 64].

Однако, учитывая неполный анализ мальтинских коллекций и вариативность оценок культурной принадлежности некоторых вышеназванных типов орудий, окончательное решение вопроса о единстве материалов «классических» горизонтов представляется преждевременным. Стоит отметить, что один из специалистов, принимавших участие в изучении коллекций в 2023 г., Е. А. Липнина, имеет противоположное авторскому мнению по поводу коррадированного компонента и считает недостаточными основания для изменения устоявшейся позиции [Липнина, 2023]. Дальнейшие исследования по этой тематике должны быть направлены в первую очередь на полное изучение каменной индустрии Мальты, а также поиск и сравнительный анализ новых олово-коррадированных материалов в Южном Приангарье.

Список литературы

- Аксенов М. П.** Палеолит и мезолит Верхней Лены. Иркутск: ИрГТУ, 2009. 370 с.
- Аникович М. В.** О миграциях в палеолите // *Stratum Plus*. 1999. № 1. С. 72–82.
- Бердникова Н. Е., Бердников И. М., Воробьева Г. А., Липнина Е. А.** Средний и поздний этапы верхнего палеолита Байкало-Енисейской Сибири: хронология и общая характеристика // *Изв. ИГУ. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология»*. 2021. Т. 38. С. 59–77.
- Воробьева Г. А.** Почва как летопись природных событий Прибайкалья: проблемы эволюции и классификации почв. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2010. 205 с.
- Восточный гравейт: Сб. / Отв. ред. Х. А. Амирханов. М.: Научный мир, 1998. 329 с.
- Герасимов М. М.** Мальта – палеолитическая стоянка (предварительные данные). Результат работ 1928–1929 гг. Иркутск: Тип. изд. «Власть труда», 1931. 34 с.
- Герасимов М. М.** Раскопки палеолитической стоянки в с. Мальта // *Изв. ГАИМК. Палеолит СССР: материалы по истории дородового общества*. М.; Л., 1935. Вып. 118. С. 78–124.
- Герасимов М. М.** Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта // *МИА*. М.; Л., 1941. № 2. С. 65–85.
- Герасимов М. М.** Палеолитическая стоянка Мальта (Раскопки 1956–1958 гг.) // *СЭ*. 1958. № 3. С. 28–52.
- Зубов А. А., Гохман И. И.** Некоторые одонтологические данные по верхнепалеолитической стоянке Мальта // *Вестник антропологии*. 2003. № 10. С. 14–23.
- Кимура Х.** Индустрия пластин стоянки Мальта // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2003. № 1 (13). С. 11–33.

- Корнева Т. В.** Орнамента верхнепалеолитической стоянки Мальта // Археологические вести. 2020. Вып. 27. С. 48–59.
- Кузнецов А. М., Молчанов Д. Н., Когай С. А.** Палеолитический комплекс геоархеологического объекта «Стойло» (Южное Приангарье) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023. Т. 51 (4). С. 15–24. DOI 10.17746/1563-0102.2023.51.4.015-024
- Липнина Е. А.** Мальтинское местонахождение палеолитических культур: современное состояние изученности и перспективы исследований. Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2002. 222 с.
- Липнина Е. А.** Эолово-коррадированный компонент в составе «классического» ансамбля каменных артефактов Мальтинского верхнепалеолитического местонахождения // Новейшие открытия в палеолите Евразии: Тез. докл. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. С. 45–46.
- Липнина Е. А., Медведев Г. И., Ощепкова Е. Б.** Мальтинское верхнепалеолитическое местонахождение // Каменный век Южного Приангарья. Бельский геоархеологический район / Отв. ред. Г. И. Медведев. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2001. Т. 2. С. 46–83.
- Лисицын Н. Ф.** О европейско-сибирских контактах в позднем палеолите // Stratum Plus. 1999. № 1. С. 121–125.
- Медведев Г. И.** Палеолит Южного Приангарья: Дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 1983. 390 с.
- Медведев Г. И.** О геостратиграфии ансамблей эолово-коррадированных артефактов Байкальской Сибири // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. С. 267–272.
- Медведев Г. И., Новосельцева В. М.** Хронология, стратиграфия и техноморфология комплекса артефактов геоархеологического местонахождения Гора Игетей I // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, № 7: Археология и этнография. С. 100–110.
- Медведев Г. И., Складчиков М. Я.** Проблемы изучения палеолитических изделий из камня и эоловой коррозией обработанных поверхностей (возраст – культура – география) // Проблемы археологии и этнографии Сибири: Тез. докл. к регион. конф. Иркутск: Иркут. ун-т, 1982. С. 41–43.
- Мещерин М. Н.** О характеристики каменной индустрии Мальты «классической» (по материалам собрания ГИМ 1956–1958 гг.) // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани / Отв. ред. А. П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. Т. 1. С. 101–104.
- Молчанов Д. Н., Песков С. А., Стерхова И. В., Клементьев А. М.** О возрасте и месте верхнепалеолитического местонахождения Весна в палеолите юга Средней Сибири // Изв. ИГУ. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2021. Т. 38. С. 34–58.
- Окладников А. П.** Освоение палеолитическим человеком Сибири // Материалы по четвертичному периоду СССР. 1950. Вып. 2. С. 150–158.
- Пержаков С. Н.** Морфологические характеристики каменного инвентаря Шишкино VIII (Верхняя Лена) // Известия лаборатории древних технологий. 2006. № 1 (4). С. 178–184.
- Рыбин Е. П., Глушенко М. А.** Специфический тип орудий начальной стадии верхнего палеолита в Южной Сибири // Верхний палеолит Северной Евразии и Америки: памятники, культуры, традиции / Отв. ред. С. А. Васильев. СПб.: Петербургское востоковедение, 2014. С. 238–255.
- Сосновский Г. П.** Палеолитические стоянки Северной Азии // Тр. II Междунар. конф. Ассоциации по изучению четвертичного периода в Европе. М.; Л., 1934. Вып. 5. С. 246–304.
- Хензыхенова Ф. И., Сато Т., Медведев Г. И., Липнина Е. А., Семеней Е. Ю., Ёсида К., Като Х., Лохов Д. Н., Хирасава Ю.** Мелкие млекопитающие геоархеологического местонахождения Мальта и вопросы реконструкции палеосреды // Изв. ИГУ. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2015. Т. 12. С. 81–99.
- Шалагина А. В., Зоткина Л. В., Аношкин А. А., Кулик Н. А.** Листовидные бифасы в комплексах начального верхнего палеолита Южной Сибири и севера Центральной Азии // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 2 (26). С. 47–60.

- Khenzykhenova F., Lipnina E., Danukalova G., Shchetnikov A., Osipova E., Semenei E., Tumurov E., Lokhov D.** The area surrounding the world-famous geoarchaeological site Mal'ta (Baikal Siberia): New data on the chronology, archaeology, and fauna // *Quaternary International*. 2018. Vol. 509. P. 17–29.
- Knight J.** The environmental significance of ventifacts: A critical review // *Earth-Science Reviews*. 2008. Vol. 86. P. 89–105.
- Laity J. E.** Landforms, landscapes, and processes of aeolian erosion // *Geomorphology of Desert Environments* / Ed. by A. J. Parsons, A. D. Abrahams. Sheffield; New York: Springer Science + Business Media, 2009. P. 597–628. DOI 10.1007/978-1-4020-5719-9
- Raghavan M. et al.** Upper Palaeolithic Siberian genome reveals dual ancestry of Native Americans // *Nature*. 2013. Vol. 505, iss. 7481. P. 87–91. DOI 10.1038/nature12736
- Rybin E. P.** Tools, beads, and migrations: specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of Southern Siberia and Central Asia // *Quaternary International*. 2014. Vol. 347. P. 39–52.
- Shea J. J., Sisk M. L.** Complex projectile technology and *Homo sapiens* dispersal into Western Eurasia // *PaleoAnthropology*. 2010. P. 100–122.
- Vorobieva G., Vashukevich N., Berdnikova N., Berdnikov I., Zolotarev D., Kuklina S., Lipnina E.** Soil formation, subaerial sedimentation processes and ancient cultures during MIS 2 and the deglaciation phase MIS 1 in the Baikal – Yenisei Siberia (Russia) // *Geosciences*. 2021. Vol. 11. 323 p.
- Whitney M. I.** Eolian features shaped by aerodynamic and vorticity processes // *Developments in Sedimentology*. 1983. Vol. 38. P. 223–245.

References

- Aksenov M. P.** Paleolit i mezolit Verkhnei Leny [Paleolithic and Mesolithic periods of the Upper Lena]. Irkutsk, ISTU Press, 2009, 370 p. (in Russ.)
- Amirkhanov Kh. A.** (ed.). Vostochnyi gravett [The Eastern Gravettian]. Moscow, Nauchnyi mir Publ., 1998, 329 p. (in Russ.)
- Anikovich M. V.** O migratsiyakh v paleolite [About the migrations in Paleolithic]. *Stratum Plus*, 1999, iss. 1, pp. 72–82. (in Russ.)
- Berdnikova N. E., Berdnikov I. M., Vorobieva G. A., Lipnina E. A.** Srednii i pozdnii etapy verkhnego paleolita Baikalo-Eniseiskoi Sibiri: khronologiya i obshchaya kharakteristika [Middle and Late stages of the Upper Paleolithic of Baikal-Yenisei Siberia: chronology and general characteristics]. *Izvestiya IGU. Seriya "Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya"* [Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series], 2021, vol. 38, pp. 59–77. (in Russ.)
- Gerasimov M. M.** Mal'ta – paleoliticheskaya stoyanka: (predvaritelnye dannye). Rezultat rabot 1928–1929 gg. [Mal'ta – Paleolithic site: (preliminary information). Results of field works in 1928–1929]. Irkutsk, Vlast' Truda Publ, 1931, 34 p. (in Russ.)
- Gerasimov M. M.** Obrabotka kosti na paleoliticheskoi stoyanke Mal'ta [Treatment of bone in the Mal'ta Paleolithic site]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (MIA) [Materials and research on Archeology of USSR (MRA)]*. Moscow, Leningrad, 1941, vol. 2, pp. 65–85. (in Russ.)
- Gerasimov M. M.** Paleoliticheskaya stoyanka Mal'ta: (Raskopki 1956–1958 gg.) [Paleolithic site Mal'ta (Excavations 1956–1958)]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*, 1958, vol. 3, pp. 28–52. (in Russ.)
- Gerasimov M. M.** Raskopki paleoliticheskoi stoyanki v s. Mal'ta [Excavations of Paleolithic Site in Mal'ta village]. In: *Izvestiya GAIMK. Paleolit SSSR: materialy po istorii dorodovogo obshchestva [News of State Academy of history of material culture. Palaeolithic of the USSR. Materials on the History of Theancestral Society]*. Moscow, Leningrad, 1935, vol. 118, pp. 78–124. (in Russ.)

- Khenzykhenova F. I., Sato T., Medvedev G. I., Lipnina E. A., Semenei E. Yu., Yosida K., Kato Kh., Lokhov D. N., Hirasava Yu.** Melkie mlekopitayushchie geoarkheologicheskogo mestonakhozhdeniya Mal'ta i voprosy rekonstruktsii paleosredy [The small mammals of geoarchaeological site Malta and implication for paleoenvironment reconstruction]. *Izvestiya IGU. Seriya "Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya"* [Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series], 2015, vol. 12, pp. 81–99. (in Russ.)
- Kimura H.** Industriya plastin stoyanki Mal'ta [Blade industry of Malta]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia], 2003, vol. 1 (13), pp. 11–33. (in Russ.)
- Knight J.** The environmental significance of ventifacts: A critical review. *Earth-Science Reviews*, 2008, vol. 86, pp. 89–105.
- Korneva T. V.** Ornamentika verkhnepaleoliticheskoi stoyanki Mal'ta [Ornamentation from the Upper Paleolithic site of Malta]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News], 2020, vol. 27, pp. 48–59. (in Russ.)
- Kuznetsov A. M., Molchanov D. N., Kogai S. A.** Paleoliticheskii kompleks geoarkheologicheskogo obiekta "Stoilo" (Yuzhnoe Priangar'e) [Paleolithic complex of Stoilo geoarchaeological site (South Angara)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia], 2023, vol. 51 (4), pp. 15–24. (in Russ.) DOI 10.17746/1563-0102.2023.51.4.015-024
- Laity J. E.** Landforms, landscapes, and processes of Aeolian erosion. In: Parsons A. J., Abrahams A. D. (eds.). *Geomorphology of Desert Environments*. Sheffield, New York, Springer Science + Business Media, 2009, pp. 597–628. DOI 10.1007/978-1-4020-5719-9
- Lipnina E. A.** Eolovo-korradirovannyi komponent v sostave "klassicheskogo" ansamblya kamennykh artefaktov Mal'tinskogo verkhnepaleoliticheskogo mestonakhozhdeniya [Aeolian-corradated component of Malta's "classic" lithic assemblage]. In: *Noveishie otkrytiya v paleolite Evrazii* [Recent discovery in the Paleolithic of Eurasia]: abstracts of report. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2023, pp. 45–46. (in Russ.)
- Lipnina E. A.** Mal'tinskoe mestonakhozhdenie paleoliticheskikh kultur: sovremennoe sostoyanie izuchennosti i perspektivy issledovaniy [Malta Paleolithic site: current state of research and investigation perspectives]. Thesis Cand. Sci. (History). Irkutsk, 2002, 222 p. (in Russ.)
- Lipnina E. A., Medvedev G. I., Oshchepkova E. B.** Mal'tinskoe verkhnepaleoliticheskoe mestonakhozhdenie [Malta Paleolithic site]. In: Medvedev G. I. (ed.). *Kamennyi vek Yuzhnogo Priangariya. Belskii geoarkheologicheskii raion* [Stone Age of Angara region. Irkutsk geoarchaeological area]. Irkutsk, ISU Press, 2001, vol. 2, pp. 46–83. (in Russ.)
- Lisitsyn N. F.** O evropeisko-sibirskikh kontaktakh v pozdnem paleolite [About the European-Siberian contacts in the Late Paleolithic]. *Stratum Plus*, 1999, iss. 1, pp. 121–125. (in Russ.)
- Medvedev G. I.** O geostratigrafii ansamblei eolovo-korradirovannykh artefaktov Baikalskoi Sibiri [About geostratigraphy of Aeolian-corradated assemblages of Baikal Siberia]. In: *Sovremennye problemy Evraziiskogo paleolitovedeniya* [Modern problems of Paleolithic of Eurasia]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2001, pp. 267–272. (in Russ.)
- Medvedev G. I.** Paleolit Yuzhnogo Priangariya [Paleolithic of South Angara]. Thesis Dr. Sci. (History). Irkutsk, 1983, 390 p. (in Russ.)
- Medvedev G. I., Novoseltseva V. M.** Khronologiya, stratifiya i tekhnomorfologiya kompleksa artefaktov geoarkheologicheskogo mestonakhozhdeniya Gora Igetei I [The chronology, stratigraphy and technomorphology of complex of artifacts of geoarchaeological site Gora Igetey I]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2011, vol. 10, no. 7: Archaeology and ethnography, pp. 100–110. (in Russ.)
- Medvedev G. I., Sklyarevskii M. Ya.** Problemy izucheniya paleoliticheskikh izdelii iz kamnya i eolovoi korraziei obrabotannykh poverkhnostei (vozrast – kul'tura – geografiya) [Problems of studying Paleolithic artifacts with Aeolian marks (age – culture – geography)]. In: *Problemy*

- arkheologii i etnografii Sibiri [Problems of archaeology and ethnography of Siberia]. Proceedings of regional conference. Irkutsk, ISU Press, 1982, pp. 41–43. (in Russ.)
- Meshcherin M. N.** O kharakteristiki kamennoi industrii Mal'ty "klassicheskoi" (po materialam sobraniya GIM 1956–1958 gg.) [About characteristics of lithic industry of "classic" Malta (based on collection of 1956–1958 in State Historical Museum)]. In: Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani [Proceedings of IV (XX) Russian Archaeological Congress]. Ed. by A. P. Derevyanko. Kazan, Otechestvo Publ., 2014, vol. 1, pp. 101–104. (in Russ.)
- Molchanov D. N., Peskov S. A., Sterkhova I. V., Klementiev A. M.** O vozraste i meste verkhne-paleoliticheskogo mestonakhozhdeniya Vesna v paleolite yuga Srednei Sibiri [About the age and place of the Upper Paleolithic site Vesna in the Paleolithic of the South of Middle Siberia]. *Izvestiya IGU. Seriya "Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya"* [Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series], 2021, vol. 38, pp. 34–58. (in Russ.)
- Okladnikov A. P.** Osvoenie paleoliticheskimi chelovekom Sibiri [Paleolithic conquest of Siberia]. *Materialy po chetvertichnomu periodu SSSR* [Quaternary research of USSR], 1950, vol. 2, pp. 150–158. (in Russ.)
- Perzhakov S. N.** Morfologicheskie kharakteristiki kamennogo inventarya Shishkino VIII (Verkhnyaya Lena) [Morphological characteristics of stone implements of Shishkino VIII (Upper Lena)]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies], 2006, vol. 1 (4), pp. 178–184. (in Russ.)
- Raghavan M.** et al. Upper Paleolithic Siberian genome reveals dual ancestry of Native Americans. *Nature*, 2013, vol. 505, iss. 7481, pp. 87–91. DOI 10.1038/nature12736
- Rybin E. P.** Tools, beads, and migrations: specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of Southern Siberia and Central Asia. *Quaternary International*, 2014, vol. 347, pp. 39–52.
- Rybin E. P., Glushenko M. A.** Spetsificheskie tip orudii nachal'noi stadii verkhnego paleolita v Yuzhnoi Sibiri [Special type of tool in Initial Upper Paleolithic of South Siberia]. In: Vasiliev S. A. (ed.). Verkhniy paleolit Severnoi Evrazii i Ameriki: pamyatniki, kul'tury, traditsii [Upper Paleolithic of North Asia and America: localities, cultures, traditions]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2014, pp. 238–255. (in Russ.)
- Shalagina A. V., Zotkina L. V., Anoin A. A., Kulik N. A.** Listovidnye bifasy v kompleksakh nachal'nogo verkhnego paleolita Yuzhnoi Sibiri i severa Tsentral'noi Azii [Leaf-shaped bifaces in the Initial Upper Paleolithic of Southern Siberia and Central Asia]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice in archaeological studies], 2019, vol. 2, iss. 26, pp. 47–60. (in Russ.)
- Shea J. J., Sisk M. L.** Complex projectile technology and Homo sapiens dispersal into Western Eurasia. *PaleoAnthropology*, 2010, pp. 100–122.
- Sosnovsky G. P.** Paleoliticheskie stoyanki Severnoi Azii [Paleolithic sites of North Asia]. In: Trudy II Mezhdunar. konferentsii Assotsiatsii po izucheniyu chetvertichnogo perioda v Evrope [Bulletin of II International Conference of quaternary research in Europe]. Moscow, Leningrad, 1934, iss. 5, pp. 246–304. (in Russ.)
- Vorobieva G. A.** Pochva kak letopis prirodnikh sobytii Pribaikaliya: problemy evolyutsii i klassifikatsii pochv [Soil as a chronicle of natural events of the Baikal region: problems of evolution and classification of soils]. Irkutsk, ISU Press, 2010, 205 p. (in Russ.)
- Vorobieva G., Vashukevich N., Berdnikova N., Berdnikov I., Zolotarev D., Kuklina S., Lipnina E.** Soil formation, subaerial sedimentation processes and ancient cultures during MIS 2 and the deglaciation phase MIS 1 in the Baikal – Yenisei Siberia (Russia). *Geosciences*, 2021, vol. 11, 323 p.
- Whitney M. I.** Eolian features shaped by aerodynamic and vorticity processes. *Developments in Sedimentology*, 1983, vol. 38, pp. 223–245.

Zubov A. A., Gokhman I. I. Nekotorye odontologicheskie dannye po verkhnepaleoliticheskoi stoyanke Mal'ta [Some odontological data on the Upper Paleolithic site Malta]. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology], 2003, vol. 10, pp 14–23. (in Russ.)

Информация об авторах

Алексей Михайлович Кузнецов, кандидат исторических наук, научный сотрудник

Scopus Author ID 57201059953

WoS Researcher ID A-7471-2019

RSCI Author ID 822171

SPIN 9867-1560

Дмитрий Николаевич Молчанов, научный сотрудник

Scopus Author ID 58683557300

WoS Researcher ID A-7554-2019

RSCI Author ID 988329

SPIN 4068-5393

Information about the Authors

Aleksei M. Kuznetsov, Candidate of Sciences (History), Researcher

Scopus Author ID 57201059953

WoS Researcher ID A-7471-2019

RSCI Author ID 822171

SPIN 9867-1560

Dmitrii N. Molchanov, Researcher

Scopus Author ID 58683557300

WoS Researcher ID A-7554-2019

RSCI Author ID 988329

SPIN 4068-5393

Вклад авторов:

А. М. Кузнецов – разработка концепции исследования, анализ материала, формулирование выводов, подготовка первой версии статьи.

Д. Н. Молчанов – отбор и анализ материала, подготовка иллюстраций, доработка текста.

Contribution of the Authors:

Aleksei M. Kuznetsov developed the research methodology and approach, analyzed the material, made conclusions, prepared the first draft of the article.

Dmitrii N. Molchanov selected and analyzed material, prepared the illustrations and finalized the article.

Статья поступила в редакцию 29.05.2023;

одобрена после рецензирования 01.09.2023; принята к публикации 01.10.2023

The article was submitted on 29.05.2023;

approved after reviewing on 01.09.2023; accepted for publication on 01.10.2023

Научная статья

УДК 902/904

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-62-73

Палеолитическая культура нгуом Северного Вьетнама

Александр Викторович Кандыба¹

Нгуен Кхак Шу²

Андрей Михайлович Чеха³

Нгуен За Дой⁴

^{1,3} Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

^{2,4} Институт археологии
Вьетнамской академии общественных наук
Ханой, Вьетнам

¹ arhkandyba@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0985-9121>

² khacsukc@gmail.com

³ chekhandrej@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2427-7480>

⁴ doitrong@hotmail.com

Аннотация

Представлены результаты технико-типологического анализа скального навеса Нгуом, давшего название одноименной палеолитической культуре Северного Вьетнама. Формулировка и фактическое наполнение понятия «нгуом», бытовавшие ранее в отечественной историографии, на данный момент являются некорректными. Цель статьи – характеристика каменной индустрии опорного памятника Нгуом и сопоставление данного комплекса с подобными палеолитическими комплексами сопредельных территорий. Установлено, что техника первичного расщепления соответствует типичным галечным комплексам Юго-Восточной Азии, но специфика оформления основной части орудейного набора на отщепах среднего и мелкого размера существенно отличается культуру нгуом от последующих и не обусловлена сырьевой базой. Возникновение данной культуры, возможно, связано с миграцией новой человеческой популяции из Южного Китая, на территории которого обнаружены подобные археологические памятники.

Ключевые слова

Юго-Восточная Азия, Северный Вьетнам, плейстоцен, поздний палеолит, культура нгуом, отщеповая индустрия

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-28-00014

Для цитирования

Кандыба А. В., Нгуен Кхак Шу, Чеха А. М., Нгуен За Дой. Палеолитическая культура нгуом Северного Вьетнама // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 3: Археология и этнография. С. 62–73. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-62-73

© Кандыба А. В., Нгуен Кхак Шу, Чеха А. М., Нгуен За Дой, 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 3: Археология и этнография. С. 62–73

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 62–73

Paleolithic Nguom Culture of Northern Vietnam

Alexander V. Kandyba¹, Nguyen Khac Su²
Andrey M. Chekha³, Nguyen Gia Doi⁴

^{1,3} Institute of Archeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

^{2,4} Institute of Archeology
of the Vietnam Academy of Social Sciences
Hanoi, Vietnam

¹ arhkandyba@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0985-9121>

² khacsukc@gmail.com

³ chekhandrej@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2427-7480>

⁴ doitrong@hotmail.com

Abstract

Purpose. In North Vietnam, the Nguomian culture has been distinguished, which is characterized by the predominance of flake tools in the techno-typological complex. This industry dates back to the second half of the Upper Pleistocene, preceding the previously identified Sonvian and Hoabinhian. The purpose of this study is to determine the technical and typological characteristics of one of the key monuments of the Nguom industry – the Nguom Rockshelter. For this purpose, a technical and typological analysis of the collection of stone products obtained as a result of excavations in 1981–1982 was carried out.

Results. In 2023, 4 589 artifacts of the Nguom Rockshelter were processed, of which 2 437 items were medium and small flakes and 1 284 fragments. The primary splitting of archaeological material is dominated by parallel cores (35 specimens), there are variants of unsystematic (12 specimens) and radial (8 specimens) cores, many core-like fragments (121 specimens). The tool set is represented by a large number of side-scrapers made of flakes and pebbles (22 specimens), retouched flakes with ventral undercut (43 specimens), choppers (25 specimens), adze-shaped objects (6 specimens), and fragmented axes (9 specimens), notched tools (5 copies). There are 25 punctures, 9 checks. Notched tools were mentioned earlier, but a group of artifacts (9 specimens) made of medium flakes should be separately distinguished. The number of single side scrapers is 10 pieces. Of interest is the category of rectangular scrapers with retouching on $\frac{3}{4}$ of the perimeter, numbering six objects. A series of oval scrapers (10 specimens) is close in shape. End and double scrapers have 52 items. The stone industry of the Nguom Rockshelter can be defined as a flake industry with medium and small tools.

Conclusion. In the Late Paleolithic in southern China and Vietnam, both pebble and flake industries coexisted. As in Vietnam, flake complexes are sporadic in South China. These sites are characterized by a large number of tools made of small and medium flakes, simple parallel splitting without preliminary preparation, and the predominance of scrapers in the tool set. The manifestation of the Nguom culture can presumably be considered as a result of the mixing of the alien population in the territory of Southern China and Northern Vietnam with the local original culture in the late Pleistocene.

Keywords

Southeast Asia, Northern Vietnam, Pleistocene, Late Paleolithic, Nguomian Culture, flake industry

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 23-28-00014

For citation

Kandyba A. V., Nguyen Khac Su, Chekha A. M., Nguyen Gia Doi. Paleolithic Nguom Culture of Northern Vietnam. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 62–73. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-62-73

Введение

Выделение культуры в археологии всегда является предметом последующих споров и дискуссий о ее содержании, хронологических границах, географическом распространении и пр. Особенно сложно говорить о тех явлениях, которые мало опубликованы, но существуют в историографии уже долгое время. Так, в Северном Вьетнаме выделена культура нгуом (Nguomian) [На, 1985], специфика которой заключается в преобладании в технико-типологическом комплексе орудий, выполненных из отщепов. Эту индустрию хронологически отно-

сят ко второй половине верхнего плейстоцена как предшествующую ранее выделенным культурам шонви и хоабинь [Нгуен, 1982], и на данный момент в российских изданиях упоминаются всего три памятника этой культуры: грот Миэнгхо, навес Нгуом и местонахождение Нуонг. В российской археологической историографии фигурируют два названия данной культуры. Советский археолог П. И. Борисковский, ознакомившись с археологическими материалами грота Миэнгхо в 1976 г., сделал вывод о среднепалеолитическом облике каменного инвентаря и сравнил его с индийскими материалами [Борисковский, 1977]. Позднее, в русле этого определения, авторами монографии «Палеолитоведение: введение и основы» вводится понятие «культура среднего палеолита миэнг» на территории Юго-Восточной Азии [Деревянко и др., 1994]. Советские археологи Н. К. Анисюткин и В. И. Тимофеев, посетившие Вьетнам в 1984–1985 гг. и ознакомившиеся с указанным материалом, в публикации 2006 г. присоединяют к археологическому материалу грота Миэнгхо просмотренные ими коллекции местонахождения Нуонг и скального навеса Нгуом [Анисюткин, Тимофеев, 2006]. В тексте статьи вьетнамское название последнего памятника *Nguom* было неверно транслитерировано как «Нгэм», что позволило авторам назвать общность этих памятников как «индустрия Нгэм» [Там же]. Авторы также рассматривали археологический материал этих стоянок с европоцентричной точки зрения на морфологию каменных артефактов, отсюда «леваллуазские» сколы, кливеры и пр.: это облегчало авторам задачу интерпретации и определения хронологических рамок изучаемых коллекций стоянок. Также в тексте статьи отсутствует какая-либо статистическая информация о количестве обработанных артефактов из материалов скального навеса Нгуом. Автор термина *Nguomian*, вьетнамский археолог Ха Ван Тан, утверждает, что открытие культуры нгуом произошло в 1981 г. в результате раскопок одноименного скального навеса [На, 1985]. В дальнейшем Ха Ван Тан определяет обнаруженную каменную индустрию как предшествующую хоабиньской эпохе [На, 1997].

Развитие постоянных совместных российско-вьетнамских археологических исследований в 2010–2023 гг., проводимых Институтом археологии и этнографии СО РАН и Институтом археологии ВАОН, позволило существенно скорректировать представления о характере каменных изделий и их интерпретацию в результате работы с археологическими коллекциями, относящимися к каменной индустрии нгуом. Авторам данной статьи удалось познакомиться с археологическими коллекциями скального навеса Нгуом, хранящимися в Национальном историческом музее Вьетнама в г. Ханой, в 2023 г.

Целью данного исследования является определение технико-типологических характеристик одного из опорных памятников индустрии нгуом – скального навеса Нгуом. Для ее достижения был проведен технико-типологический анализ коллекции каменных изделий, полученных в результате раскопок в 1981–1982 гг. В качестве сравнительно-вспомогательного материала привлечены опубликованные материалы палеолитических стоянок Южного Китая.

Результаты исследования

Скальный навес Нгуом, ставший эпонимом для данной каменной индустрии, был обнаружен в карстовом массиве Баккан, в долине Тханса (данная местность ранее была частью провинции Бактхай, разделенной позднее на две: Баккан и Тхайнгуен), по соседству со стоянками каменного века [Анисюткин, Тимофеев, 2006], возраст и характеристика которых не определены. При раскопках в 1981–1982 гг. было выделено три (по факту четыре) культурных уровня: «верхний, подразделяющийся на два слоя, относящихся к бакшонской и хоабиньской культурам, средний, содержащий материалы культуры шонви, и нижний с каменной индустрией мустероидного облика» [Там же, с. 17]. В публикациях Ха Ван Тана, автора раскопок, говорится о пяти культурных слоях [На, 1985; 1997], причем к индустрии на отщепках он относил нижние два слоя (4 и 5) и определял их возраст между 40 и 23 тыс. л. н. [На, 1997]. К сожалению, Ха Ван Таном были опубликованы только предварительные результаты исследований без подробной характеристики каменной индустрии.

В 2023 г. авторам данной статьи удалось обработать 4 589 артефактов, из которых 2 437 предметов составляли отщепы средних и мелких размеров и 1 284 были представлены обломками, что составляет около $\frac{1}{3}$ от общего количества коллекции слоев 4 и 5 скального навеса Нгуом. Как отмечалось еще Н. К. Анисюткиным и В. И. Тимофеевым, в первичном расщеплении археологического материала, определяемого как культура нгуом, доминируют плоскостные параллельные нуклеусы (35 экз.), встречаются варианты бессистемных (12 экз.) и радиальных (8 экз.) ядрищ, много нуклевидных обломков (121 экз.). Исходным сырьем являлись порфириновые, липаритовые и кварцитовые гальки средних и крупных размеров. Расщепление велось, как правило, без предварительной подготовки с естественных ударных площадок. Продуктами расщепления в основном являлись короткие и удлинённые крупные (692 экз.), средние и мелкие отщепы с участками галечной корки на дорсале. Именно они служили заготовками для большинства орудий. Орудийный набор представлен большим количеством скребел, изготовленных из отщепов и гальки (22 экз.) (рис. 1, 1), и отщепов с ретушью и вентральной подтеской (43 экз.). Большое количество скребел представлено поперечными формами с постоянной чешуйчатой ретушью. Присутствуют продольно-поперечные и дисковидные скребла (рис. 1, 2). Отдельную группу составляют рубящие орудия, к которым можно отнести чопперы (25 экз.), тесловидные предметы (6 экз.) и фрагментированные топоры (9 экз.). Несмотря на то что в коллекции преобладают разнообразные орудия из отщепов, в ней представлены и выразительные чопперы (рис. 1, 3). Размеры этих изделий разные, но крупных мало. Доминируют односторонние формы, которые бывают удлинёнными, укороченными и даже остроконечными. Имеются крупные выемчатые изделия (5 экз.) (рис. 1, 4). Проведенный анализ частично подтверждает выводы, сделанные Н. К. Анисюткиным и В. И. Тимофеевым, но следует отметить, что ими не были учтены все особенности каменной индустрии, а именно наличие орудий на отщепах среднего и мелкого размера, присутствие и типология которых и является отличием каменной индустрии нгуом от хоабиньских и шонвийских комплексов. Необходимо добавить, что подобная информация частично была проиллюстрирована Ха Ван Таном в его публикации, но без типологического определения и характеристик в тексте [На, 1997].

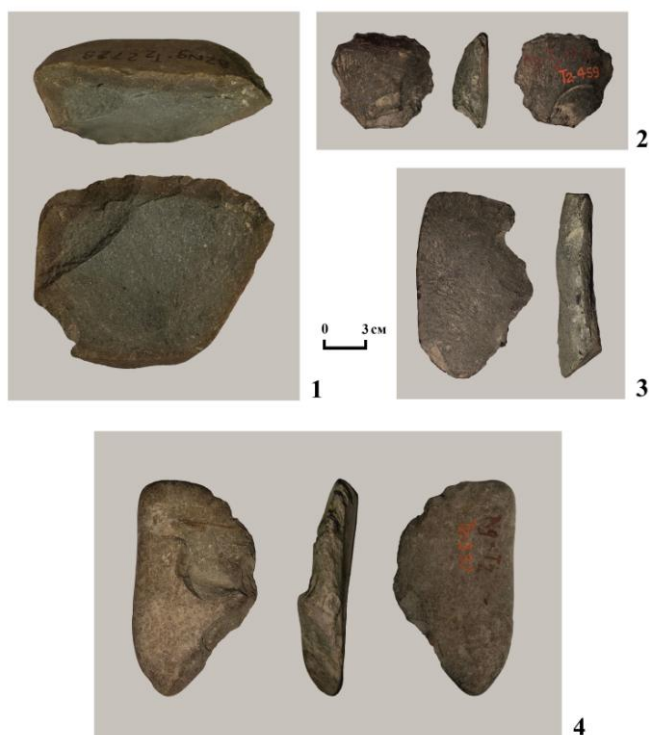

Рис. 1. Каменная индустрия палеолитической культуры нгуом:
1 – поперечное скребло из отщепа;
2 – дисковидное скребло; 3 – чоппер;
4 – выемчатое орудие

Fig. 1. Stone industry of the Paleolithic Nguom culture:
1 – transverse scraper made of flake;
2 – discoid scraper; 3 – chopper;
4 – notched tool

Группа орудий из отщепов среднего и мелкого размера отличается большим типологическим разнообразием. Следует отметить большую группу проколов в количестве 25 предметов (рис. 2, 1–6). Их характерной особенностью является наличие «плечиков» у основания острого ретушированного жальца. Сходные параметры имеет группа орудий (9 экз.), которые можно охарактеризовать как провертки (рис. 2, 7, 8). Существенным их отличием от проколов является треугольное сечение и массивность изделий. Выемчатые орудия упоминались ранее, но особо следует выделить группу (9 экз.), созданную из средних отщепов (рис. 2, 9, 10; рис 3, 1, 2). Выемки расположены на одном из продольных краев и тщательно отретушированы.

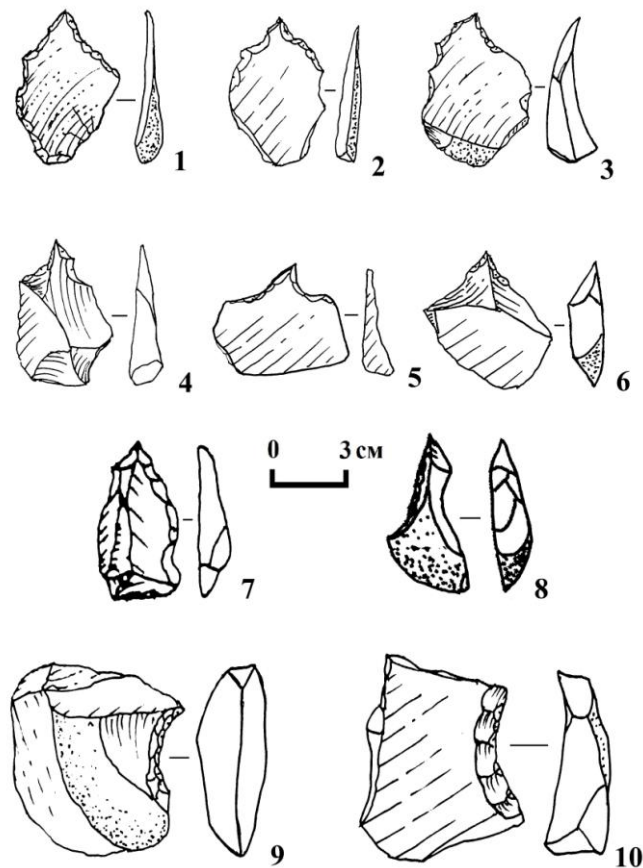

Рис. 2. Каменная индустрия палеолитической культуры нгуом:
1–6 – проколки; 7, 8 – провертки; 9, 10 – выемчатые орудия из средних отщепов

Fig. 2. Stone industry of the Paleolithic Nguom culture:
1–6 – borer/graver; 7, 8 – reamers; 9, 10 – notched tools made of medium flakes

Представительна группа боковых скребков с обушком (40 экз.) (рис. 3, 3–6): форма лезвия варьирует от прямой до выпуклой, а обушки представлены как естественными, так и искусственно уплощенными экземплярами. Количество одинарных боковых скребков сильно уступает предыдущей группе по количеству (10 экз.) (рис. 3, 10). Интересна категория прямоугольных скребков с ретушью на $\frac{3}{4}$ периметра, насчитывающая шесть предметов (рис. 3, 7–9). Как правило, оформление рабочего лезвия приходится на продольные края и прямое дистальное окончание отщепа. Близка по форме серия овальных скребков (10 экз.): в данном случае ретушь расположена по периметру заготовки (рис. 4, 1, 2).

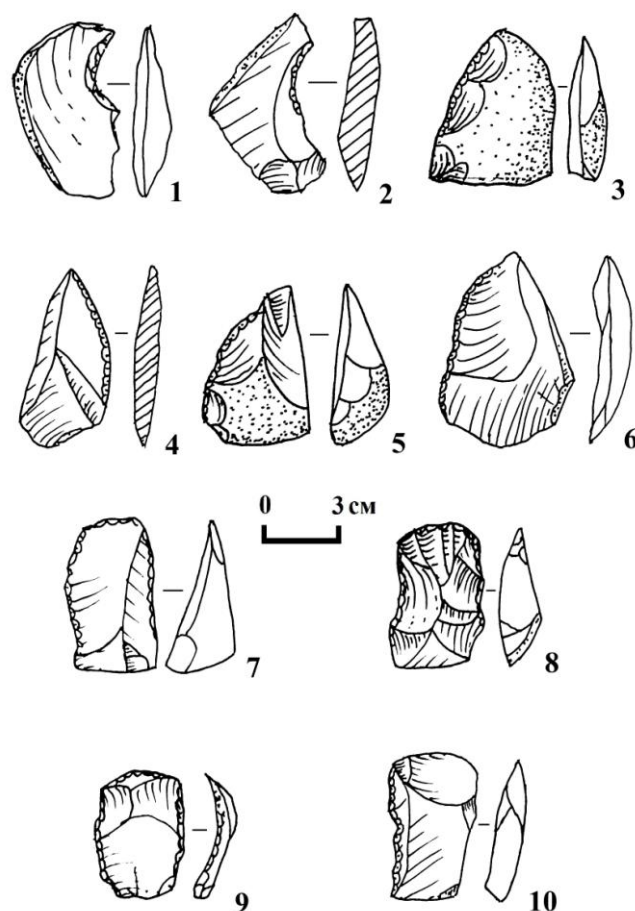

Рис. 3. Каменная индустрия палеолитической культуры нгуом:
1, 2 – выемчатые орудия на средних отщепах; 3–6 – боковые скребки с обушком;
7–9 – скребки с ретушью на $\frac{3}{4}$ периметра; 10 – боковой скребок

Fig. 3. Stone industry of the Paleolithic Nguom culture:
1, 2 – notched tools on medium flakes; 3–6 – side end scrapers with a back;
7–9 – end scrapers with retouch on $\frac{3}{4}$ of the perimeter; 10 – side end scraper

Концевые скребки насчитывают 52 предмета и подразделяются на две подгруппы: с выпуклым лезвием (рис. 4, 3–5, 7, 9, 10) и с прямым лезвием (рис. 4, 7, 8). Присутствует такая же по численности группа двойных скребков (рис. 4, 6).

Каменную индустрию скального навеса Нгуом можно определить как отщеповую с орудийным набором, представленным в основном скреблами и скребками средних и мелких размеров. Отмечается наличие перфорирующих предметов и атипичных скребков.

Обсуждение

Н. К. Анисюткиным и В. И. Тимофеевым упоминалось наличие «скребковидных орудий» в каменной индустрии Нгуом [Анисюткин, Тимофеев, 2006], но их присутствие не определялось как культуруопределяющий маркер. При этом вьетнамские исследователи грота Нгуом отмечают, что именно наличие орудий из отщепов, в первую очередь небольшого размера, является отличительной чертой данного памятника [Quang, 1995]. Определение Н. К. Анисюткиным и В. И. Тимофеевым данной индустрии как «среднепалеолитической, но специфической» [Анисюткин, Тимофеев, 2006, с. 19] базируется на приводимом возрасте слоев 4 и 5

грома Нгуом и существенном отличии орудийного набора от хоабиньских и шонвийских комплексов, а также на уже проведенной П. И. Борисовским корреляции каменного инвентаря грота Миенгхо со среднепалеолитическими комплексами Индии (невазий) [Борисовский, 1977, с. 190]. Необходимо отметить, что, несмотря на определенное своеобразие археологических материалов грота Нгуом и грота Миенгхо, вьетнамские исследователи рассматривают данные комплексы как технологически и типологически тождественные [Hoang, Nguyen, 1998; Nguyen, 2007; 2008; Trinh, 2009; Quang, 1995], однако вопрос возраста последнего памятника по-прежнему остается открытым.

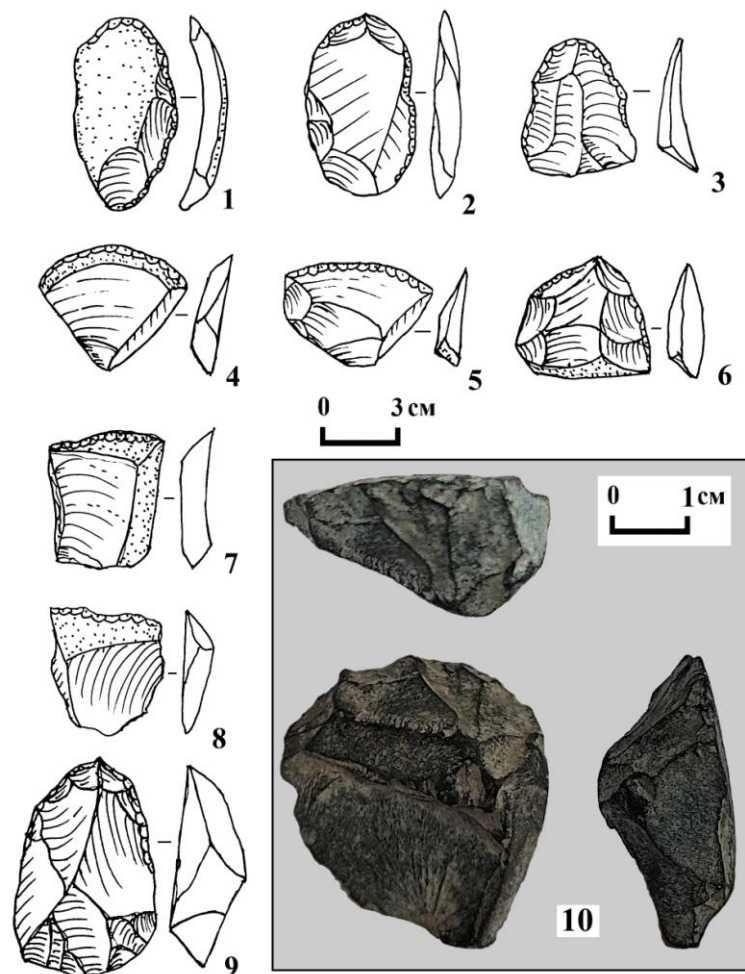

Рис. 4. Каменная индустрия палеолитической культуры нгуом:
1, 2 – овальные скребки; 3–5, 7, 9, 10 – концевые скребки с выпуклым лезвием;
7, 8 – концевые скребки с прямым лезвием.

Fig. 4. Stone industry of the Paleolithic Nguom culture:
1, 2 – oval end scrapers; 3–5, 7, 9, 10 – end scrapers with a convex blade;
7, 8 – end scrapers with a straight blade

Необходимо остановиться на критическом восприятии авторами данной статьи археологических материалов местонахождения Нуонг, отнесенного Н. К. Анисюткиным и В. И. Тимофеевым к культуре Нгуом [Анисюткин, Тимофеев, 2006]. Исследователи утверждали, что проводили полевые исследования в 1984 г. и выделили три уровня залегания артефактов, которые они объединили в один комплекс. Эта версия была подвергнута критике другим совет-

ским археологом А. Е. Матюхиным, исследовавшим объект в 1985 г. и отметившим, что археологические материалы здесь имели только поверхностное залегание [Матюхин, 1990]. Это подтверждается информацией одного из авторов раскопок с вьетнамской стороны Нгуе-на Кхак Шу. Возраст археологического объекта и интерпретация каменного материала как раннепалеолитического определялись вьетнамскими исследователями еще в 1978 г. [Tran et al., 1978], хотя в статье А. Е. Матюхина [1990] утверждается, что памятник Гора Нуонг открыт в 1984 г. и имеет голоценовый возраст. Да и приводимая интерпретация заготовок топоров как бифасов и нуклевидных изделий, отображенных на рисунках в статье Н. К. Ани-сюткина и В. И. Тимофеева [2006], вызывает сильное недоверие к выводам о принадлежности археологического материала местонахождения Нуонг к каменной индустрии нгуом.

Ха Ван Тан находил ближайшие аналогии археологическим комплексам слоев 4 и 5 грота Нгуом на территории Южного Китая, а точнее, в археологическом материале пещеры Байлянь [Ha, 1997]. Позднее, с открытием новых археологических позднеплейстоценовых объектов на территории китайских провинций Гуанси, Гуандун и Хайнань, появились дополнительные свидетельства о распространении культуры нгуом на этой обширной территории [Xie et al., 2020]. Наиболее близкие аналогии можно проследить в материалах пещеры Яхуай [Xie et al., 2017]: простое параллельное расщепление, изготовление орудий из отщепов, небольшой размер орудийного набора, включающего в себя скребки, перфорирующие орудия (проколки, острия) и небольшой процент галечных орудий. В археологическом комплексе пещеры Яхуай сырье для изготовления инструментов более разнообразно и включает в себя тектиты и хрусталь, а типологический ряд орудий, созданных из отщепов, гораздо шире, чем в культуре нгуом.

Заключение

Как и в позднем палеолите на юге Китая, в позднем палеолите Вьетнама сосуществовали галечные индустрии и индустрии на отщепах. Как и во Вьетнаме, в Южном Китае отщеповые комплексы спорадичны. Данным памятникам свойственно большое количество орудий, выполненных из мелких и средних отщепов, простое параллельное расщепление без предварительной подготовки и преобладание в орудийном наборе скребков.

Одной из причин сходства отщеповых индустрий позднего палеолита двух регионов могло быть единство природно-климатических условий в Южном Китае и Вьетнаме [Wang, 1997]. В период последнего ледникового максимума температура в этом обширном регионе резко упала. Реконструкции моделей плейстоценовой циркуляции осадков и температуры указывают на то, что в Юго-Восточной Азии климат значительно изменился в течение позднего плейстоцена и раннего голоцена [Anderson, 1990]. Седиментологическое исследование отложений скального навеса Нгуом показало, что слои 4 и 5, в которых были обнаружены многочисленные мелкие отщепы, образовались в холодном и сухом климате [Ha, 1985]. Согласно палеоклиматологическому исследованию, климат в районе пещеры Байлянь в то время был холодным и сухим [Jiang, 2009]. Во время последнего плейстоценового оледенения температура зимой на юге Китая была на 11–15 °С ниже современной [Yang et al., 1989]. Поскольку температура резко упала во время последнего гляциала, экологическая среда должна была измениться в Южном Китае и на материковой части Юго-Восточной Азии. Об этом свидетельствует открытие окаменелостей животных, датированных периодом между 30000 г. до н. э. и 10000 л. н. на морском дне канала Пэнху в Тайваньском проливе. Эти виды животных принадлежат к представителям фауны Северного Китая [Qi, He, 1999]. Существует версия, что отщеповые индустрии в Южном Китае в период позднего палеолита отражают расселение людей с севера на юг Китая [Wang, 2017]. На самом деле подобные стоянки обнаружены также в среднем и нижнем течении реки Чанцзян (бассейн реки Янцзы), протекающей на севере района горной системы Наньлин [Wang, 2016; Yuan, 1996; 2013; Yuan et al., 1994]. По всей видимости, пришлые человеческие популяции в Южном Китае и Вьет-

наме продолжали использовать свои технологии для изготовления небольших орудий из отщепов, адаптируясь к новой экологической среде. Однако технология изготовления каменных орудий, возможно, привнесенная населением из северных регионов, не заменила местную технологию. Это подтверждается широким распространением памятников галечно-орудийной индустрии в этом регионе в тот же период. По имеющимся археологическим данным, в Южном Китае и Вьетнаме памятники, в которых были выявлены небольшие комплексы отщеповых индустрий, немногочисленны. Напротив, каменные коллекции многих памятников этого периода, особенно стоянок под открытым небом, относятся к индустрии галечных орудий.

Таким образом, предполагается целесообразным рассматривать проявление культуры нгуом как результат смешения в позднем плейстоцене пришлого населения на территории Южного Китая и Северного Вьетнама с местной самобытной культурой. Однако в дальнейшем культура нгуом не получила развития, что может говорить об ассимиляции ее носителей и их адаптации к новым природно-климатическим и географическим условиям.

Список литературы

- Анисюткин Н. К., Тимофеев В. И.** Палеолитическая индустрия на отщепах на территории Вьетнама // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 3. С. 16–24.
- Борисковский П. И.** Археология во Вьетнаме в наши дни // СА. 1977. № 4. С. 183–191.
- Деревянко А. П., Васильев С. А., Маркин С. В.** Палеолитоведение: введение и основы. Новосибирск: Наука, 1994. 287 с.
- Матюхин А. Е.** О спорных вопросах датировки палеолитического (?) местонахождения Гора До во Вьетнаме // СА. 1990. № 2. С. 92–97.
- Нгуен К. Ш.** Культура Шонви и ее место в каменном веке Юго-Восточной Азии // СА. 1982. № 3. С. 5–12.
- Anderson D. D.** Lang Rongrien Rockshelter: a Pleistocene, Early Holocene Archaeological Site from Krabi, Southwestern Thailand. University Museum Monograph, vol. 71. Philadelphia: The University Museum, 1990. 104 p.
- Ha V. T.** The Late Pleistocene climate in Southeast Asia: new data from Vietnam // Modern Quaternary Research in Southeast Asia. 1985. Vol. 9. P. 81–86.
- Ha V. T.** The Hoabinhian and before // Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association. 1997. Vol. 16. P. 35–41.
- Hoang X. C., Nguyen K. S.** Vietnam stone age. In: Vietnam Archaeology. Hanoi: Social Science publishing house, 1998. P. 70–85.
- Jiang Y. J.** Liuzhou Bailiandong Cave Site. Beijing: Science Press, 2009. 93 p.
- Nguyen K. S.** Stone age archaeology in Vietnam // Vietnam Archaeology. 2007. Vol. 2. P. 53–64.
- Nguyen K. S.** Paleolithic archaeology in Vietnam, Laos and Cambodia // Vietnam Archaeology. 2008. Vol. 3. P. 7–18.
- Qi G. Q., He C. K.** Quaternary fauna from Penghu channel, Taiwan and paleogeographical environment // Quaternary Science. 1999. Vol. 2. P. 185–196.
- Quang V. C.** Archaeological discoveries and study in than Sa valley and problem of the Nguom industry // Vietnam Archaeology. 1995. Vol. 1. P. 3–17.
- Trinh N. Z.** Prehistory and Protohistory of Tuyen Quang Province. Hanoi: The Publishing House of Social Sciences, 2009. 243 p.
- Wang Y. P.** Paleoenvironment and cultural development in South China. Beijing. Peking University Impress, 1997. 376 p.
- Wang Y. P.** Behavioral modernity and variability of the late Pleistocene humans in south China: a case study of Diaotonghuan in Wannian, Jiangxi province // Acta Archaeologica Sinica. 2016. Vol. 35 (3). P. 397–406.

- Wang Y. P.** Late Pleistocene human migrations in China // *Current Anthropology*. 2017. Vol. 58. P. 504–513.
- Xie G., Lin Q., Wu Y., Hu Z.** The late Paleolithic industries of southern China (Lingnan Region) // *Quaternary International*. 2020. Vol. 535. P. 21–28.
- Xie G., Yu M., Lu Y.** Yahuaidong cave site in Long'an County, Guangxi // *Major Archaeological Discoveries in China in 2017*. Beijing: Cultural Relics Press, 2017. P. 2–7.
- Yang D. Y., Feng W. K., Chen J. R.** The Paleoenvironment of the coastal region, south China during the Last Glacial Maximum of late Pleistocene // *Geographical Research*. 1989. Vol. 8 (4). P. 72–77.
- Yuan J. R.** Regional variation of the Hunan Palaeolithic cultures and its significance // *Proceedings of Prehistoric Cultures of the Middle Reaches of the Yangtze River and 2th Symposium on the Asian Civilizations*. Changsha: Yuelushushe Press, 1996. P. 20–47.
- Yuan J. R.** The Palaeolithic Culture and the Yuchanyan Site in Hunan. Changsha: Yuelushushe Press, 2013. 154 p.
- Yuan J. R., Long X. B., Hu J. G.** Test excavation of Yan'er cave site in Shimen // *Hunan Archaeology*. 1994. Vol. 6. P. 1–7.
- Tran Q. V., Ha V. T., Diep D. H.** Косо кхаокохок [Cơ Sở Khảo Cổ Học] Основы археологии. НХБ Зайхок Вачунгхок Чуен Нхип [NXB Đại Học Và Trung Học Chuyên Nghiệp] Издательство профессионального колледжа и средней школы, 1978. 368 с. (на вьет. яз.)

References

- Anderson D. D.** Lang Rongrien Rockshelter: a Pleistocene, Early Holocene Archaeological Site from Krabi, Southwestern Thailand. University Museum Monograph, vol. 71. Philadelphia, The University Museum, 1990, 104 p.
- Anisutkin N. K., Timofeev V. I.** Paleoliticheskaya industriya na otshchepakhs na territorii V'etnama [Paleolithic industry on flakes in Vietnam]. *Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2006, no. 3, pp. 16–24. (in Russ.)
- Boriskovsky P. I.** Arkheologiya vo V'etname v nashi dni [Archeology in Vietnam today]. *Soviet Archeology*, 1977, no. 4, pp. 183–191. (in Russ.)
- Derevyanko A. P., Vasiliev S. A., Markin S. V.** Paleolitovedenie: vvedenie i osnovy [Paleolithic Studies: Introduction and Fundamentals]. Novosibirsk, Nauka, 1994, 287 p. (in Russ.)
- Ha V. T.** The Late Pleistocene climate in Southeast Asia: new data from Vietnam. *Modern Quaternary Research in Southeast Asia*, 1985, vol. 9, pp. 81–86.
- Ha V. T.** The Hoabinhian and before. *Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association*, 1997, vol. 16, pp. 35–41.
- Hoang X. C., Nguyen K. S.** Vietnam stone age. In: *Vietnam Archaeology*. Hanoi, Social Science Publishing House, 1998, pp. 70–85.
- Jiang Y. J.** Liuzhou Bailiandong Cave Site. Beijing, Science Press, 2009, 93 p.
- Matyukhin A. E.** O spornykh voprosakh datirovki paleoliticheskogo (?) mestonakhozhdeniya Gora Do vo V'etname [On the controversial issues of dating the Paleolithic (?) location of Gora Do in Vietnam]. *Soviet Archeology*, 1990, no. 2, pp. 92–97. (in Russ.)
- Nguyen K. S.** Kul'tura Shonvi i ee mesto v kamennom veke Yugo-Vostochnoi Azii [Son Vi culture and its place in the Stone Age of Southeast Asia]. *Soviet Archeology*, 1982, no. 3, pp. 5–12. (in Russ.)
- Nguyen K. S.** Stone age archaeology in Vietnam. *Vietnam Archaeology*, 2007, vol. 2, pp. 53–64.
- Nguyen K. S.** Paleolithic archaeology in Vietnam, Laos and Cambodia. *Vietnam Archaeology*, 2008, vol. 3, pp. 7–18.
- Qi G. Q., He C. K.** Quaternary fauna from Penghu channel, Taiwan and paleogeographical environment. *Quaternary Science*, 1999, vol. 2, pp. 185–196.

- Quang V. C.** Archaeological discoveries and study in than Sa valley and problem of the Nguom industry. *Vietnam Archaeology*, 1995, vol. 1, pp. 3–17.
- Tran Q. V., Ha V. T., Diep D. H.** Koso kkhao kokhok [Cơ Sở Khảo Cổ Học] Fundamentals of archaeology. NXB Zaikhok Vachungkhok Chuen Nkhiep [NXB Đại Học Và Trung Học Chuyên Nghiệp] Vocational College and High School Press, 1978. 368 p. (in Viet.).
- Trinh N. Z.** Prehistory and Protohistory of Tuyen Quang Province. Hanoi: The Publishing House of Social Sciences, 2009, 243 p.
- Wang Y. P.** Paleoenvironment and cultural development in South China. Beijing, Peking Uni. Impress, 1997, 376 p.
- Wang Y. P.** Behavioral modernity and variability of the late Pleistocene humans in south China: a case study of Diaotonghuan in Wannian, Jiangxi province. *Acta Archaeologica Sinica*, 2016, vol. 35 (3), pp. 397–406.
- Wang Y. P.** Late Pleistocene human migrations in China. *Current Anthropology*, 2017, vol. 58, pp. 504–513.
- Xie G., Lin Q., Wu Y., Hu Z.** The late Paleolithic industries of southern China (Lingnan Region). *Quaternary International*, 2020, vol. 535, pp. 21–28.
- Xie G., Yu M., Lu Y.** Yahuaaidong cave site in Long'an County, Guangxi. In: Major Archaeological Discoveries in China in 2017. Beijing, Cultural Relics Press, 2017, pp. 2–7.
- Yang D. Y., Feng W. K., Chen J. R.** The Paleoenvironment of the coastal region, south China during the Last Glacial Maximum of late Pleistocene. *Geographical Research*, 1989, vol. 8 (4), pp. 72–77.
- Yuan J. R.** Regional variation of the Hunan Palaeolithic cultures and its significance. In: Proceedings of Prehistoric Cultures of the Middle Reaches of the Yangtze River and 2th Symposium on the Asian Civilizations. Changsha, Yuelushushe Press, 1996, pp. 20–47.
- Yuan J. R.** The Palaeolithic Culture and the Yuchanyan Site in Hunan. Changsha, Yuelushushe Press, 2013, 154 p.
- Yuan J. R., Long X. B., Hu J. G.** Test excavation of Yan'er cave site in Shimen. *Hunan Archaeology*, 1994, vol. 6, pp. 1–7.

Информация об авторах

Кандыба Александр Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Нгуен Кхак Шу, доктор наук (PhD), научный сотрудник

Чеха Андрей Михайлович, младший научный сотрудник

Нгуен За Дой, доктор наук (PhD), научный сотрудник института

Information about the Authors

Alexander V. Kandyba, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher

Nguyen Khac Su, PhD, Researcher

Andrey M. Chekha, Junior Researcher

Nguyen Gia Doi, PhD, Researcher

Вклад авторов:

А. В. Кандыба – разработка концепции исследования, анализ материала, формулирование выводов, подготовка первой версии статьи.

Нгуен Кхак Шу – отбор и анализ материала, обобщение результатов, подготовка иллюстраций, доработка текста.

А. М. Чеха – подготовка иллюстраций.

Нгуен За Дой – отбор и анализ материала, обобщение результатов.

Contribution of the Authors:

Alexander V. Kandyba – development of the research concept, analysis of the material, formulation of conclusions, preparation of the article first version.

Nguyen Khac Su – selection and analysis of material, generalization of results, preparation of illustrations, revision of the text.

Andrey M. Chekha – preparation of illustrations.

Nguyen Gia Doi – selection and analysis of material, generalization of results.

Статья поступила в редакцию 26.07.2023;

одобрена после рецензирования 09.11.2023; принята к публикации 01.12.2023

The article was submitted on 26.07.2023;

approved after reviewing on 09.11.2023; accepted for publication on 01.12.2023

Научная статья

УДК 903.02

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-74-85

Селище белоярской культуры Барсова Гора I/23: особенности технологии и морфологии керамики

Дмитрий Вадимович Селин¹

Юрий Петрович Чемякин²

¹ Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

² Уральский государственный университет
Екатеринбург, Россия

¹ selin@epage.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6939-2917>

² yury-che@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1386-2510>

Аннотация

Выполнен технико-технологический анализ керамики белоярской культуры с селища Барсова Гора I/23, включая фрагмент стенки с нанесенной на нее личиной. Установлено, что для создания сосудов использовались ожелезненные низкозапесоченные глины. Изделие с личиной изготовлено из другого сырья, отобранного у реки или в пойме. Для керамики определен один рецепт – глина + шамот + органический раствор. Изделие с личиной изготовлено по другому рецепту – глина + дресва. Изображение личины на внешней поверхности сосуда выполнено при помощи орудия с приостренным краем. Определено, что личина нанесена по влажной глине, после чего сосуд был обожжен. Это подтверждает одновременность создания сосуда и его украшения изображением. Данные по стратиграфии и планиграфии позволяют синхронизировать комплекс белоярской керамики и найденный вместе с ним фрагмент сосуда с личиной, так как вся эта керамика была обнаружена внутри одного жилища. Сосуд с личиной выделяется среди другой посуды из селища Барсова Гора I/23 своим обликом и технологией. Это свидетельствует о том, что сосуд был изготовлен по нехарактерной для этого селища гончарной традиции и, возможно, попал туда в ходе взаимодействия с другой группой белоярского населения. Важен тот факт, что изображение личины одновременно сосуду и было нанесено на него еще до обжига изделия.

Ключевые слова

Сургутское Приобье, Барсова гора, ранний железный век, белоярская культура, керамика, технико-технологический анализ, граффити

Благодарности

Исследование выполнено за счет Российского научного фонда, грант № 23-18-00424

Для цитирования

Селин Д. В., Чемякин Ю. П. Селище белоярской культуры Барсова Гора I/23: особенности технологии и морфологии керамики // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 3: Археология и этнография. С. 74–85. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-74-85

© Селин Д. В., Чемякин Ю. П., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 3: Археология и этнография. С. 74–85

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 74–85

Barsova Gora I/23 Settlement of the Beloyarskaya Culture: Technology and Morphology of Ceramics

Dmitrii V. Selin¹, Yury P. Chemyakin²

¹ Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

² Ural State University
Ekaterinburg, Russian Federation

¹ selin@epage.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6939-2917>

² yury-che@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1386-2510>

Abstract

Purpose. At the beginning of the second quarter of the 1st millennium B.C. in the Surgut Ob region, the beloyarskaya culture was formed based on the preceding cultures of the Late Bronze Age – the barsovskaya and atlymskaya cultures, and as a result of their interaction. The technical and technological analysis of Beloyarskaya culture ceramics from the Barsova Gora I/23 settlement, including a fragment of a wall with an anthropomorphic image on it, was carried out.

Results. The vessels were created using tin clay of low-sanded clay. The product with an anthropomorphic image is made of another clay selected from the river or floodplain. One recipe is defined for pottery of the beloyarskaya culture – Clay + Chamot + Organic solution. The product with an anthropomorphic image is made according to a different recipe – Clay + Broken stone. The anthropomorphic image on the vessel outer surface was made using a tool with a sharpened edge. It is determined that the anthropomorphic image was made on wet clay, after which the vessel was fired. This confirms the simultaneous creation of the vessel and its decoration with an anthropomorphic image. The stratigraphic and planning data allows us to synchronize the complex of ceramics of the beloyarskaya culture and the vessel with an anthropomorphic image on it, as all the analyzed ceramics was found inside one dwelling 1.

Conclusion. The vessel with an anthropomorphic image differs from other ceramics from the Barsova Gora I/23 settlement in its appearance and technology. This indicates that this vessel was made according to the pottery tradition uncharacteristic for the settlement of Barsova Gora I/23. Perhaps this vessel got there in the course of interaction with another population group of the beloyarskaya culture.

Keywords

Surgut Ob region, Barsova Gora, Early Iron Age, beloyarskaya culture, ceramics, technical and technological analysis

Acknowledgements

The study was supported of the Russian Science Foundation, project no. 23-18-00424

For citation

Selin D. V., Chemyakin Yu. P. Barsova Gora I/23 Settlement of the Beloyarskaya Culture: Technology and Morphology of Ceramics. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 74–85. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-74-85

Введение

В начале второй четверти I тыс. до н. э. в Сургутском Приобье на основе предшествующих культур позднего бронзового века – барсовской и атлымской, в результате их взаимодействия складывается белоярская культура. Она выделена в первую очередь по материалам урочища Барсова Гора, напротив восточной окраины которого находится поселок Белый Яр. На Барсовой Горе к настоящему времени известен 51 белоярский памятник, среди них 16 городищ и один могильник. Раскопаны в разной степени остатки более 140 построек. Всего же в Сургутском Приобье выявлено более 100 объектов культурного наследия белоярской культуры, почти на 70 из них проводились раскопки. В результате была предложена концепция возникновения этой культуры, намечены три стадии в ее развитии [Чемякин, 2008]. Ко второй стадии относится и селище Барсова Гора I/23 (VI – начало V в. до н. э.), среди материалов которого был найден фрагмент сосуда с гравировкой.

Памятник находится в восточной части урочища Барсова Гора, в 55 м к северо-западу от края коренного берега р. Оби, являющегося в настоящее время берегом протоки Утоплой

(рис. 1). С западной и южной сторон к объектам селища примыкали грунтовые дороги, возникшие во время тушения пожара, а также в результате проезда тяжелых машин. Образовавшаяся таким образом колея повредила один из объектов поселения (жилище 1). Селище состояло из четырех объектов в виде приподнятых площадок, окруженных внешними ямами. Оно занимает площадь около 1 800 кв. м и расположено на холме, возвышающемся примерно на 11 м от уровня воды в протоке Утоплой.

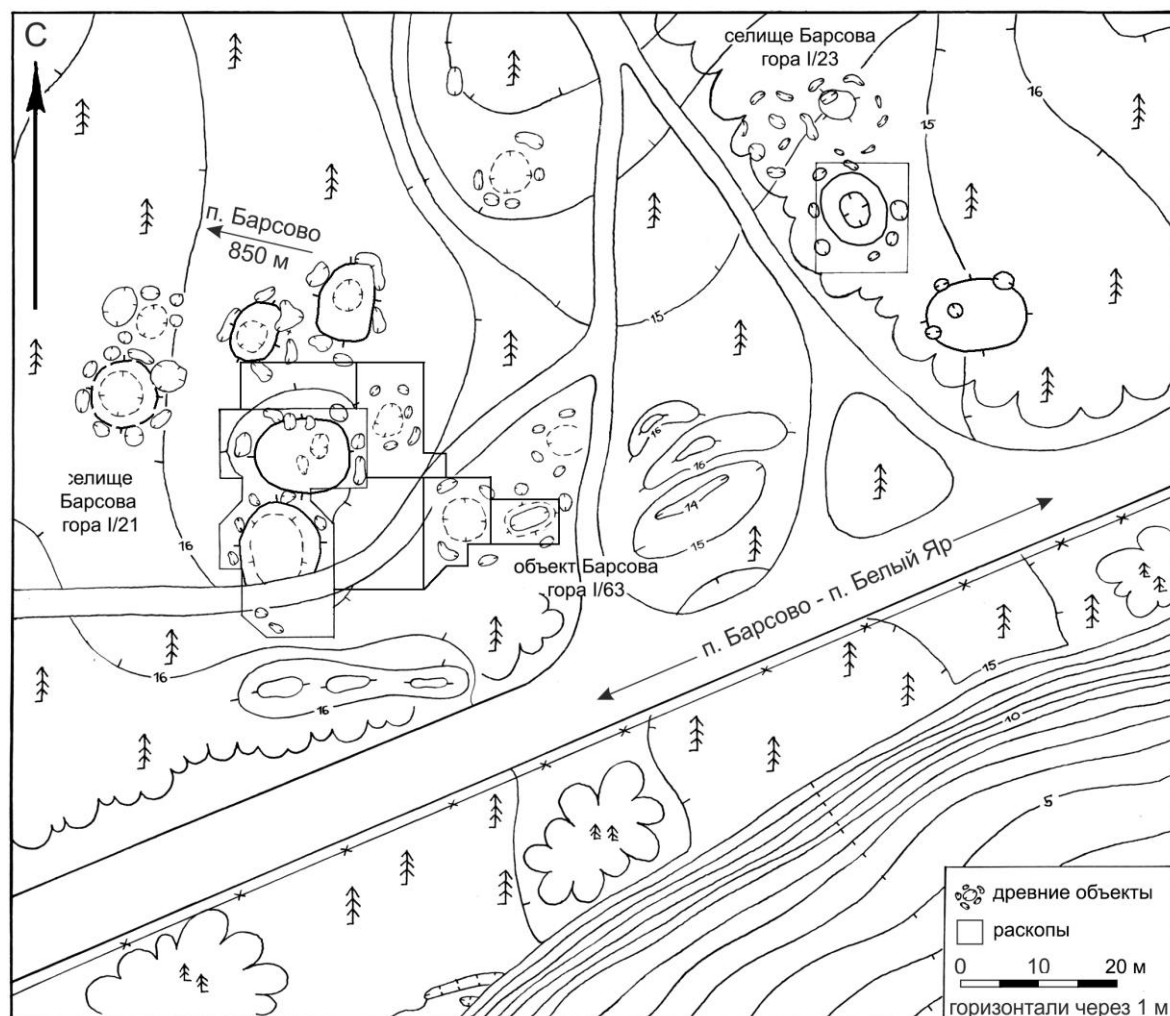

Рис. 1. План селища Барсова Гора I/23
Fig. 1. Plan of the Barsova Gora I/23 settlement

По-видимому, впервые план селища был снят В. Ф. Кернер в 1974 г. и обозначен ею как городище Барсов городок I/39¹. В 1985 г. площадки, образующие памятник, были вновь сняты Н. Н. Новиченковым в числе объектов селища, названного им Барсова Гора I/41². Они составили его западную часть. К этому времени на Барсовой Горе было проведено несколько разведок, авторы которых давали названия зафиксированным ими памятникам, не учитывая

¹ Кернер В. Ф. Отчет о разведке археологических памятников в районе Барсовой горы в 1974 г. // АКА УрГУ. Ф. II. Д. 258.

² Новиченков Н. Н. Отчет об археологической разведке в зоне строительства трубной базы в урочище Барсова Гора в Сургутском районе Тюменской области в 1985 г. // АКА УрГУ. Ф. II. Д. 419.

результаты предыдущих исследований. В этой связи была проведена работа по унификации селищ Барсовой Горы, корректировке их нумерации. Именно этой, откорректированной нумерацией пользовался В. А. Борзунов при новой съемке памятников в зоне Сургутской трубной базы. Снятое им селище фигурирует в его отчете как Барсова Гора I/23³.

В связи с тем, что памятник попадал в зону предполагаемого строительства, на нем в 1991 г. А. А. Михалевым под руководством Ю. П. Чемякина был заложен раскоп площадью 180 кв. м, включивший одну площадку (рис. 2).

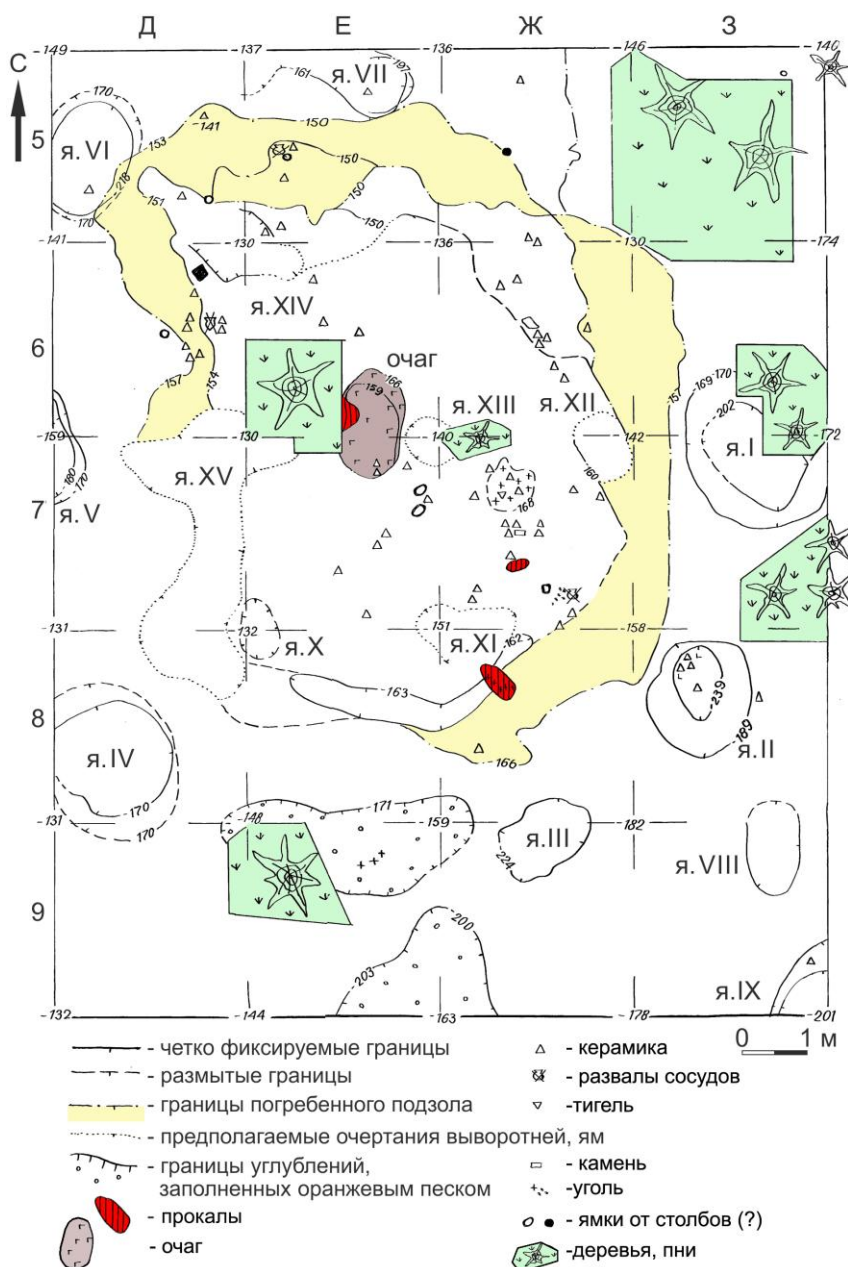

Рис. 2. Селище Барсова Гора I/23. План раскопа
Fig. 2. The Barsova Gora I/23 settlement. Plan of the excavation area

³ Борзунов В. А. Отчет об исследовании археологических памятников в зоне строительства Сургутской трубной базы (Сургутский р-н Тюменской обл.) в 1988 г. // АКА УрГУ. Ф. II. Д. 462.

Рис. 3. Селище Барсова Гора I/23. Керамика:

1, 4-10 – посуда белоярской культуры; 2 – фрагмент с изображением личины;
3 – фрагменты поддона

Fig. 3. Settlement Barsova Gora I/23. Ceramics:

1, 4-10 – vessels of beloyarskaya culture; 2 – fragment with the anthropomorphic image;
3 – vessel tray fragments

Коллекция керамики содержит фрагменты не менее 11–13 сосудов, включая фрагмент стенки с нанесенной на нее личиной (рис. 3). Изделие с личиной ярко отличается по технологии изготовления от другой посуды с селища, поэтому далее мы будем рассматривать ее отдельно от основного комплекса. Ранее нами была проанализирована коллекция белоярской керамики с селища Барсова Гора III/66, где был обнаружен фрагмент привозного сосуда с искусственной добавкой металлургического шлака. Он позволил зафиксировать факт наличия контактов белоярского населения Барсовой Горы с инокультурными группами, от которых мог импортироваться металл для производства различных изделий [Селин, Чемякин, 2023]. Продолжение поисков импортной посуды на других памятниках представляется крайне актуальным, так как это позволит реконструировать связи белоярского населения Барсовой Горы с носителями культур, обитавших на других территориях в VIII – рубеже IV–III вв. до н. э.

Цель статьи – реконструкция содержания ступеней производства посуды у носителей белоярской культуры селища Барсова Гора I/23.

Описание выявленных объектов

Остатки жилища 1 внешне представляли собой овальную площадку, окруженную валообразной насыпью и шестью внешними ямами (см. рис. 2). Размер площадки с насыпью $10,0 \times 9,0$ м, высота насыпи 0,1–0,2 м, ширина 1,0–2,0 м. Местность, на которой было возведено жилище, слегка понижалась к югу. Очертания постройки зафиксированы в 12–25 см от поверхности. По ее периметру сохранился погребенный подзол. В северной части на подзоле образовалась довольно мощная черная, с углистыми включениями, прослойка. По краям жилища с западной, южной, восточной сторон, а также в его центре культурный слой сильно поврежден выворотнями от упавших деревьев, зачастую не имевшими четких очертаний. В центральной части сооружения пол практически совпадал с основанием верхнего подзола. Здесь же обнаружен очаг, остатки которого представляли собой линзу бурой супеси с включениями угольков, пережженных косточек и мелких фрагментов керамики. Мощность слоя достигала 0,15 м, размер линзы $1,65 \times 1,0$ м. В центре под ней наблюдался темно-красный провал толщиной 3–7 см. Севернее очага, между ним и полосой погребенного подзола, культурный слой представлял собой красновато-коричневый песок.

В 0,2 м к северу от очага, почти примыкая к нему, были расчищены угли – возможно, остатки одного из столбов. В 1,5 м к В от очага находилось округлое пятно темно-серого, почти черного песка, насыщенное мелкими угольками и фрагментами керамики (уч. Ж/7). Размер его $0,7 \times 0,75$ м. Здесь же найден обломок тигля. Южнее пятна расчищен провал $0,3 \times 0,2$ м и толщиной 0,02–0,04 м (уч. Ж/7), а в 0,6 м к ЮВ от последнего, рядом с предполагаемой стеной сооружения, – скопление углей (возможно, сгоревшие остатки конструкции стены). Пространство между очагом и южной стеной жилища было насыщено керамикой, включая развал сосуда.

На месте южной стены зафиксирована канавка длиной 4,4 м и шириной от 0,2 до 0,5 м, шедшая сначала в направлении СВ–ЮЗ, а затем, примерно через 1,9 м, изогнувшаяся к ЗСЗ (уч. Е–Ж/8). Глубина ее 0,1–0,11 м. Она была заполнена темно-серым песком, местами с прослойками подзола. Канавка могла быть связана с конструкцией стены. В этом месте практически не найдено керамики или иных вещей.

В северо-западном углу постройки наблюдался выступ – возможно, следы выхода (уч. Д/5). По обе стороны от него зафиксированы пятна, связанные, возможно, с ямками от столбов. Ряд пятен, напоминавших ямки от столбов, были отмечены на разных глубинах на уч. Д/6, Е/5, Е/7, Ж/6, Ж/7, однако в разрезах они не наблюдались.

Судя по выявленным очертаниям, жилище было наземным, имело подпрямоугольную форму, размер 10×6 –6,5 м. Продольной осью оно было ориентировано по линии ССВ–ЮЮЗ. Выступ в северо-западном углу, возможно, служил выходом, однако расположенная

напротив него внешняя яма делает это предположение зыбким. Не исключено, что дверь была навесной или приставной. Находки, в основном керамика, были сосредоточены преимущественно вдоль восточной и северной части западной стен, в юго-восточном и северо-западных углах.

Внутри жилища отмечено несколько ям, но, на наш взгляд, они не связаны с самой постройкой и возникли позже (ямы XI, XIII–XV – вероятно, выворотни) или раньше ее (X, XII). Ряд ям и углублений, выявленных за пределами жилища, очевидно, образовались в результате выборки песка для присыпки основания его стен (ямы I–VII). Некоторые из них, видимо, использовались и для хозяйственных целей, например яма II. В ее придонной части найдено несколько фрагментов керамики, среди которых был и черепок с граффити. Размеры внешних ям от $1,5 \times 1,0$ до $2,65 \times 2,0$ м, глубина от 0,4 до 0,8–1,05 м. Стенки их крутые или наклонные, дно часто уплощенное, у ямы II – с уступом.

Почти весь материал происходит из жилища 1. Он представлен обломком тигля, каменным отбойником-наковаленкой, а также фрагментами 11–13 сосудов (см. рис. 3). Сосуды котловидные, со слегка отогнутым наружу венчиком, кругло- или остродонные. В коллекции есть два поддона. Украшалась верхняя треть сосудов. Зона под венчиком декорировалась пояском наклонных или вертикальных оттисков вытянутых птичко- или змейковидных, а также гребенчатого штампов. Прямо поверх него проходит пояска из ромбических, прямоугольных или круглых ямок, отделяющий эту зону от зоны на плечиках. Такой же пояска часто оконтуривал орнамент снизу. Композиция на плечиках состояла из широких зон, образованных оттисками тех же штампов, что и под венчиком, расположенными вертикально в несколько рядов, горизонтальными поясками или широкими поясами зигзагов. Этими же штампами орнаментировались венчики. Подобные сосуды, украшенные аналогичными узорами, характерны для второй стадии белоярской культуры [Чемякин, 2008, с. 70, 73, рис. 54]. Настоящая коллекция интересна тем, что в ней есть поддон, наиболее ранний из известных нам (рис. 3, 3). Технологически он не выбивается из основного керамического комплекса и может быть связан с крупным белоярским сосудом (рис. 3, 8). Необычен фрагмент шейки, украшенный наклонными рядами оттисков гладкого штампа, разделительный пояска на которой состоит из чередования ямок и жемчужин (рис. 3, 4). Он отличается также примесью песка в глине. Такие сосуды характерны для более позднего времени (калинкинской и кулайской культур). Возможно, ему же принадлежит обломок второго поддона, с крупным песком в качестве примеси к формовочной массе.

Кроме того, в коллекции присутствует обломок стенки с процарапанным рисунком в виде личины (рис. 3, 2; 4). Это второй известный нам случай нанесения граффити на белоярскую керамику (первый сосуд обнаружен на городище Барсов Городок I/14 [Чемякин, 2008, рис. 55, 6]). Отметим, что к настоящему моменту эта личина является самым ранним из известных нам графических изображений подобного типа в западносибирской тайге.

Наличие среди находок обломка тигля (рис. 3, 6) подтверждает высказанную ранее мысль о том, что цветная металлообработка была широко распространена в белоярской среде, существуя на уровне домашнего производства.

Результаты исследования керамики

Для всей посуды выполнен технико-технологический анализ по методике, предложенной А. А. Бобринским в соответствии с естественной структурой гончарного производства [Бобринский, 1978; 1999]. Определения выполнены при помощи бинокулярной микроскопии (Leica M51), обследовались поверхности и изломы керамики. Выделение технологической информации осуществлено с опорой на специализированную научную литературу и «Каталог эталонов по керамической трасологии» (авторы И. Н. Васильева и Н. П. Салугина) (см.: [Бобринский, 1978; 1999, Цетлин, 2012; 2017; Васильева, Салугина, 2020] и др.).

Отбор исходного пластичного сырья. Для изготовления трех белоярских сосудов использовались ожелезненные низкозаспесоченные (до 3 вкл. песка на 1 кв. см) глины с включениями окатанного бурого железняка (размер фракций 0,1–0,9 мм; рис. 5, 1, 3, 4). Изделие с личиной также изготовлено из ожелезненной низкозаспесоченной глины, однако как естественная примесь нами выявлен единичный обломок раковины речного моллюска размером 2,7 мм (рис. 5, 2), что указывает на отбор сырья у реки или в пойме.

Составление формовочных масс. Для белоярской керамики определен один рецепт – глина + шамот + органический раствор (рис. 5, 1, 3, 4). Шамот не калибровался (размер фракций 0,1–5 мм) и вводился в концентрации 1 : 3–5. Органический раствор зафиксирован в виде аморфных пустот размером 0,1–2 мм, покрытых изнутри черным глянцем. Изделие с личиной изготовлено по другому рецепту – глина + дресва (рис. 5, 2). Дресва не калибровалась (размер фракций 0,1–4 мм) и введена в пропорции 1 : 3. Органика не обнаружена.

Конструирование полого тела. Из-за фрагментированности однозначно установить способ конструирования удалось для одного сосуда. Он изготовлен лоскутным налепом. На внутренней поверхности двух белоярских сосудов зафиксированы отпечатки рубчатой формы-основы.

Обработка поверхностей сосудов. Поверхности обрабатывались при помощи механического заглаживания и лощения зубчатым или гладким орудиями.

Обжиг. Изломы белоярской посуды имеют светло-коричневые внешние и внутренние края толщиной до 1 мм и темно-серый центр толщиной 4–9 мм. Излом сосуда с личиной одноцветный коричневый. Обжиг мог проходить в восстановительной или окислительно-восстановительной среде.

Нанесение личины. Изображение личины на внешней поверхности сосуда выполнено при помощи орудия с приостренным краем. Особо важен тот факт, что личина нанесена по влажной глине, после чего сосуд был обожжен, что подтверждает одновременность создания сосуда и его декорирования изображением. Личина представляет собой остроконечный овал размером 16 × 9 мм (см. рис. 4). Вверху она заканчивается миниатюрным ромбообразным выступом, от которого вниз процарапан прямой нос длиной 7 мм. По обе стороны от носа короткими вертикальными штрихами намечены глаза. Рот обозначен неправильным углублением, от которого вверх отходит косой штрих (вероятно, получившийся случайно).

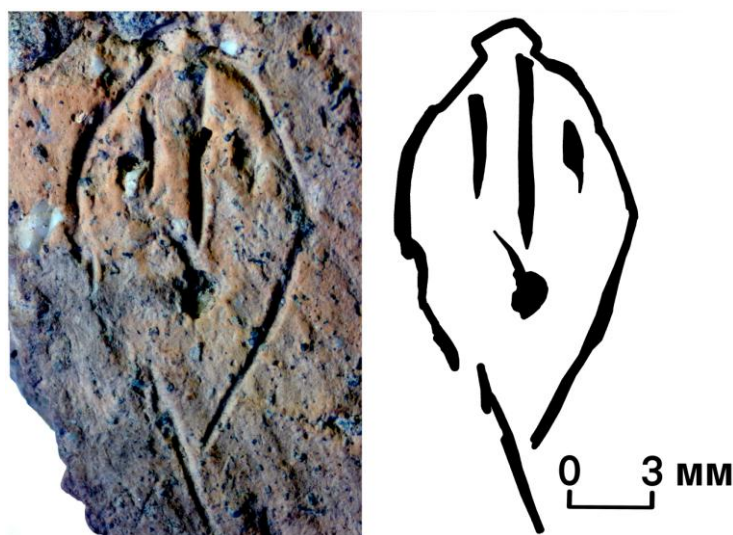

Рис. 4. Селище Барсова Гора I/23. Микрофотография изображения личины на стенке сосуда и его прорисовка

Fig. 4. Settlement Barsova Gora I/23. Microphotography of anthropomorphic image on the vessel and its drawing

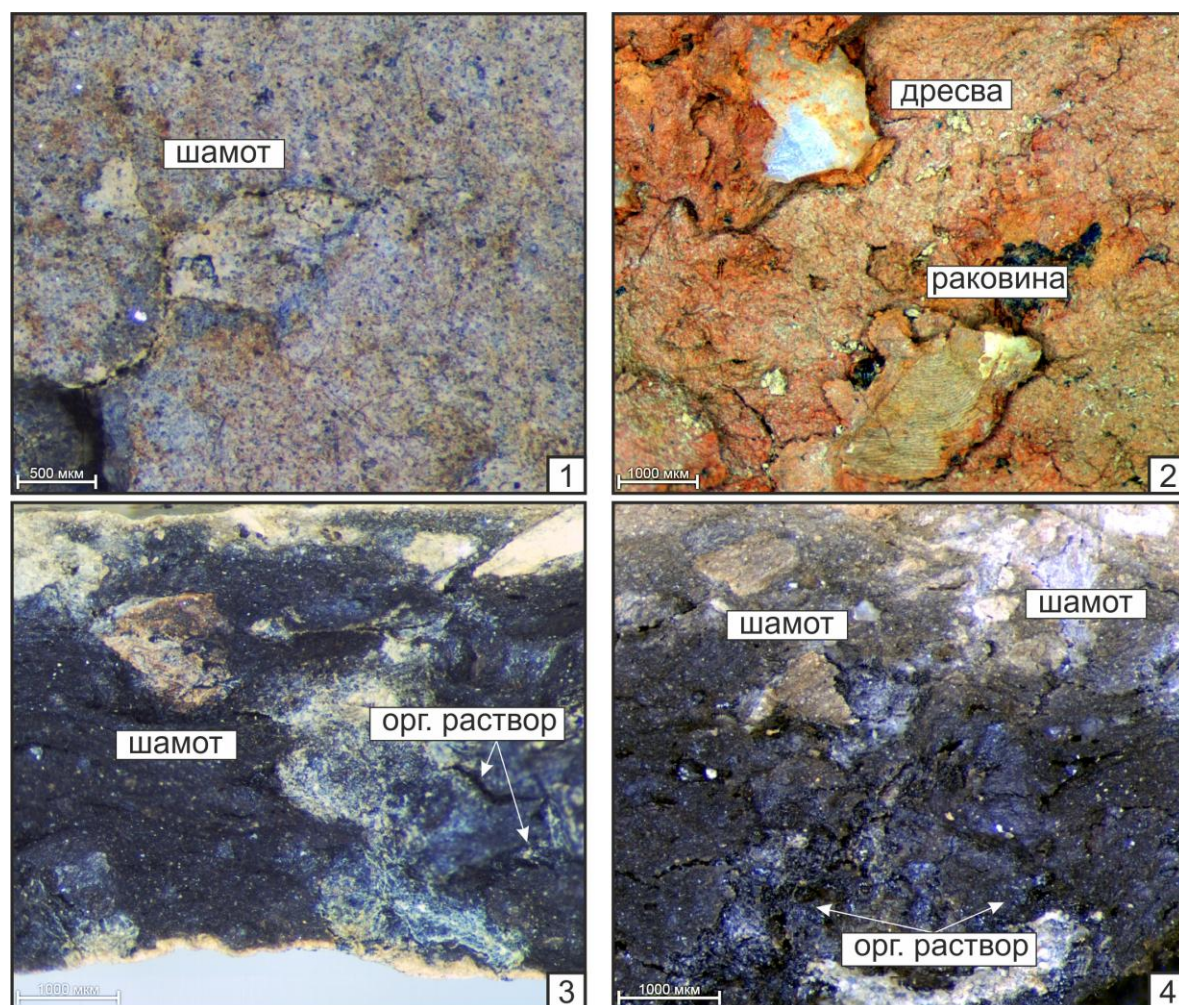

Рис. 5. Микрофотографии изломов сосудов с селища Барсова Гора I/23 с примесями:

1 – шамот; 2 – сосуд с личиной, дресва и естественное включение раковины;
3, 4 – шамот и органический раствор

Fig. 5. Microphotographs of fractures of vessels from the settlement Barsova Gora I/23 with impurities:

1 – chamotte; 2 – vessel with anthropomorphic image, broken stone and shell inclusion;
3, 4 – chamotte and organic solution

Внизу овал чуть не сомкнут, и с левой (для зрителя) стороны линия, оконтуривающая его, спускается ниже личины на 3 мм. Не исключено, что личина была изображена на сосуде перевернутой, головой вниз. Об этом косвенно свидетельствуют штрихи от заглаживания поверхности. Близкая (но не идентичная) иконография встречена на гравировках кулайского времени на бляхах ряда памятников Сургутского Приобья, в том числе на Барсовой Горе. Личины на них различаются оформлением головы, характером нанесения глаз, рта. При этом следует отметить, что и на бляхах встречаются личины в виде остроконечного овала с глазами и носом, выполненными вертикальными линиями [Чемякин, 2008, рис. 80, 1, 3, 5, 14a, 16 и др.].

Заключение

Три сосуда, изготовленных по рецепту «глина + шамот + органический раствор», находят прямые аналогии среди посуды белоярской культуры. Сходство проявляется в орнаментации и в навыках отбора исходного сырья, составлении формовочной массы, использовании фор-

мы-основы для конструирования полого тела, обработки поверхностей и обжиге [Селин, Чемякин, 2023]. Возможно, эти изделия сделаны одним гончаром.

Сосуд с личиной отличается от других как своим обликом, так и технологией. Нами зафиксирована разница в используемом исходном сырье и навыках составления формовочной массы. Это говорит о том, что он был изготовлен по нехарактерной для селища Барсова Гора I/23 гончарной традиции и, возможно, попал туда в результате взаимодействия с другой группой белоярского населения. Нельзя исключать также его специфическую функцию, требовавшую иной технологии. Изображение личины одновременно сосуду и было нанесено еще до обжига изделия. Данные по стратиграфии и планиграфии селища Барсова Гора I/23 позволяют синхронизировать комплекс керамики и обнаруженный вместе с ним фрагмент сосуда с личиной, так как вся коллекция была собрана внутри одного жилища и в придонной части окружавших его внешних ям. Пока непонятно происхождение сосуда, украшенного гладким штампом. Он найден в той же яме II, что и фрагмент с граффити. Возможно, он отражает начало контактов с мигрантами из более южных регионов.

С ранее проанализированной нами керамикой барсовской и атлымской культур посуду из селища Барсова Гора I/23 сближает доминирование рецептов с искусственной примесью шамота и органического раствора. Выделяется сосуд с нанесенным графическим изображением, так как искусственная добавка дресвы не выявлена в керамике барсовской культуры и практически не встречена в посуде атлымской культуры на Барсовой Горе. Кроме того, в атлымской керамике установлена искусственная примесь песка, что также отличает посуду этой культуры от керамики с Барсовой Горы I/23.

Судя по материалу, селище Барсова Гора I/23 относится ко второй стадии белоярской культуры и может предварительно датироваться VI в. (VI – началом V в.) до н. э.

Список литературы

- Бобринский А. А.** Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А. А.** Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
- Васильева И. Н., Салугина Н. П.** Электронный каталог эталонов по керамической трасологии. Самара, 2020. URL: <http://archsamara.ru/katalog> (дата обращения 01.02.2022).
- Селин Д. В., Чемякин Ю. П.** Особенности межкультурного взаимодействия в раннем железном веке в Сургутском Приобье (по материалам керамики селища Барсова Гора III/66) // Поволжская Археология. 2023. № 1 (43). С. 100–112.
- Цетлин Ю. Б.** Древняя керамика: Теория и методы историко-культурного подхода. М.: Изд-во ИА РАН, 2012. 379 с.
- Цетлин Ю. Б.** Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: Изд-во ИА РАН, 2017. 346 с.
- Чемякин Ю. П.** Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. 224 с.

Список источников

- Борзунов В. А.** Отчет об исследовании археологических памятников в зоне строительства Сургутской трубной базы (Сургутский р-н Тюменской обл.) в 1988 г. // АКА УрГУ. Ф. II. Д. 462.
- Кернер В. Ф.** Отчет о разведке археологических памятников в районе Барсовой горы в 1974 г. // АКА УрГУ. Ф. II. Д. 258.
- Новиченков Н. Н.** Отчет об археологической разведке в зоне строительства трубной базы в урочище Барсова Гора в Сургутском районе Тюменской области в 1985 г. // АКА УрГУ. Ф. II. Д. 419.

References

- Bobrinsky A. A.** Goncharnaya tekhnologiya kak ob'ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya [Pottery technology as an object of historical and cultural study]. In: Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva [Actual problems of studying ancient pottery]. Samara, SamSPU Press, 1999, pp. 5–109. (in Russ.)
- Bobrinsky A. A.** Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniya [Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of study]. Moscow, Nauka, 1978, 272 p. (in Russ.)
- Chemyakin Yu. P.** Barsova Gora: ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ya. Drevnost' [Barsova Gora: Essays on the Archaeology of Surgut Priob'ye. Antiquity]. Surgut; Omsk, Omskii dom pechati Publ., 2008, 224 p. (in Russ.)
- Selin D. V., Chemyakin Yu. P.** Peculiarities of intercultural interaction in the Early Iron Age in the Surgut Ob River region (by materials of the ceramics of the settlement Barsova Gora III/66). *Povolzhskaya Archeologiya*, 2023, no. 1, pp. 100–112. (in Russ.)
- Tsetlin Yu. B.** Drevnyaya keramika: Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda [Ancient ceramics: Theory and methods of historical and cultural approach]. Moscow, IA RAS Publ., 2012, 379 p. (in Russ.)
- Tsetlin Yu. B.** Keramika. Ponyatiya i terminy istoriko-kul'turnogo podkhoda [Ceramics. Concepts and terms of the historical and cultural approach]. Moscow, IA RAS Publ., 2017, 346 p. (in Russ.)
- Vasileva I. N., Salugina N. P.** Elektronnyi katalog etalonov po keramicheskoi trasologii [Electronic catalog of etalons for ceramic tracing]. Samara, 2020. (in Russ.) URL: <http://archsamara.ru/katalog> (accessed 01.01.2022).

List of Sources

- Borzunov V. A.** Otchet ob issledovanii arkheologicheskikh pamyatnikov v zone stroitel'stva Surgutskoi trubnoi bazy (Surgutskii r-n Tyumenskoi obl.) v 1988 g. [Report on the study of archaeological sites in the construction zone of the Surgut pipe base (Surgut district, Tyumen region) in 1988]. In: AKA UrGU, f. II, d. 462. (in Russ.)
- Kerner V. F.** Otchet o razvedke arkheologicheskikh pamyatnikov v raione Barsovoi gory v 1974 g. [Report on the exploration of archaeological sites in the vicinity of Barsovaya Gora in 1974]. In: AKA UrGU, f. II, d. 258. (in Russ.)
- Novichenkov N. N.** Otchet ob arkheologicheskoi razvedke v zone stroitel'stva trubnoi bazy v urochishche Barsova Gora v Surgutskom raione Tyumenskoi oblasti v 1985 g. [Report on archaeological survey in the pipe base construction zone in the Barsova Gora tract in Surgut district, Tyumen region in 1985]. In: AKA UrGU, f. II, d. 419. (in Russ.)

Информация об авторах

Дмитрий Вадимович Селин, кандидат исторических наук, научный сотрудник
Scopus Author ID 56676168000
WoS Researcher ID M-5333-2019
RSCI Author ID 739271

Юрий Петрович Чемякин, кандидат исторических наук, доцент
Scopus Author ID 57189441288
WoS Researcher ID AAQ-6501-2021
RSCI Author ID 770955

Information about the Authors

Dmitrii V. Selin, Candidate of Sciences (History), Researcher

Scopus Author ID 56676168000

WoS Researcher ID M-5333-2019

RSCI Author ID 739271

Yury P. Chemyakin, Candidate of Sciences (History), Associate Professor

Scopus Author ID 57189441288

WoS Researcher ID AAQ-6501-2021

RSCI Author ID 770955

Статья поступила в редакцию 01.11.2023;

одобрена после рецензирования 20.12.2023; принята к публикации 15.01.2024

The article was submitted on 01.11.2023;

approved after reviewing on 20.12.2023; accepted for publication on 15.01.2024

Научная статья

УДК 902/904

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-86-97

Погребение предтюркского времени на Северном Алтае: опыт культурно-хронологической интерпретации

Николай Николаевич Серегин¹

Алексей Алексеевич Тишкин²

Сергей Сергеевич Матренин³

Татьяна Сергеевна Паршикова⁴

¹⁻⁴ Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия

¹ nikolay-seregin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>

² tishkin210@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>

³ matrenins@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>

⁴ taty-parshikova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5078-8244>

Аннотация

Представлены результаты изучения одного из показательных погребений предтюркского времени комплекса Чобурак-I. В составе данного памятника, расположенного в Чемальском районе Республики Алтай, экспедицией Алтайского государственного университета раскопан компактный некрополь булан-кобинской археологической культуры. Зафиксированные характеристики погребального обряда (небольшая насыпь с крепидой, ориентировка умершего в западном направлении, захоронение лошади «в ногах» покойного и др.) свидетельствуют о принадлежности кургана № 38 к дялянской традиции обрядовой практики. Анализ сопроводительного инвентаря, включавшего предметы вооружения, орудия труда, снаряжение человека и лошади, а также полученные радиоуглеродные даты позволяют определить хронологию объекта в рамках середины – второй половины IV в. н. э.

Ключевые слова

погребальный обряд, Алтай, булан-кобинская культура, предтюркское время, хронология, предметный комплекс, социальная история

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта «Междисциплинарное изучение древних и средневековых обществ Алтая» (№ FZMW-2023-0009) Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации

Для цитирования

Серегин Н. Н., Тишкин А. А., Матренин С. С., Паршикова Т. С. Погребение предтюркского времени на Северном Алтае: опыт культурно-хронологической интерпретации // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 3: Археология и этнография. С. 86–97. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-86-97

© Серегин Н. Н., Тишкин А. А., Матренин С. С., Паршикова Т. С., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 3: Археология и этнография. С. 86–97

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 86–97

Pre-Turkic Burial in the Northern Altai: Cultural and Chronological Interpretation

Nikolai N. Seregin¹, Alexei A. Tishkin²
Sergei S. Matrenin³, Tatyana S. Parshikova⁴

^{1–4} Altai State University
Barnaul, Russian Federation

¹ nikolay-seregin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>

² tishkin210@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>

³ matrenins@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>

⁴ taty-parshikova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5078-8244>

Abstract

Purpose. One of the problems in the archeology of Altai of the Great Migration period remains the chronology of funerary sites. The article concerns the materials of one of representative burials of the Choburak-I necropolis in the Northern Altai, demonstrating the wide possibilities of research in this direction.

Methods and Results. A man of 25–30 years old was buried in the grave of barrow no. 38. The key features of the object are a small mound with a crepe, the western orientation of the deceased person, as well as the burial of a horse “at the feet” of the man. The accompanying inventory included numerous weapons, tools, equipment for a man and a horse. The analysis of the finds testifies to the period of the construction of mound no. 38 not earlier than the middle of the 4th century AD. The results of radiocarbon dating were obtained, which supplement this information and indicate the upper chronological boundary no later than the beginning of the 5th century AD.

Conclusion. The correlation of the available data makes it possible to determine the chronology of mound no. 38 within the middle – second half of the 4th century AD. The recorded characteristics of the funeral rite indicate that this object belongs to the Dyalan tradition of ritual practice of the Bulan-Koby culture. The set of items found with the deceased man testifies to his high status in the nomadic society during his lifetime.

Keywords

funeral rite, Altai, Bulan-Koby culture, pre-Turkic period, chronology, finds, social history

Acknowledgements

The reported study was funded by state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project FZMW-2023-0009 “Interdisciplinary Study of Ancient Societies of Altai”)

For citation

Seregin N. N., Tishkin A. A., Matrenin S. S., Parshikova T. S. Pre-Turkic Burial in the Northern Altai: Cultural and Chronological Interpretation. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 86–97. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-86-97

Введение

На сегодняшний день одним из приоритетных направлений в изучении культуры населения Алтая эпохи Великого переселения народов является междисциплинарный анализ материалов раскопок погребальных памятников предтюркского времени (вторая половина IV – первая половина V в. н. э.). Несмотря на сформированный в конце XX – начале XXI в. положительный опыт изысканий в этой области, актуальной проблемой остается датировка отдельных могильников, относящихся ко второй четверти I тыс. н. э. Сохраняется актуальность работы, ориентированной на уточнение микрохронологии некрополей рубежа поздней древности и раннего средневековья. Кроме того, в последние годы перспективным направлением исследований выступает корреляция результатов, полученных в рамках морфологического анализа и типологии предметных комплексов, с имеющимися радиоуглеродными датировками (см.: [Соенов и др., 2018, с. 159–161, 172; Тишкин и др., 2018, с. 149–154; Серегин и др., 2022, с. 105–114] и др.). Очевидно, что важным фактором, определяющим возможность эффективного решения обозначенных вопросов, является введение в научный оборот информативных объектов из полностью раскопанных памятников. Целью настоящей статьи является публикация и культурно-хронологическая интерпретация материалов одного из показатель-

ных захоронений некрополя Чобурак-I, позволяющих в полной мере использовать как традиционные археологические подходы, так и методы естественных наук.

Характеристика источников

Археологический комплекс Чобурак-I расположен в Чемальском районе Республики Алтай, в 3,6 км к югу от с. Еланда, на правобережной оstepенной террасе р. Катунь (рис. 1, А). В процессе исследования погребальных и ритуальных объектов различных хронологических периодов на данном памятнике экспедицией Алтайского государственного университета целиком раскопан небольшой некрополь булан-кобинской культуры. Он состоял из 12 курганов, в которых находились не потревоженные погребения. Большинство могил были оставлены военизированной группой мужчин, имевших, судя по полученным материалам, высокий статус в этносоциальной структуре населения Алтая эпохи Великого переселения народов. Среди них выделялось погребение из кургана № 38, которое содержало многочисленный сопроводительный инвентарь, включавший как широко распространенные, так и редкие категории изделий.

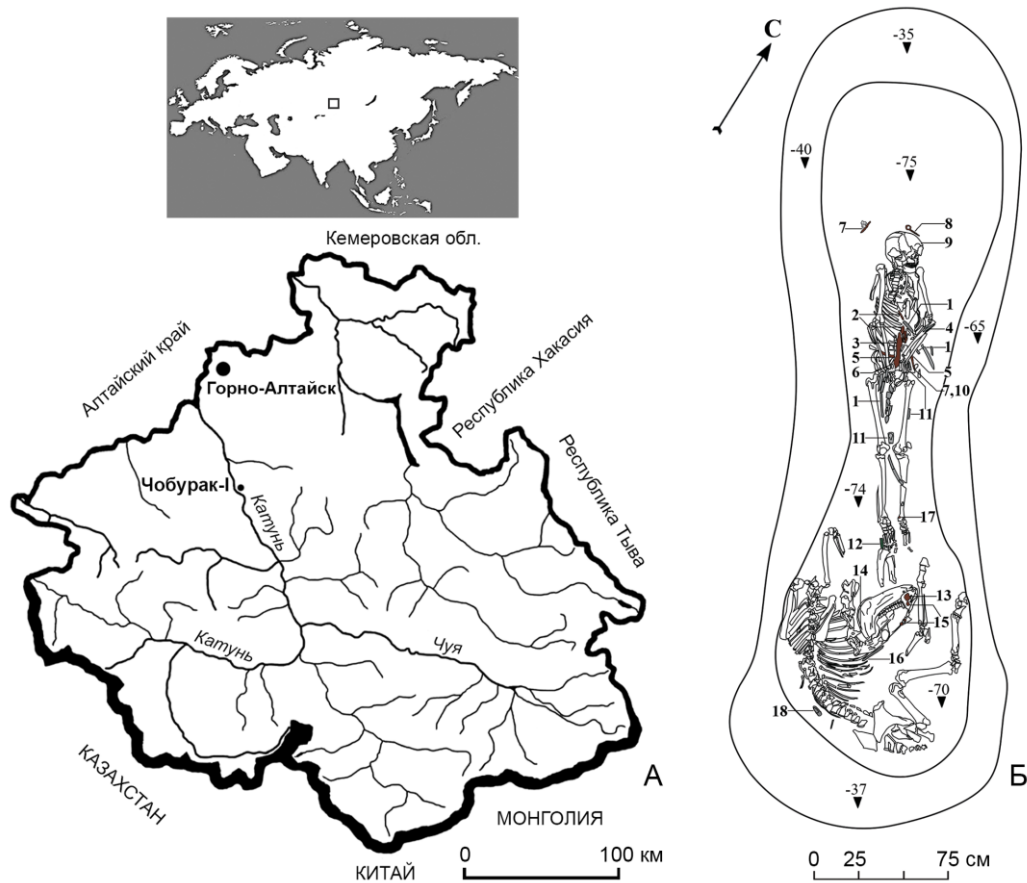

Рис. 1. Расположение некрополя Чобурак-I (А) и план погребения в кургане № 38 (Б):

1 – накладки на лук; 2 – железные наконечники стрел; 3 – меч в ножнах, детали крепления; 4 – костяные наконечники стрел; 5 – боевые ножи; 6 – элементы пояса; 7 – коротколезвийные ножи; 8 – шило; 9 – предмет неустановленного назначения; 10 – инструмент; 11 – детали плети; 12 – пластина из цветного металла; 13 – удила, крепление; 14 – уздечная пряжка; 15 – бляхи; 16 – седельный кант; 17 – крепления; 18 – застёжка

Fig. 1. Location of the Choburak-I necropolis (A) and plan of burial in mound no. 38 (B):

1 – bow overlays; 2 – iron arrowheads; 3 – sword in scabbard, attachment details; 4 – bone arrowheads; 5 – combat knives; 6 – belt elements; 7 – short bladed knives; 8 – awl; 9 – object of an unspecified purpose; 10 – tool; 11 – details of the whip; 12 – non-ferrous metal plate; 13 – bit, mount; 14 – bridle buckle; 15 – plaques; 16 – saddle edge; 17 – fastenings; 18 – fastener

Обозначенный объект находился в ряду из шести курганов с захоронениями мужчин разного возраста. Наземная конструкция кургана № 38 представляла собой плоскую каменную наброску овальной формы размерами $4,5 \times 3,4$ м и высотой до 0,4 м. По ее контуру в некоторых местах лежали крупные рваные булыжники и валуны, которые, очевидно, первоначально составляли овальную крепиду, вытянутую по линии северо-запад – юго-восток. В границах выкладки находилась яма овально-вытянутой формы длиной 4,6 м и шириной до 1,5 м. Оказалось, что стенки могилы существенно сужались по мере возрастания глубины, в связи с чем на дне ее длина составила 3,9 м, а ширина – от 0,46 до 1,1 м.

В северо-западной половине могилы, на глубине 0,75 м от уровня древнего горизонта, расчищено захоронение мужчины 25–30 лет (определение выполнено заведующей кабинетом антропологии АлтГУ С. С. Тур), ориентированного головой на северо-запад. Умерший лежал на спине с выпрямленными ногами, при этом его череп и туловище оказались завалены на левую сторону (рис. 1, Б). С погребенным зафиксирован разнообразный сопроводительный инвентарь, представленный предметами вооружения, элементами снаряжения и орудиями труда (рис. 2–4).

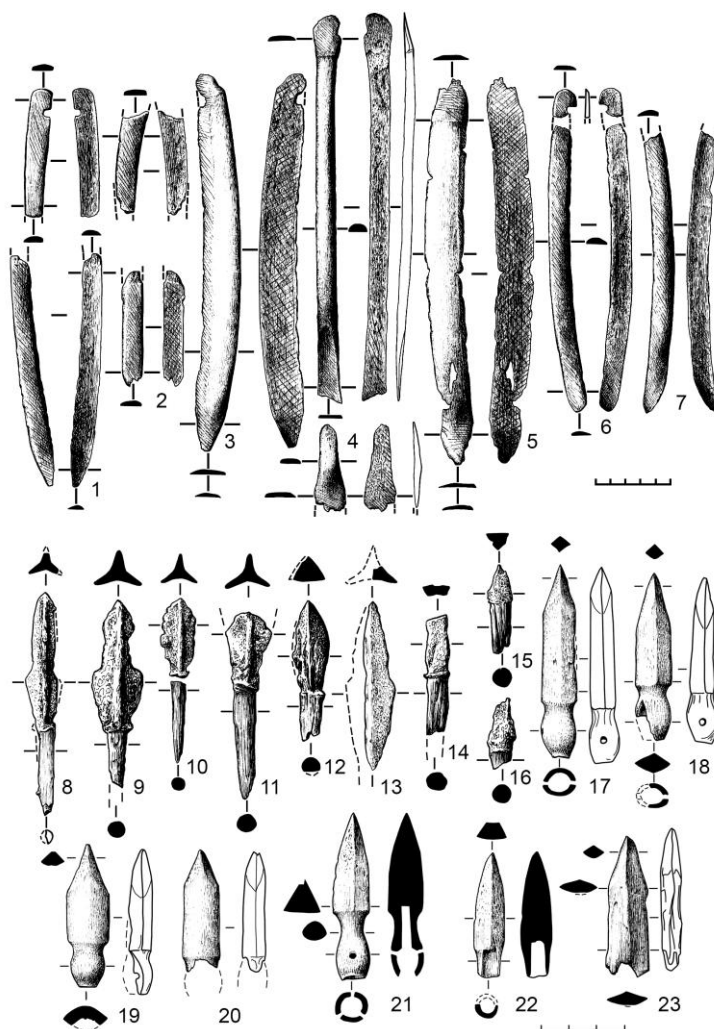

Рис. 2. Накладки на лук (1–7) и наконечники стрел (8–23) из кургана № 38 некрополя Чобурак-I:
1–7, 17–23 – кость (рог); 8–16 – железо

Fig. 2. Bow overlays (1–7) and arrowheads (8–23) from mound no. 38 of the Choburak-I necropolis:
1–7, 17–23 – bone (horn); 8–16 – iron

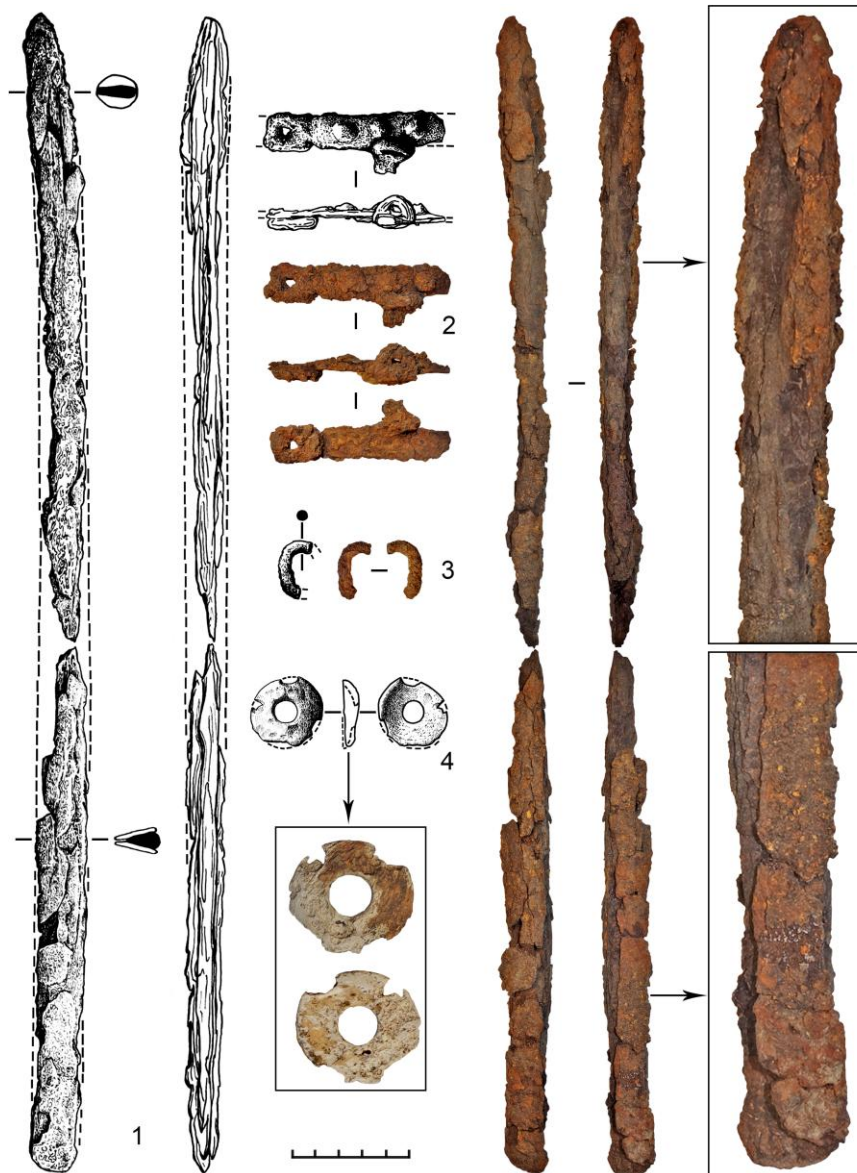

Рис. 3. Меч и детали ножен из кургана № 38 некрополя Чобурак-I:
1–3 – железо; 4 – кость (рог)

Fig. 3. Sword and scabbard details from mound no. 38 of the Choburak-I necropolis:
1–3 – iron; 4 – bone (horn)

На посткраниальном скелете человека находились костяные (роговые) накладки составного лука: две концевые боковые на верхнее плечо кибити (рис. 2, 1, 2) лежали на левой половине грудной клетки, почти под прямым углом к левому предплечью; пара боковых и одна тыльная срединные (рис. 2, 3–5) – на тазовых костях, ближе к правому бедру; две концевые боковые нижние (рис. 2, 6, 7) – поперек берцовых костей левой ноги. Комплекс вооружения дальнего боя включал также девять железных наконечников стрел, расположенных возле таза, и в одном случае – на груди (рис. 2, 8–16). У левого локтя погребенного зафиксированы семь костяных (роговых) наконечников стрел (рис. 2, 17–23). В области живота располагался железный меч (рис. 3, 1) в ножнах, от которых сохранились железная пряжка (рис. 3, 2), обломок железного кольца (рис. 3, 3) и костяная (роговая) дисковидная застежка с отверстием

в центре (рис. 3, 4). В арсенал клинкового оружия также входили два ножа с длинными клинками, обнаруженные слева от таза (рис. 4, 1) и на поясе справа (рис. 4, 2). В области тазовых костей расчищены разнообразные железные элементы наборного пояса: две пряжки с подвижным язычком, одна из которых была восьмерковидной (рис. 4, 3), другая – с сильно поврежденной рамкой и пластинчатым щитком (рис. 4, 4); семь спекшихся блях-накладок подквадратной формы со шпильковым креплением (рис. 4, 5, 6, 9, 10); девять блях-полуобойм с кольцами (рис. 4, 13–21); наконечник ремня (рис. 4, 11); два «блока» (рис. 4, 7, 8); несколько сильно корродированных пластин (рис. 4, 22); восьмерковидное витое звено цепочки (рис. 4, 23). На поясе умершего человека, с левой стороны, обнаружены костяная (роговая) трубочка (рис. 4, 29), фрагмент железного короткоклинкового ножа (рис. 4, 26) и железный массивный стержень, являющийся, по-видимому, частью какого-то инструмента (рис. 4, 25). С внешней стороны левого бедра лежала костяная (роговая) трубочка со сквозным поперечным отверстием (рис. 4, 30), а между колен – массивная костяная (роговая) пронизь (рис. 4, 31).

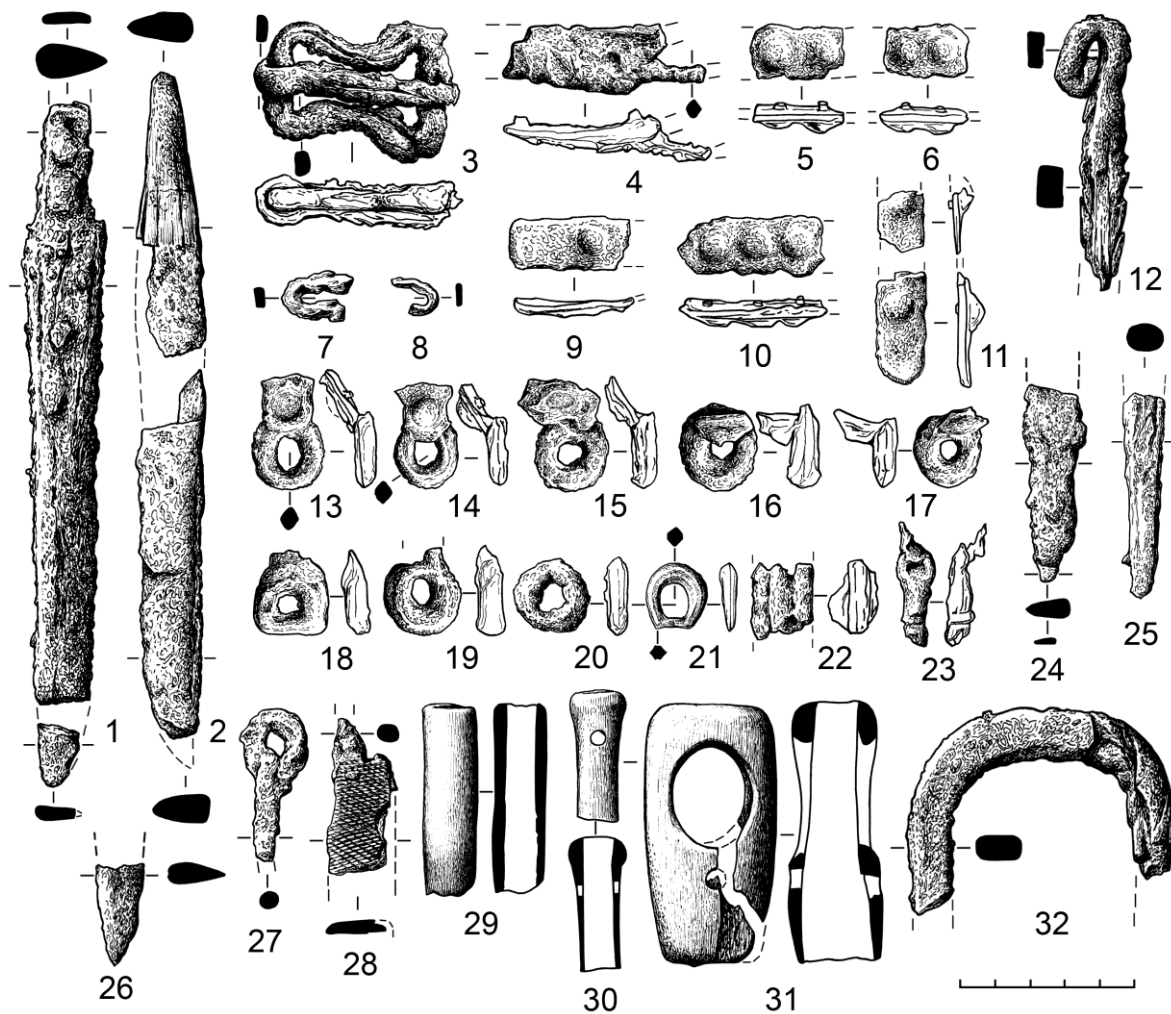

Рис. 4. Боевые ножи (1, 2), детали наборного пояса и снаряжения (3–11, 13–23, 27, 28), орудия труда и бытовые предметы (12, 24–26, 29–32) из кургана № 38 некрополя Чобурак-I: 1–28, 32 – железо; 29–31 – кость (рог)

Fig. 4. Combat knives (1, 2), parts of a type-setting belt and equipment (3–11, 13–23, 27, 28), tools and household items (12, 24–26, 29–32) from mound no. 38 of the Choburak-I necropolis: 1–28, 32 – iron; 29–31 – bone (horn)

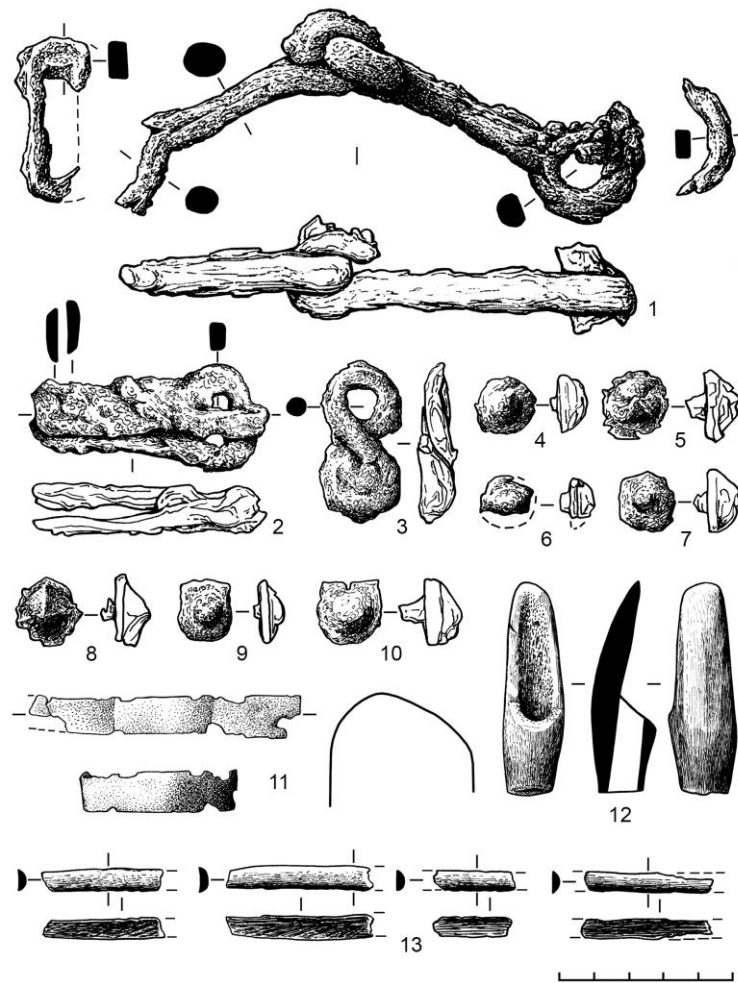

Рис. 5. Элементы снаряжения верхового коня (1–10, 13), декоративное изделие (11), застежка (12) из кургана № 38 некрополя Чобурак-I: 1–10 – железо; 11 – цветной металл; 12, 13 – кость (рог)

Fig. 5. Riding horse equipment (1–10, 13), decorative item (11), clasp (12) from mound no. 38 of the Choburak-I necropolis: 1–10 – iron; 11 – non-ferrous metal; 12, 13 – bone (horn)

Возле большой берцовой кости левой ноги в проекции голеностопного сустава встречены железные крепления плохой сохранности (рис. 4, 27, 28). Около костей правой ступни найдена бронзовая пластина-нашивка, согнутая в дугу (рис. 5, 11). В области головы умершего человека, рядом с ритуальной мясной пищей, сохранившейся в виде костей овцы, выявлены железные изделия – обломок короткоклинкового ножа (рис. 4, 24), шило (рис. 4, 12) и предмет полукруглой формы (рис. 4, 32).

В юго-восточной части могилы, на глубине 0,7–0,74 м от уровня древнего горизонта, находилось сопроводительное захоронение лошади, уложенной на левый бок с подогнутыми конечностями. Животное было в буквальном смысле втиснуто в весьма ограниченное пространство в «ногах» человека (рис. 1, Б). В челюстях лошади сохранились железные удила (рис. 5, 1), а также железное крепление (рис. 5, 3). Под затылочной частью черепа обнаружена железная уздечная пряжка (рис. 5, 2), а в разных местах (в области носа и лба) – семь железных уздечных блях (рис. 5, 4–10). Рядом с головой лошади найдены также фрагменты

костяного (рогового) канта от луки седла (рис. 5, 13). Следует отметить, что в заполнении могильной ямы зафиксирована костяная (роговая) застежка (рис. 5, 12).

Анализ предметного комплекса

Имеющийся опыт морфологического анализа и типологии различных категорий изделий из памятников булан-кобинской культуры Алтая, а также результаты изучения актуальных для сравнения вещественных материалов эпохи Великого переселения народов из археологических комплексов Центральной, Средней и Северной Азии дают основания для хронологической интерпретации большей части сопроводительного инвентаря, обнаруженного в ходе раскопок погребения в кургане № 38 некрополя Чобурак-I. Остановимся на характеристике наиболее показательных находок.

Зафиксированный сложносоставной лук, судя по наличию срединных боковых накладок с дуговидным абрисом (рис. 2, 3, 5), относится к модификациям, получившим распространение у разных народов Северной, Центральной и Средней Азии, в том числе у «булан-кобинцев», во II–V вв. н. э. [Горбунов, 2006, с. 16–17; Тишкин и др., 2018, с. 42]. При этом кочевники Алтая могли использовать их вплоть до начала VI в. н. э. [Соенов, 2017, с. 122–123]. В серии железных черешковых наконечников стрел характерными для второй половины III – V в. н. э. являются ярусные изделия южно-сибирской традиции (рис. 2, 8, 9) (см., например: [Худяков, 1986, рис. 26, 9, 11, 13, 14; 36, 10, 11, 13–15, 16–21; Горбунов, 2006, с. 28–29, 38, рис. 25, 9–13, 31]). К широко распространенным в III–V вв. н. э. изделиям относятся наконечники стел с кольцевым упором (рис. 2, 10, 12) [Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 84, рис. 6, 7–10, 13–24; Горбунов, 2006, с. 30–31, 38–39]. Показательным элементом вооружения второй половины IV – V в. н. э. является железный однолезвийный меч (рис. 3, 1) [Горбунов, 2006, с. 59, 111; Соенов, 2017, с. 120].

Наборный пояс с большим количеством железных деталей от ременной гарнитуры (рис. 4, 3, 5, 6, 7–11, 13–21), судя по имеющимся аналогиям, датируется в рамках II–V вв. н. э. [Тишкин и др., 2018, с. 82, 88–90; Серегин и др., 2022, с. 68–69, 71]. Восьмерковидное витое звено цепочки (рис. 4, 23) относится к маркерам предметного комплекса населения Алтая и сопредельных территорий IV – начала VI в. н. э. [Матренин, 2017, с. 25].

Достаточно информативными для второй четверти I тыс. н. э. являются костяные (роговые) наконечники стрел с цельной втулкой-свистункой бочонковидной формы (рис. 2, 17–21) [Худяков, 1991, рис. 28, 1–3; Серегин и др., 2022, с. 89].

В составе конского снаряжения наиболее «поздними» следует считать железные бляхи-накладки в форме конической или полусферической шляпки со шпеньком (рис. 5, 4–10) [Матренин, 2018, с. 191]. Информативной категорией изделий для памятников второй половины IV – V в. н. э. является костяной (роговой) седельный кант (рис. 5, 12) [Серегин и др., 2021, с. 25–34, рис. 1–3].

Обсуждение результатов

Проведенный анализ серии датированных категорий сопроводительного инвентаря с учетом наиболее «поздних» изделий (однолезвийный меч, уздечные бляхи, железный трехгранный наконечник стрелы листовидной формы, костяной (роговой) седельный кант) дает основания для определения времени сооружения кургана № 38 памятника Чобурак-I не ранее середины – второй половины IV в. н. э. В этом плане принципиально важным является наличие в рассматриваемом погребении «инновационных» типов предметов, которые демонстрируют влияние на развитие вооружения, снаряжения человека и верхового коня традиций центральноазиатских кочевников эпохи Великого переселения народов. Предложенную хронологическую интерпретацию комплекса отчасти дополняют результаты радиоуглеродного анализа, проведенного в Лаборатории Центра 14ХРОНО по исследованию климата, окру-

жающей среды и хронологии (г. Белфаст, Северная Ирландия; аналитик С. В. Святко), демонстрирующие верхний диапазон совершения захоронения не позже начала V в. н. э. (см. таблицу).

Результаты радиоуглеродного анализа образцов
из погребения кургана № 38 некрополя Чобурак-I
Results of radiocarbon analysis of samples
from the burial mound no. 38 of the Choburak-I necropolis

№ п/п	Шифр	Образец	AMS ¹⁴ C, BP	Калиброванная дата (2 σ)
1	UBA-45511	Кость лошади	1682 ± 24	261–416 AD
2	UBA-45610	Кость человека	1741 ± 30	236–384 AD

Зафиксированные элементы погребальной практики (расположение в ряду тесно локализованных объектов; небольшая каменная насыпь овальной формы с выкладкой-крепидой в основании; неглубокая и узкая яма; ориентировка умершего человека головой в западный сектор горизонта; сопроводительное захоронение лошади в «ногах» покойного), свидетельствуют о принадлежности объекта к дялянской традиции обрядовой практики населения булан-кобинской культуры [Серегин, Матренин, 2016, с. 161–162]. На Алтае она известна с хуннского времени (II в. до н. э. – I в. н. э.) и при этом генетически не связана с наследием местных племен пазырыкской культуры второй половины VI – III в. до н. э. В рассматриваемом регионе «дяляны» проживали на протяжении II в. до н. э. – V в. н. э. По совокупности признаков погребального обряда курган № 38 могильника Чобурак-I демонстрирует максимальное сходство с объектами некрополя Дялян [Тетерин, 1991].

Изучение набора предметов сопроводительного инвентаря позволяет сделать вывод о том, что умерший мужчина имел достаточно высокий прижизненный статус не только в рамках локального коллектива, оставившего некрополь Чобурак-I, но и среди других групп кочевников Алтая второй половины IV – первой половины V в. н. э. Одним из аргументов для такого заключения является наличие в погребении разнообразных предметов вооружения, включающих средства ведения дальнего (лук и стрелы с железными наконечниками стрел) и ближнего (боевые ножи, меч) боя, снаряжение человека (наборный пояс с большим количеством гарнитур) и верхового коня (удила, уздечные пряжка и бляхи, седло с костяным кантом, плетъ, стек), а также многочисленные орудия труда (стрелы с костяными наконечниками, железные ножи, шило) и единичные украшения (бронзовая нашивная пластина). Ранее отмечалось, что носители булан-кобинской культуры помещали мечи в захоронения военачальников или особо отличившихся профессиональных воинов [Горбунов, 2006, с. 74]. Важно также подчеркнуть, что курган № 38 был сооружен в локальной группе объектов некрополя Чобурак-I, включавших захоронения профессиональных воинов. Принимая во внимание эти соображения, представляется возможным утверждать, что в рассматриваемом погребении был похоронен представитель верхнего привилегированного слоя кочевников Северного Алтая предтюрокского времени.

Заключение

Относящийся к объектам дялянской погребальной традиции населения Алтая курган № 38 памятника Чобурак-I содержал представительный набор предметов сопроводительного инвентаря, включавший как широко распространенные, так и весьма редкие типы изделий. Изучение взаимной встречаемости датированных категорий вещей дает основания для установления хронологии публикуемого комплекса в рамках середины – второй половины

IV в. н. э. Данному заключению не противоречат результаты радиоуглеродного анализа образцов, демонстрирующие верхнюю хронологическую границу совершения захоронения не позже начала V в. н. э. Выявленный с умершим мужчиной набор предметов (прежде всего клинковое оружие ближнего боя и снаряжение) является свидетельством высокого прижизненного статуса человека в социально-имущественной и военной стратификации кочевников, составлявших местную элиту населения Северного Алтая в предтюркское время. Представленные результаты хронологической интерпретации данного комплекса демонстрируют возможности дальнейших исследований, направленных на детализацию периодизации булан-кобинской археологической культуры, в том числе в формате выделения стадий в рамках обоснованных ранее этапов существования данной общности.

Список литературы

- Горбунов В. В.** Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006. 232 с.
- Кожомбердиев И. К., Худяков Ю. С.** Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 75–106.
- Матренин С. С.** Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н. э. – V в. н. э.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2017. 142 с.
- Матренин С. С.** Хронологические индикаторы снаряжения верхового коня кочевников сянбийско-жужанского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2018. Вып. 2. С. 188–195.
- Серегин Н. Н., Демин М. А., Матренин С. С., Уманский А. П.** Северный Алтай в эпоху Великого переселения народов (по материалам археологического комплекса Карбан-I). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2022. 276 с.
- Серегин Н. Н., Матренин С. С.** Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н. э. – XI в. н. э. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2016. 272 с.
- Серегин Н. Н., Тишкин А. А., Матренин С. С., Паршикова Т. С.** Седелные канты из раскопанных курганов Алтая жужанского времени // Народы и религии Евразии. 2021. № 1 (26). С. 25–36.
- Соенов В. И.** Нарушенное воинское погребение на могильнике Верх-Уймон // Древности Сибири и Центральной Азии: Сб. науч. тр. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2017. Т. 8 (20). С. 117–142.
- Соенов В. И., Константинов Н. А., Трифанова С. В.** Могильник Степушка-2 в Центральном Алтае. Горно-Алтайск: Б. и., 2018. 242 с.
- Тетерин Ю. В.** Могильник Дялян – новый памятник предтюркского времени Горного Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1991. С. 155–157.
- Тишкин А. А., Матренин С. С., Шмидт А. В.** Алтай в сянбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2018. 368 с.
- Худяков Ю. С.** Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.
- Худяков Ю. С.** Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.

References

- Gorbunov V. V.** Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Ch. II: Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie) [Military affairs of the population of Altai in the 3rd – 14th centuries. Part II: Offensive weapons (weapons)]. Barnaul, AltSU Press, 2006, 232 p. (in Russ.)

- Khudyakov Yu. S.** Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii [Armament of medieval nomads of South Siberia and Central Asia]. Novosibirsk, Nauka, 1986, 268 p. (in Russ.)
- Khudyakov Yu. S.** Vooruzhenie tsentral'noaziatskikh kochevnikov v epokhu rannego i razvitogo srednevekov'ya [Armament of the Central Asian nomads in the era of the early and developed Middle Ages]. Novosibirsk, Nauka, 1991, 190 p. (in Russ.)
- Kozhombardiev I. K., Khudyakov Yu. S.** Kompleks vooruzheniya kenkol'skogo voina [Armament complex of the Kenkol warrior]. In: Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoi Azii [Warfare of the ancient population of North Asia]. Novosibirsk, Nauka, 1987, pp. 75–106. (in Russ.)
- Matrenin S. S.** Snaryazhenie kochevnikov Altaya (II v. do n. e. – V v. n. e.) [Equipment of Altai nomads (2nd century BC – 5th century AD)]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2017, 142 p. (in Russ.)
- Matrenin S. S.** Khronologicheskie indikatory snaryazheniya verkhovogo konya kochevnikov syan'biisko-zhuzhanskogo vremeni (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov bulan-kobinskoi kul'tury Altaya) [Chronological indicators of the equipment of the riding horse of the nomads of the Xianbei-Rouran period (based on the materials of the burial monuments of the Bulan-Koby culture of Altai)]. In: Sovremennye resheniya aktual'nykh problem evraziiskoi arkheologii [Modern solutions to urgent problems of Eurasian archeology]. Barnaul, AltSU Press, 2018, pp. 188–195. (in Russ.)
- Seregin N. N., Demin M. A., Matrenin S. S., Umansky A. P.** Severnyi Altai v epokhu Velikogo pereseleniya narodov (po materialam arkheologicheskogo kompleksa Karban-I) [Northern Altai in the Great Migration period (Based on the archaeological complex Karban-I)]. Barnaul, AltSU Press, 2022, 276 p. (in Russ.)
- Seregin N. N., Matrenin S. S.** Pogrebal'nyi obryad kochevnikov Altaya vo II v. do n. e. – XI v. n. e. [Funeral rite of Altai nomads in the 2nd century BC – 11th century AD]. Barnaul, AltSU Press, 2016, 272 p. (in Russ.)
- Seregin N. N., Tishkin A. A., Matrenin S. S., Parshikova T. S.** Sedel'nye kanty iz raskopannykh kurganov Altaya zhuzhanskogo vremeni [Saddle edgings from the excavated mounds of the Altai of the Rouran period]. *Narody i religii Evrazii* [Peoples and religions of Eurasia], 2021, no. 1, pp. 25–36. (in Russ.)
- Soenov V. I.** Narushennoe voinskoe pogrebenie na mogil'nike Verkh-Uimon [Disturbed military burial at the Verkh-Uimon burial ground]. In: Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii [Antiquities of Siberia and Central Asia]. Gorno-Altaysk, GASU Press, 2017, pp. 117–142. (in Russ.)
- Soenov V. I., Konstantinov N. A., Trifanova S. V.** Mogil'nik Stepushka-2 v Tsentral'nom Altae [Stepushka-2 burial ground in Central Altai]. Gorno-Altaysk, 2018, 242 p. (in Russ.)
- Teterin Yu. V.** Mogil'nik Dyalyan – novyi pamyatnik predtyurkskogo vremeni Gornogo Altaya [The Dyalyan burial ground is a new monument of the pre-Turkic period of Gorny Altai]. In: Problemy khronologii i periodizatsii arkheologicheskikh pamyatnikov Yuzhnoi Sibiri [Problems of Chronology and Periodization of Archaeological Sites in Southern Siberia]. Barnaul, AltSU Press, 1991, pp. 155–157. (in Russ.)
- Tishkin A. A., Matrenin S. S., Shmidt A. V.** Altai v syan'biisko-zhuzhanskoe vremya (po materialam pamyatnika Stepushka) [Altai in the Xianbei-Rouran period (based on materials from the Stepushka monument)]. Barnaul, AltSU Press, 2018, 368 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Николай Николаевич Серегин, доктор исторических наук, заведующий лабораторией
Алексей Алексеевич Тишкин, доктор исторических наук, профессор

Сергей Сергеевич Матренин, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Татьяна Сергеевна Паршикова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Information about the Authors

Nikolai N. Seregin, Doctor of Sciences (History), Head of Laboratory

Alexei A. Tishkin, Doctor of Sciences (History), Professor

Sergei S. Matrenin, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher

Tatyana S. Parshikova, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher

Вклад авторов:

Н. Н. Серегин – разработка концепции исследования, анализ материала, формулирование выводов, подготовка первой версии статьи.

А. А. Тишкин – обобщение результатов, доработка текста.

С. С. Матренин – отбор и анализ материала, обобщение результатов, компоновка иллюстраций.

Т. С. Паршикова – отбор и анализ материала, обобщение результатов, компоновка иллюстраций.

Contribution of the Authors:

Nikolai N. Seregin developed the research concept, analyzed the material, made conclusions, prepared the first version of the article.

Alexei A. Tishkin summed up the results, revised the text.

Sergei S. Matrenin selected and analyzed material, summed up the results, arranged the illustrations.

Tatyana S. Parshikova selected and analyzed material, summed up the results, arranged the illustrations.

Статья поступила в редакцию 24.02.2023;

одобрена после рецензирования 12.03.2023; принята к публикации 04.07.2023

The article was submitted on 24.02.2023;

approved after reviewing on 12.03.2023; accepted for publication on 04.07.2023

Научная статья

УДК 902/904

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-98-110

О посаде городища Уфа-II: к 70-летию научного изучения

Антон Сергеевич Проценко¹
Фанис Фларисович Сафуанов²

^{1,2} Республиканский историко-культурный
музей-заповедник «Древняя Уфа»
Уфа, Россия

¹ Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук
Уфа, Россия

¹ anton.procenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5152-8564>

² safuanov30@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5554-2905>

Аннотация

Представлены результаты работ, проведенных на территории посада, реперного поселенческого памятника эпохи раннего Средневековья Южного Урала, в 2018 и 2021 гг. археологической экспедицией музея-заповедника «Древняя Уфа». Полученные материалы дополняют картину освоения ближайшей округи городища Уфа-II. Приводятся данные по археозоологической коллекции и результатам морфологического и химико-аналитического исследования почвенного покрова. Анализ культурных отложений памятника свидетельствует, что территорию посада городища активно осваивали племена бахмутинской и турбаслинской археологической культуры в период V–VII/VIII вв. Незначительное количество находок (гончарной керамики) Нового времени, маркирует освоение территории памятника во второй половине XIX в.

Ключевые слова

река Белая, Южный Урал, эпоха раннего Средневековья, посад

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 23-78-10057 «Динамика культурного развития и освоения Южного Урала с древности и до вхождения в состав России (IV в. до н. э. – XVI в.): междисциплинарное археологическое исследование»

Для цитирования

Проценко А. С., Сафуанов Ф. Ф. О посаде городища Уфа-II: к 70-летию научного изучения // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 3: Археология и этнография. С. 98–110. DOI 10.25205/ 1818-7919-2024-23-3-98-110

© Проценко А. С., Сафуанов Ф. Ф., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 3: Археология и этнография. С. 98–110

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 98–110

About the Settlement of the City of Ufa-II: To the 70th Anniversary of Scientific Research

Anton S. Protsenko¹, Fanis F. Safuanov²

^{1,2} Republican Historical and Cultural Museum-Reserve "Ancient Ufa"
Ufa, Russian Federation

¹ Institute of History, Language and Literature
Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences
Ufa, Russian Federation

¹ anton.protsenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5152-8564>

² safuanov30@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5554-2905>

Abstract

Purpose. The settlement of Ufa-II is a reference monument of the early Middle Ages of the Southern Urals. The work introduces the latest materials from the site into academic discourse.

Results. The obtained materials complement the picture of the development of the immediate surroundings of the Ufa-II settlement. The thickness of the cultural layer in the study area was more than 1 m, which suggests that the site had been in operation for quite a long time. Data on the archaeozoological collection and the results of a morphological and chemical-analytical study of the soil cover are presented. The osteological material is highly fragmented, it bears traces of cuts and appears to be kitchen remains. The species composition is represented by 4 domestic animal species. The cultural layer in its chemical composition is characterized by an increased content of gross phosphorus, and the content of humus, total nitrogen, mobile forms of phosphorus and potassium corresponds to background natural soils. The total thickness of the cultural layer of the monument in this profile is an average of 110 cm. The overlying layers were formed at a later time.

Conclusion. The studies made it possible to establish the presence and thickness of the cultural layer. The obtained materials indicate that in the early Middle Ages, the area around the citadel of the settlement was actively developed by the tribes of the Bakhmutin and Turbaslin archaeological culture in the period of the 5th – 7th / 8th centuries.

Keywords

Belaya River, Southern Urals, early Middle Ages, posad

Acknowledgments

The research was supported by the Russian Science Foundation grant no. 23-78-10057 "Dynamics of cultural development and development of the Southern Urals from antiquity until it became part of Russia (4th century BC – 16th century): interdisciplinary archaeological research"

For citation

Protsenko A. S., Safuanov F. F. About the Settlement of the City of Ufa-II: To the 70th Anniversary of Scientific Research. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 98–110. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-98-110

Введение

Территория Южного Урала на протяжении нескольких исторических эпох являлась полигоном этнокультурных пертурбаций, результатом которых стало взаимодействие, ассимиляция и трансформация разных археологических культур региона. Как справедливо отмечено Н. С. Савельевым, основой для формирования контактной зоны послужило географическое положение региона, а именно меридиональное расположение гор Южного Урала. С одной стороны, они делят степной пояс Северной Евразии на европейскую и азиатскую части. С другой стороны, осевое для региона меридиональное положение узкого (80–150 км) горного барьера трансформировало широтную природную поясность в меридиональную. Это закономерно приводило к далекому проникновению на юг северного оседлого (лесостепного и лесного) населения и проникновению далеко на север южного кочевнического населения [Савельев, 2017]. Исследователем отмечено, что именно с эпохи раннего железного века в лесостепной зоне Южного Урала начали формироваться сочетающие в себе северные и южные традиции метисные этнокультурные образования, что стало еще более характер-

ным для региона во всё последующее время – вплоть до этнографической современности [Савельев, 2019, с. 39].

В пределах Уфимско-Бельского междуречья известно 132 городища эпохи раннего железа и Средневековья. Степень их изученности варьируется от требующих локализации до подвергнутых стационарным исследованиям [Колонских, 2019, с. 82]. На сегодняшний день наиболее изученным среди укрепленных поселений Уфимско-Бельского междуречья является городище Уфа-II.

В 2023 г. исполнилось 70 лет, как уфимским краеведом П. Ф. Ищериковым было выявлено городище Уфа-II и проведены первые научные исследования. История изучения данного памятника достаточно подробно описана в трудах исследователей (см., например: [Русланов и др., 2016, с. 5–11; Белявская и др., 2022, с. 7–28]), в связи с этим на данном аспекте останавливаться не будем. Отметим только, что начатые полномасштабные исследования городища в 2006 г. продолжают с разной степенью интенсивности по настоящее время.

Памятник расположен в историческом центре г. Уфы на мысу, образованном двумя глубокими оврагами, по дну которых протекали ручьи, впадающие в р. Белую. По центру мыса и площадке проходит ул. Пушкина, где расположены современные жилые и хозяйственные постройки (рис. 1). В физико-географическом отношении городище относится к Предуральской лесостепной зоне в пределах междуречья Уфы и Белой, на правом коренном берегу Белой [Проценко, 2020, с. 391]. Необходимо отметить, что археологический памятник подвергается мощному антропогенному воздействию в связи с нахождением в крупном мегаполисе. Так, в ходе реализации крупных инфраструктурных проектов (к примеру, строительства проспекта Салавата Юлаева) мысовидная часть была полностью разрушена. Исследованиями 2006–2017, 2021, 2022 гг. изучено более 3 000 кв. м культурного слоя цитадели городища. Общая площадь памятника археологии составляет 5,6 га.

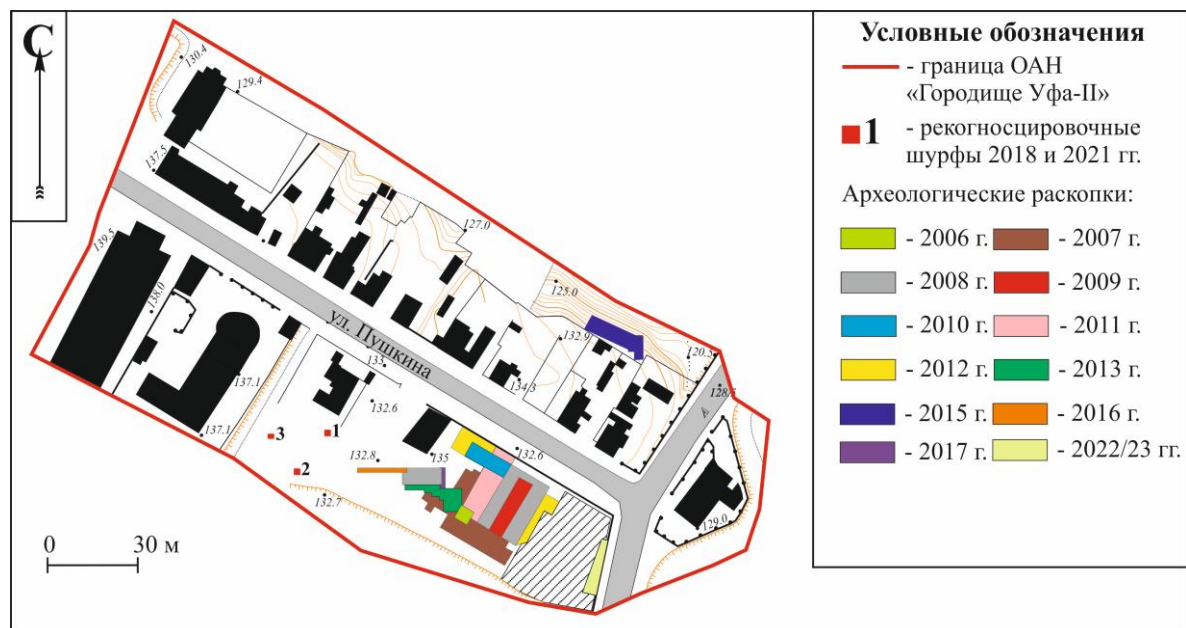

Рис. 1. Топографический план городища Уфа-II
Fig. 1. Topographic plan of the Ufa-II settlement

Мощность культурных напластований на исследованных участках городища достигает 4 м. Вещевой состав находок из культурных отложений богат и разнообразен. Превалируют обломки керамической посуды различных типов, характерных для племен, обитавших на Юж-

ном Урале между IV–V и XIV–XV вв. Среди них имеются образцы посуды, привезенной из Средней Азии, с Северного Кавказа, Среднего Поволжья. Индивидуальные артефакты представлены поясной гарнитурой (пряжки, накладки), шейно-нагрудными украшениями (серьги, подвески), литыми фигурками лошади и медведя и т. п. [Сунгатов, 2020, с. 74, 75].

Несмотря на масштабные исследования, проведенные за последнее полтора десятилетия, среди археологов так и не сложилось единой точки зрения по целому ряду вопросов. В первую очередь спорным является статус памятника в системе древностей Южноуральского региона: одни исследователи считают его городским центром [Сунгатов и др., 2018; Сунгатов, 2020], другие данную гипотезу опровергают [Иванов, 2020; Иванов, Белавин, 2021]¹. Мы, в свою очередь, отметим, что данные, полученные в ходе изучения Уфы-II, позволяют судить о городище как о памятнике со сложной стратиграфической и планиграфической ситуацией и разнообразным массовым и индивидуальным археологическим материалом [Белявская, Проценко, 2018, с. 205, 206]. Немаловажным является тот факт, что большой массив данных только предстоит проанализировать (по причине продолжающихся археологических исследований, в результате которых ежегодно увеличивается источниковая база артефактов), это в первую очередь касается керамического комплекса, фортификационной системы и др., которые в полной мере не введены в научный оборот.

Необходимо отметить, что территория вокруг цитадели полноценным археологическим раскопкам никогда не подвергалась. Граница посада на сегодняшний день, как справедливо отмечено Ф. А. Сунгатовым, устанавливалась благодаря наблюдениям археологов за строительной деятельностью организаций-застройщиков в южной исторической части Уфы, в особенности в кварталах, прилегающих к городищу-детинцу Уфа-II [Сунгатов и др., 2018, с. 141]. Н. А. Мажитов отмечал, что к городищу Уфа-II, которое отличается своими монументальными оборонительными сооружениями, примыкали или находились в непосредственной близости небольшие городища («городище Уфа-III», «Чертово (Уфимское) городище», «городище Уфа-IV» и ряд других поселенческих памятников) данное обстоятельство исследователь объяснял, что городище Уфа-II являлось своеобразным центром политической, торгово-экономической и культурной жизни Южного Урала [Мажитов, Султанова, 2010, с. 174–175]. Дополнительные аргументы, обосновывающие существование посада городища, были изложены Ф. А. Сунгатовым в девятой главе коллективной монографии [Сунгатов и др., 2018, с. 141–147].

Для получения актуальных сведений по наличию и сохранности культурного слоя памятника за укрепленной линией были проведены исследования на свободной от городской застройки и частных землевладений территории.

Результаты исследований

В полевом сезоне 2018 и 2021 гг. постоянно действующей археологической экспедицией музея-заповедника «Древняя Уфа» проводились разведочные работы на территории посада городища Уфа-II. В результате исследований было заложено три шурфа (№ 1–2 (2018 г.) размером 2 × 2 м, № 3 (2021 г.) – 1 × 2 м), которые расположены от 20 до 50 м западнее фортификационной системы (рва городища). Необходимо отметить высокую антропогенную нагрузку территории исследования. Так, в начале 2000-х гг. на территории рекогносцировочных работ стоял двухэтажный жилой дом с хозяйственными постройками (адрес: ул. Пушкина, 128), который в 2009 г. был снесен. На данный момент территория за укрепленной линией городища занимает стихийная парковка размером 30 × 50 м. Парковка неод-

¹ Дискуссия о статусе памятника имеет обширную историографию, в связи с данным обстоятельством приведены ссылки лишь на последние работы оппонентов.

нократно подсыпалась щебнем и асфальтной крошкой, поэтому шурфы были заложены по краям парковочной зоны.

Наиболее информативными для нашего исследования, являются шурфы № 2 и 3². После вскрытия наносного баланса (представленного супесью со щебнем, строительным мусором, гумусированным слоем с включением суглинка) в шурфе № 2, мощность которого составила 1–1,2 м³, зафиксирован Объект 1 (хозяйственная яма), наполнение которого соотносится с эпохой раннего Средневековья (горизонты 6–10). Наибольшее количество материала было получено из горизонта 7 (32 ед.): керамика представляла собой небольшие фрагменты турбаслинской и бахмутинской археологических культур. В нижележащих горизонтах количество керамики существенно снижается. Заполнение данного объекта составили фрагменты керамики, костей и древесного угля. В северо-восточном углу шурфа был зафиксирован фрагмент каменного фундамента. Данная конструкция происходит от двухэтажного снесенного жилого дома (адрес: ул. Пушкина, 128). В ходе исследования получено 55 ед. керамического материала.

Необходимо отметить, что начиная с шестого горизонта все полученные материалы происходят из Объекта 1 (хозяйственной ямы). Большинство фрагментов керамики неорнаментированные. Из горизонта 7 происходит небольшое количество фрагментов орнаментированной керамики бахмутинской культурной группы (рис. 2, 2, 3). Также были найдены фрагменты керамики турбаслинской культурной группы. Так, венчик лепного сосуда (рис. 2, 1) по классификации Ф. А. Сунгатова относится к Типу 2 – горшочных сосудов стройных пропорций с нечетко выделенным округлым плечом в верхней трети профиля [Сунгатов и др., 2018, с. 78]. Также из данного горизонта происходит фрагмент металлургического шлака.

Из шурфа № 2 получено небольшое количество остеологического материала, характеристика которого представлена ниже⁴. Всего было исследовано 57 фрагментов костей. Вид или род определен для 34 из них, что составляет 58,62 %. Фрагменты костей, не определимые дальше класса, записывались как млекопитающие (*Mammalia indet.*). Фрагментированность костного материала описывалась по опубликованной методике [Ерохин, Бачура, 2011].

Остеологический материал сильно раздроблен, несет на себе следы разрубов и порезов и представляет собой, по всей видимости, кухонные остатки. Видовой состав представлен 4 домашними видами животных, также обнаружен один фрагмент раковины моллюска (табл. 1).

Незначительно количество определимых фрагментов не позволяет провести анализ однородности видового состава и обилия видов по глубине залегания. Однако видно, что общее количество костных фрагментов увеличивается к 7 пласту шурфа. В целом видовой состав животных и характер фрагментации костей соответствует материалам раскопок на памятнике в предыдущие годы. Наибольшее количество костей принадлежит лошади (13 фрагментов) и мелкому рогатому скоту (11 фрагментов). Незначительное количество костей (3 фрагмента) несет следы воздействия огня.

² Стратиграфия шурфа № 1 указывает на то, что верхний слой подвергался смещению и переотложению в ходе работ по сооружению парковки. Также необходимо отметить, что, по сообщению местных жителей, дневная поверхность неоднократно срезалась с целью подсыпки парковочной зоны. В шурфе зафиксирован немногочисленный керамический материал (6 фрагментов, из которых 5 лепных и 1 гончарный).

³ Керамика с горизонтов 2–4 представлена восьмью лепными фрагментами и одной гончарной неорнаментированной стенкой сосуда.

⁴ Определение видового состава выполнено аспирантом отдела археологии ИИЯЛ УФИЦ РАН А. А. Романовым.

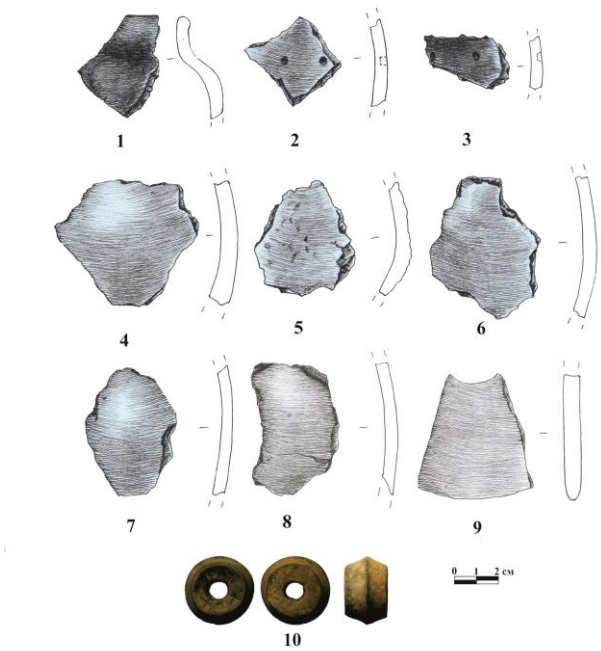

Рис. 2. Вещевой материал поселе городища Уфа-II:
1–7 – фрагменты лепных сосудов; 8 – глиняное пряслице
Fig. 2. Clothing material from the Ufa-II settlement:
1–7 – fragments of molded vessels; 8 – clay spindle whorl

Таблица 1

Видовой состав и количество костей животных
в стратиграфических горизонтах шурфа № 2 (2018 г.)

Table 1

Species composition and number of animal bones
in the stratigraphic horizons of pit no. 2 (2018)

Вид животного	Пласт					
	5	6	7	8	9	10
Крупный рогатый скот – <i>Bos taurus</i>			3		3	
Мелкий рогатый скот – <i>Capra et Ovis</i>		1	4	6		
Лошадь – <i>Equus caballus</i>			8	5		
Свинья – <i>Sus scrofa domesticus</i>	1		1			
Mammalia indet.		1	16	4	1	2
Моллюск – <i>Bivalvia</i> indet.			1			
Всего	1	2	33	15	4	2

Также в данном шурфе было проведено морфологическое и химико-аналитическое исследование почвенного покрова⁵. Анализ морфологических свойств почвы (было выделено 8 слоев) показал, что верхний слой 1 сформировался в результате жизнедеятельности совре-

⁵ Исследования проведены главным научным сотрудником лаборатории почвоведения Уфимского Института биологии УФИЦ РАН д-ром биол. наук Р. Р. Сулеймановым.

менного человека. Формирование слоев 2 и 3 произошло в результате двух процессов: с одной стороны, это антропогенная деятельность человека, с другой – природные почвообразовательные процессы. Слои 4–7 сформировались во время непосредственного функционирования археологического памятника, от других слоев их отличает повышенное содержание валового фосфора (3 727–4 138 мг/кг почвы), при этом содержание гумуса, общего азота, подвижных форм фосфора и калия соответствует фоновым почвам (серые лесные почвы), слагающим Уфимский полуостров (табл. 2). В этих слоях также встречаются фрагменты керамики, костей и древесного угля. Слой 8 представляет собой рыхлую почвообразующую породу легкого механического состава, затронутую природными почвообразовательными процессами [Сулейманов и др., 2019, с. 464, 465].

Таблица 2

Химические свойства почвы шурфа № 2 (2018 г.)

Table 2

Chemical properties of soil from pit no. 2 (2018)

Слой	Мощность, см	pH		Гумус, %	N Общ.	P ₂ O ₅ Вал.	P ₂ O ₅ подв.	K ₂ O подв.
		KCl	H ₂ O					
1	0–50	6,4	7,1	5,3	1 134	3 353	1 620	600
2	50–63	6,5	7,1	5,5	3 269	3 212	1 555	500
3	63–67	6,7	7,6	1,1	992	952	460	110
4	67–80	6,6	7,5	3,4	3 454	4 138	550	125
5	80–101	6,6	7,5	2,8	2 915	5 216	2 520	100
6	101–120	6,6	7,4	2,3	2 057	4 926	2 380	155
7	120–177	6,3	7,3	1,7	1 879	3 727	1 800	170
8	177–190	6,8	7,7	0,6	480	565	273	90

Таким образом, проведенные исследования на территории городища Уфа-II, показали, что культурные слои по своему химическому составу характеризуются повышенным содержанием валового фосфора, а содержание гумуса, общего азота, подвижных форм фосфора и калия соответствует фоновым природным почвам. Общая мощность культурного слоя памятника в данном профиле составляет в среднем 110 см (слои № 4–7). Остальные перекрывающие их слои сформировались в более позднее время.

Шурф № 3 (2021 г.) был расположен в 16 м к северу от шурфа № 2 (2018 г.). Первые горизонты представляли собой насыпной слой суглинка с включением небольших фрагментов строительного мусора мощностью 0,7 м. На уровне шестого горизонта по всему периметру был снят слой асфальта мощностью 0,1–0,15 м, слои под которым были представлены линзами песчано-гравийной смеси и гумусированного суглинка. После вышеописанных стратиграфических слоев начинает фиксироваться археологический материал, представленный в большинстве своем фрагментами лепной керамики (эпохи раннего Средневековья) и единичными фрагментами битой посуды (второй половины XX в.).

В разведочном шурфе был обнаружен керамический материал (61 ед.), аналогичный материалу из шурфа № 2. Таким образом, из двух шурфов было получено 116 ед. керамики. Основная масса керамики (114 ед.) состоит из нескольких культурных групп (КГ), которые идентичны материалам из раскопок цитадели городища (бахмутинская и турбаслинская) [Русланов и др., 2016, с. 45, 46; Сунгатов и др., 2018, с. 76–79]. Необходимо отметить, что планиграфический анализ распределения керамики по горизонтам культурного слоя не выявил какой-либо закономерности ее залегания. Это указывает на совместное проживание данного населения, что уже отмечалось исследователями [Сунгатов и др., 2018, с. 89].

В коллекции также представлены немногочисленные фрагменты (2 ед.) гончарной керамики, бытовавшей в конце XIX – начале XX в.

Индивидуальная находка представлена глиняным биконическим пряслицем, украшенным крестиками на одной площадке (диаметр изделия 3 см, высота 1,8 см, диаметр сквозного отверстия 0,7 см). Биконические пряслица массово представлены в цитадели городища [Сафуанов, Проценко, 2021, с. 91, 92]. Подобный орнамент присутствует на фрагменте лепного горшка и глиняных пряслицах из материалов Кушнаренковского селища [Генинг, 1977, с. 125, 129]. Вещевой материал селища принадлежал различным группам населения второй половины I тыс. н. э. (романовский тип, бахмутинская, турбаслинская и кушнаренковская культуры), памятник датирован исследователем VI–VII вв. [Генинг, 1977]. Фрагмент керамики с крестом был соотнесен автором с кушнаренковской культурой [Там же, с. 122]. Отмечается полное сходство орнаментации одного пряслица из селища и пряслица из городища – четыре крестика на одной из площадок изделия.

Обсуждение результатов

Рекогносцировочные шурфы позволили установить наличие и мощность культурного слоя посада городища. В шурфе № 1 в связи с сильным антропогенным воздействием не удалось зафиксировать стратиграфическое залегание единичных находок керамики. Абсолютно другую картину дал нам шурф № 2, в ходе исследования которого – после вскрытия мощного наносного слоя – удалось зафиксировать не потревоженный культурный слой. Здесь был исследован Объект 1 (хозяйственная яма), зафиксированный на уровне шестого горизонта, в заполнении которого содержалось большое количество керамики турбаслинской и бахмутинской культур. Osteологический материал сильно раздроблен, несет на себе следы разрубов и порезов и представляет собой, по всей видимости, кухонные остатки. Аналогичная картина наблюдается в шурфе № 3, где после вскрытия насыпного слоя зафиксирован культурный слой мощностью 1,2–1,4 м.

Полученный материал в совокупности с предыдущими исследованиями ближайшей округи⁶ свидетельствует, что в эпоху Средневековья укрепленная площадка городища была окружена широким кольцом жилой местности («посад») [Сунгатов и др., 2018, гл. IX]. Турбаслинское и бахмутинское население проживало не только на укрепленной части, материалы которого были зафиксированы предыдущими исследователями, но и за его пределами. Единичные находки керамики Нового времени относятся к жителям г. Уфы (конец XIX – начало XX в.).

Работы 2018 и 2021 гг. подтвердили актуальность проведения исследований, культурных отложений в границах современного мегаполиса, несмотря на мощное антропогенное воздействие (в нашем случае – мощный насыпной слой). В результате были получены стратифицированные находки, связанные не только с Новым временем, но и с более древними эпохами.

Необходимо отметить, что поселенческие объекты эпохи раннего Средневековья на современном этапе изучаются достаточно стабильно. В том числе это касается памятников бахмутинской археологической культуры [Колонских, 2019; 2022], в которых свидетельства распространения культурного слоя за пределами цитадели городищ единичны. Так, к примеру, в ходе исследования Казакларовского I городища В. А. Ивановым было зафиксировано распространение культурного слоя на расстоянии 100 м к северу от внешнего вала. Это дало возможность автору высказать предположение о существовании селища, которое примыкает к городищу и образует с ним единый археологический комплекс. Исследователем заложен

⁶ Здесь в первую очередь стоит отметить, публикацию материалов с городища Уфа-III (занимающего соседний мыс) [Колонских, 2018], материалы которого синхронны городищу Уфа-II.

раскоп (III) площадью 60 кв. м., в котором мощность культурного слоя составила 0,25 м, и изучена хозяйственная яма⁷. В 2022 г. Е. В. Берсенёвым⁸ в ходе работ по определению границ объекта археологического наследия были проведены дополнительные исследования. По их результатам были установлены границы распространения культурного слоя: крайние точки обнаружения археологического материала располагаются в 270 м к СЗ, в 310 м к ССЗ и в 380 м к СВ от условного центра внешнего вала⁹.

В ходе комплексных археологических исследований одного из многослойных памятников (эпохи раннего железного века (кара-абызская культуры) / Средневековья (бахмутинская и чияликская культуры)) Южного Приуралья – Кара-Абызского городища – установлено, что территорию посада активно осваивало только население кара-абызской культуры [Проценко, 2017; 2018]. Также отметим, что рекогносцировочные исследования на некоторых городищах, проведенные непосредственно на территории г. Уфы, не выявили культурного слоя за пределами цитадели городищ [Проценко, 2023]. Таким образом, в немногочисленных укрепленных поселенческих памятниках эпохи раннего Средневековья присутствует археологический материал, однако мощность культурных напластований не превышает 0,25 м.

В настоящий момент можно констатировать, что на территории посада городища Уфа-II зафиксирован стратифицированный культурный слой, связанный с одними из первых насельников городища (бахмутинской и турбаслинской культур). Мощность культурных отложений составляет более 1 м, что позволяет говорить о достаточно долгом функционировании посада городища. Данный факт в совокупности с результатами предыдущих исследований свидетельствует о том, что городище Уфа-II был своего рода центральным поселенческим памятником (торговым и ремесленным центром) в эпоху раннего Средневековья на территории столицы Республики Башкортостан и ближайшей округи.

Список литературы

- Белявская О. С., Проценко А. С.** Керамический комплекс Городища Уфа-II как отражение этнокультурных процессов в эпоху Средневековья (по материалам раскопок 2017 года) // Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур / Под общ. ред. А. И. Уразовой. Уфа: Мир печати, 2018. С. 204–224.
- Белявская О. С., Проценко А. С., Курманов Р. Г.** Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2017 года. Уфа: Первая типография, 2022. 293 с.
- Генинг В. Ф.** Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI–VII вв. н. э.) // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа: БФАН СССР, 1977. С. 90–136.
- Ерохин Н. Г., Бачура О. П.** Новый подход к компьютерной формализации раздробленности костных остатков млекопитающих в археологических исследованиях // Методика междисциплинарных археологических исследований: Сб. науч. ст. и метод. рекомендаций. Омск: Наука, 2011. С. 62–69.
- Иванов В. А.** Как конструировался некрополь города «Башкорт» // Тр. Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь: ПГГПУ, 2020. Вып. 16. С. 76–89.

⁷ Иванов В. А. Отчет о разведке и раскопках в Башкирской АССР в 1980 г. // Архив Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН. Л. 6.

⁸ Авторы выражают благодарность Е. В. Берсенёву за возможность использовать неопубликованные материалы.

⁹ Всего было заложено 6 рекогносцировочных шурфов, в одном из которых (№ 3) зафиксированы находки. Зафиксировано 7 участков сбора подъемного археологического материала (фрагменты лепной керамики бахмутинского типа). См.: Берсенёв Е. В. Научный отчет об итогах археологической разведки на территории Давлекановского, Дуванского, Дюртюлинского, Илишевского, Краснокамского, Салаватского районов Республики Башкортостан в 2022 году (Открытый лист № 2315-2022) // Архив ООО «ЦРТИ».

- Иванов В. А., Белавин А. М.** Город «Башкорт» – а был ли мальчик? Рецензия на монографию: К проблеме городов Южного Урала эпохи Средневековья / Сунгатов Ф. А., Султанова А. Н., Бахшиева А. К., Мухаметдинов В. И., Русланова Р. Р., Русланов Е. В. / Сост. и науч. ред. Ф. А. Сунгатов // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. № 1. С. 85–99.
- Колонских А. Г.** Средневековые материалы городища Уфа-III (по данным раскопок М.Х. Садыковой 1969 г.) // Genesis: исторические исследования. 2018. № 10. С. 72–83.
- Колонских А. Г.** Городища Уфимско-Бельского междуречья: историография и археологические реалии // Уфимский археологический вестник. 2019. № 19. С. 82–94.
- Колонских А. Г.** Бахмутинская культура // Археология Волго-Уралья: В 7 т. / Ин-т археологии им. А. Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А. Г. Ситдикова; отв. ред. Р. Д. Голдина. Казань: АН РТ, 2022. Т. 4: Эпоха Великого переселения народов. С. 334–344.
- Мажитов Н. А., Султанова А. Н.** История Башкортостана. Древность. Средневековье. Уфа: Китап, 2010. 496 с.
- Проценко А. С.** Некоторые итоги изучения Кара-Абызского городища (по материалам реконструированных работ 2015 г.) // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 127–134.
- Проценко А. С.** Кара-Абызское городище в лесостепном Предуралье: новые материалы // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И. Б. Васильева. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. С. 240–242.
- Проценко А. С.** Исследование средневекового городища Уфа II // Археологические открытия. 2018 год / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: ИА РАН. 2020. С. 391–393.
- Проценко А. С.** Новые материалы с поселенческих памятников кара-абызской культуры Уфимского полуострова // Уфимский археологический вестник. 2023. Т. 23, № 1. С. 141–149.
- Русланов Е. В., Шамсутдинов М. Р., Романов А. А.** Раннесредневековые древности Уфимского полуострова. Городище Уфа-II. Материалы археологических раскопок 2015 года. Уфа: РИКМЗ «Древняя Уфа», 2016. 276 с.
- Савельев Н. С.** О южной границе лесных и лесостепных культур на Урале в I тысячелетии до н. э. // Поволжская Археология. 2017. № 1 (19). С. 114–129.
- Савельев Н. С.** Южный Урал в I тыс. до н. э. – особая контактная зона на крайнем востоке Европы // Уфимский археологический вестник. 2019. № 19. С. 39–50.
- Сафуанов Ф. Ф., Проценко А. С.** Глиняные пряслица с городища Уфа-II // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2021. Т. 41, № 4 (104). С. 89–99.
- Сулейманов Р. Р., Кунгурцев А. Я., Проценко А. С., Шутелева И. А., Щербаков Н. Б.** Морфологические свойства почв археологических памятников г. Уфы (Республика Башкортостан) // Экобиотех. 2019. Т. 2, № 4. С. 462–467.
- Сунгатов Ф. А.** Южный Урал в период Великого переселения народов // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Великое переселение народов: диалог культур / Отв. ред. С. Г. Боталов. Челябинск, 2020. С. 66–83.
- Сунгатов Ф. А., Султанова А. Н., Бахшиева А. К., Мухаметдинов В. И., Русланова Р. Р., Русланов Е. В.** К проблеме городов Южного Урала эпохи Средневековья. Уфа: Самрау, 2018. 335 с.

References

- Belyavskaya O. S., Protsenko A. S.** Keramicheskii kompleks Gorodishcha Ufa-II kak otrazhenie etnokul'turnykh protsessov v epokhu srednevekov'ya (po materialam raskopok 2017 goda) [Ancient settlement ceramic Complex Ufa-II as a reflection of ethnocultural processes in the era of Middle Ages (according to the excavations in 2017)] In: Drevnie i srednevekovye

- obshchestva Evrazii: perekrestok kul'tur [Eurasia ancient and medieval communities: cultural crossroads]. Materials of International Academic Symposium. Ufa, Mir pechati Publ., 2018, pp. 204–224. (in Russ.)
- Belyavskaya O. S., Protsenko A. S., Kurmanov R. G.** Gorodishche Ufa-II. Materialy raskopok 2017 goda [Ufa-II hillfort. Materials of 2017 excavation]. Ufa, Pervaya tipografiya Publ., 2022, 293 p. (in Russ.)
- Gening V. F.** Pamyatniki u s. Kushnarenkovo na r. Beloi (VI–VII vv. n. e.) [Arkheological sites near the village Kushnarenkovo on the Belaya River (6th – 7th centuries AD)]. In: Issledovaniya po arkheologii Yuzhnogo Urala [Studies on the archeology of the Southern Urals]. Ufa, BFAN SSSR Publ., 1977, pp. 90–136. (in Russ.)
- Erokhin N. G., Bachura O. P.** Novyi podkhod k komp'yuternoi formalizatsii razdroblennosti kostnykh ostatkov mlekoopitayushchikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh [A new approach to computer formalization of the fragmentation of bone remains of mammals in archaeological research] In: Metodika mezhdistsiplinarnykh arkheologicheskikh issledovaniy [Methodology for Interdisciplinary Archaeological Research]. Omsk, Nauka, 2011, pp. 62–69. (in Russ.)
- Ivanov V. A.** Kak konstruirovalsya nekropol' goroda “Bashkort” [How the necropolis of “Bashkort city” was designed]. In: Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii [Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographic Expedition]. Perm, PGGPU Press, 2020, iss. 16, pp. 76–89. (in Russ.)
- Ivanov V. A., Belavin A. M.** The town of Bashkort – real or imaginary? Monograph Review: The Issue of Southern Ural Towns in the Middle Ages. F. A. Sungatov, A. N. Sultanova, A. K. Bakhshieva, V. I. Mukhametdinov, R. R. Ruslanova, E. V. Ruslanov. Comp. and ed. by F. A. Sungatov. *Humanitarian Studies. History and Philology*, 2021, no. 1, pp. 85–99. (in Russ.)
- Kolonskikh A. G.** Srednevekovye materialy gorodishcha Ufa-III (po dannym raskopok M. Kh. Sadykovi 1969 g.) [Medieval materials of the Ufa-III settlement (according to the excavations of M. H. Sadykova in 1969)]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya* [Genesis: Historical Research], 2018, no. 10, pp. 72–83. (in Russ.)
- Kolonskikh A. G.** Gorodishcha Ufimsko-Bel'skogo mezhdurech'ya: istoriografiya i arkheologicheskie realii [Ancient hillforts of the Ufa-belaya interfluvium: historiography and archaeological realities]. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik* [Ufa Archaeological Bulletin], 2019, vol. 19, pp. 82–94. (in Russ.)
- Kolonskikh A. G.** Bakhmutinskaya kul'tura [Bakhmutin culture]. In: Arkheologiya Volgo-Uralia [Archaeology of the Volga-Urals]. Kazan, AN RT Publ., 2022, vol 4, pp. 334–344. (in Russ.)
- Mazhitov N. A., Sultanova A. N.** Istoriya Bashkortostana. Drevnost'. Srednevekov'e [History of Bashkortostan. Antiquity. Middle Ages]. Ufa, Kitap Publ., 2010, 496 p. (in Russ.)
- Protsenko A. S.** Nekotorye itogi izucheniya Kara-Abyzskogo gorodishcha (po materialam rekonostsirovannykh rabot 2015 g.) [Certain Results of Studying Kara-Abyz Settlement (Based on the Materials of Reconnaissance Works Conducted in 2015)]. *Arkheologiya Evraziiskikh stepei* [Archeology of the Eurasian steppes], 2017, no. 4, pp. 127–134. (in Russ.)
- Protsenko A. S.** Kara-Abyzskoe gorodishche v lesostepnom Predural'e: novye materialy [Kara-Abyz settlement in the forest-steppe of Prisduralie: new materials]. In: XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie. Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem [XXI Ural archaeological meeting. Proceedings of the all-Russian conference with international participation]. Samara, SGSPU Press, 2018, pp. 240–242. (in Russ.)
- Protsenko A. S.** Issledovanie srednevekovogo gorodishcha Ufa II [Study of the medieval settlement Ufa-II]. In: Arkheologicheskie otkrytiya. 2018 god [Archaeological discoveries. 2018]. Moscow, IA RAS Publ., 2020, pp. 391–393. (in Russ.)
- Protsenko A. S.** Novye materialy s poselencheskikh pamyatnikov kara-abyzskoi kul'tury Ufimskogo poluoostrova [New materials from settlement monuments of the Kara-abyz culture of the

- Ufimisky peninsula]. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik [Ufa Archaeological Bulletin]*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 141–149. (in Russ.)
- Ruslanov E. V., Shamsutdinov M. R., Romanov A. A.** Rannesrednevekovye drevnosti Ufimskogo poluostrova. Gorodishche Ufa-II. Materialy arkheologicheskikh raskopok 2015 goda [The ancient settlement Ufa-II – an early medieval monument on the Belaya River. Materials of excavations in 2015 year]. Ufa, Drevnyaya Ufa Publ., 2016, 276 p. (in Russ.)
- Saveliev N. S.** O yuzhnoi granitse lesnykh i lesostepnykh kul'ur na Urale v I tysyacheletii do n. e. [On the Southern Border of the Forest and Forest-Steppe Cultures in the Urals in the 1st Millennium BC]. *Povolzhskaya arkheologiya [The Volga River Region Archaeology]*, 2017, no. 1 (19), pp. 114–129. (in Russ.)
- Saveliev N. S.** Yuzhnyi Ural v I tys. do n. e. – osobaya kontaktnaya zona na krainem vostoке Evropy [Southern Urals in the 1st Millennium BC as a special contact zone in the far East of Europe]. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik [Ufa Archaeological Bulletin]*, 2019, vol. 19, pp. 39–50. (in Russ.)
- Safuanov F. F., Protsenko A. S.** Glinyanye pryaslitsa s gorodishcha Ufa-II [Clay spindles from the ancient settlement of Ufa-II]. *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan [Herald of the Academy of sciences of the Republic Bashkortostan]*, 2021, vol. 41, no. 4 (104), pp. 89–99. (in Russ.)
- Suleimanov R. R., Kungurtsev A. Ya., Protsenko A. S., Shuteleva I. A., Shcherbakov N. B.** Morfologicheskie svoystva pochv arkheologicheskikh pamyatnikov g. Ufy (Respublika Bashkortostan) [Morphological properties of soils of archaeological monuments of Ufa city (Republic of Bashkortostan)]. *Ekobiotech [Ecobiotech]*, 2019, vol. 2, no. 4, pp. 462–467. (in Russ.)
- Sungatov F. A., Sultanova A. N., Bakhshieva A. K., Mukhametdinov V. I., Ruslanova R. R., Ruslanov E. V.** K probleme gorodov Yuzhnogo Urala epokhi srednevekov'ya [On the problem of the cities of the Southern Urals of the Middle Ages]. Ufa, Samrau Publ., 2018, 335 p. (in Russ.)
- Sungatov F. A.** Yuzhnyi Ural v period Velikogo pereseleniya narodov [The Southern Urals during the Great Migration of Peoples]. In: Botalov S. G. (ed.). *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale. Velikoe pereselenie narodov: dialog kul'tur [Ethnic interactions in the Southern Urals. The Great Migration of Peoples: a dialogue of cultures]*. Chelyabinsk, 2020. pp. 66–83. (in Russ.)

Информация об авторах

- Антон Сергеевич Проценко**, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии, научный сотрудник
Scopus Author ID 57216532161
WoS Researcher ID JNE-2552-2023
RSCI Author ID 827283
SPIN 2599-5360
- Фанис Фларисович Сафуанов**, научный сотрудник
WoS Researcher ID JPL-7758-2023
RSCI Author ID 1209468
SPIN 4613-6870

Information about the Authors

Anton S. Protsenko, Candidate of Sciences (History), Head of the Department of Archeology, Researcher

Scopus Author ID 57216532161

WoS Researcher ID JNE-2552-2023

RSCI Author ID 827283

SPIN 2599-5360

Fanis F. Safuanov, Researcher

WoS Researcher ID JPL-7758-2023

RSCI Author ID 1209468

SPIN 4613-6870

Вклад авторов:

А. С. Проценко – разработка концепции исследования, анализ материала, обобщение результатов, подготовка макета научной статьи.

Ф. Ф. Сафуанов – подготовка иллюстративного материала, доработка текста.

Contribution of the Authors:

Anton S. Protsenko – development of the research concept, analysis of the material, generalization of the results, preparation of the layout.

Fanis F. Safuanov – preparation of illustrative material, revision of the text.

*Статья поступила в редакцию 12.12.2023;
одобрена после рецензирования 15.01.2024; принята к публикации 15.01.2024
The article was submitted on 12.12.2023;
approved after reviewing on 15.01.2024; accepted for publication on 15.01.2024*

Научная статья

УДК 902/904

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-111-121

Конструкция надземной части тыновых стен оборонительных сооружений Русского государства в Сибири и на Дальнем Востоке в конце XVI – начале XVIII века

Сергей Валерьевич Горохов

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

gorokhov.sv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8100-5924>

Аннотация

Реконструируется устройство надземной части тыновых стен, выясняется вариативность отдельных параметров и их связи с географическим положением оборонительного сооружения, его военно-административным статусом и другими характеристиками. Современные представления о конструкции надземной части тыновой стены соответствуют таковым более чем 150-летней давности. Проведенное нами исследование позволило исправить сложившуюся ситуацию и сформировать обобщенное представление о характеристиках надземной части тыновых стен. В ходе исследования было установлено, что в конце XVI – начале XVIII в. существовали тыновые стены различных конструкций. Конструкция стены зависела от большого количества факторов как антропогенного и социального, так и природного характера. В частности, было установлено, что высота тына была его главной характеристикой. В некоторых условиях было целесообразно возводить тыновые стены из полубревен, существовали также тыновые стены из бревен, поставленных с промежутком между ними. Разреженный тын применялся на участках стен, которые не имели помоста, шли криволинейно и / или не имели башен.

Ключевые слова

острог, город, зимовье, деревянные оборонительные сооружения, тын, Сибирь, Дальний Восток

Благодарности

Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021)

Для цитирования

Горохов С. В. Конструкция надземной части тыновых стен оборонительных сооружений Русского государства в Сибири и на Дальнем Востоке в конце XVI – начале XVIII века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 3: Археология и этнография. С. 111–121. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-111-121

Construction of the Aboveground Part of the Tyn Walls of the Fortifications in the Russian State in Siberia and the Far East in Late 16th – Early 17th Century

Sergei V. Gorokhov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

gorokhov.sv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8100-5924>

Abstract

Purpose. The purpose of the research, the results of which are presented in this article, was to reconstruct the structure of the above-ground part of the tyn walls, to clarify the variability of individual parameters and their relationship with the geographical location of the fortification, its military-administrative status, and other characteristics.

Results. As a result of the conducted research, it was found that modern ideas of the design of the aboveground part of the tyn wall correspond to those of more than 150 years ago. Our research made it possible to correct the current situation and form a generalized idea of the characteristics of the aboveground part of the tyn walls in Siberia and the Far East. In particular, it was found that 1) the tyn construction on and in the rampart was untypical for the Trans-Urals; 2) there was a certain standard for the height of the ostrog walls; 3) the tyn height was its main characteristic, which determined the defense capability of the entire object; 4) the tyn height was determined by the military-administrative status of the fortification and/or the military-political situation at the time of its construction; 5) the tyn thickness was not essential for defense capability, therefore, in particular, walls of half-logs were erected; 6) the tyn thickness in large military-administrative centers was greater than in ordinary ostrogs; 7) there were conditions under which it was advisable to erect a tyn wall of half-logs; 8) weapon ports were made in one tyn and had a vertically elongated shape; 9) there were tyn walls made of logs placed with gaps between them (sparse tyn); 10) the sparse tyn was used on those sections of the walls that did not have a platform, were non-rectilinear, and/or did not have towers.

Conclusions. The study established that in late 16th – early 17th centuries there were tyn walls of various designs. The wall structure depended on a large number of anthropogenic, social, and natural factors.

Keywords

ostrog, city, winter cabin, wooden fortifications, tyn, Siberia, Far East

Acknowledgements

The study was conducted as a part of the implementation of the State Task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the field of scientific activity (project no. FSUS-2020-0021)

For citation

Gorokhov S. V. Construction of the Aboveground Part of the Tyn Walls of the Fortifications in the Russian State in Siberia and the Far East in Late 16th – Early 17th Century. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 111–121. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-111-121

Введение

Тын был самым распространенным типом стен в сибирских городах и острогах, поэтому воссоздание конструкции этого архитектурного элемента является важной научной задачей при изучении фортификации в Зауралье. Цель исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, состояла в реконструкции устройства надземной части тыновых стен, выяснении вариативности отдельных параметров и их связи с географическим положением оборонительного сооружения, его военно-административным статусом и другими характеристиками.

Тыновые стены сибирских острогов неоднократно становились объектом изучения историков архитектуры. В историографическом обзоре мы остановимся только на тех аспектах, которые непосредственно связаны с содержанием данной статьи.

Ф. Ф. Ласковский полагал, что следует выделять три разновидности тыновых стен «по месту и цели употребления»: острожные, на земляном городском валу и посадские. Острожный тын помещался на «местном горизонте» или на вершине небольшого земляного вала. Его высота была от 2 до 3 сажень (4,32–6,48 м). Бревна стояли вплотную друг к другу. Тын на городском земляном валу должен был быть невысоким, так как высокий вал сам

по себе являлся достаточным препятствием. Помост не устраивался в силу трудоемкости его изготовления из-за большой протяженности стен. Стрельба велась через промежутки между бревнами. Тынины посадских острогов также стояли «с промежутками». Тын мог устанавливаться на дне рва в один или два ряда. Верхние части тынин заострялись. Ф. Ф. Ласковский предполагал, что до появления специальных осадных машин и артиллерии главной характеристикой стены, определявшей ее обороноспособность, была высота. Он допускал, что главные города княжеств имели стены выше прочих [Ласковский, 1858, с. 16, 84, 100, 103, 104, 106]. Как будет показано далее, многие выводы Ф. Ф. Ласковского полностью или частично подтвердились на сибирской источниковой базе.

К. С. Носов применительно к русской архитектуре VIII–IX вв. сообщает, что высота тына составляла 3–4 м. Диаметр тынин – 13–18 см. Автор указывает, что эти параметры выведены по археологическим материалам более позднего времени, но не сообщает, по каким именно, и не указывает, были ли среди них материалы эпохи первоначального освоения Сибири [Носов, 2002, с. 8, 9].

М. В. Красовский, С. Н. Баландин, Н. П. Крадин и отчасти К. С. Носов повторяют выводы Ф. Ф. Ласковского, не добавляя к ним ничего нового [Баландин, 1974, с. 12–17; Крадин, 1986, с. 241–244; Красовский, 2002, с. 98–101; Носов, 2009, с. 67]. Необходимо констатировать, что в настоящее время наши представления о рассматриваемых в данной статье вопросах соответствуют таковым более чем 150-летней давности и не показывают сибирской специфики. Между тем за истекший период были опубликованы новые письменные, изобразительные и этнографические источники по теме исследования и проведены многочисленные археологические раскопки. Учет этих историографических фактов придает настоящему исследованию научную новизну и актуальность.

Основные характеристики надземной части тыновых стен

Как следует из труда Ф. Ф. Ласковского, параметры тыновых стен в значительной степени определялись местом их расположения. Практика возведения тыновых стен на валу не была распространена в Сибири. Известно лишь несколько таких прецедентов: в Тобольске [Адамов и др., 2008, с. 59], в Березове и Ялutorовске [Ласковский, 1858, с. 28, 30], а также в Комарском остроге. Последний случай не является типичным, так как оборонительные сооружения возводились в большой спешке для отражения нападения маньчжуров, обладавших артиллерией. Кроме этого, вероятно, строители испытывали дефицит в древесине, так как для возведения стен употребили материал разобранных судов. Долговременное использование этого оборонительного сооружения не предполагалось [Русско-китайские отношения..., 1969, с. 207]. Нам представляется, что в данном случае правильнее было бы говорить о тыне, обсыпанном грунтом, как во временных лагерях (таборах) [Акты..., 1890, с. 468]¹. Свидетельства сооружения тына во рву имеются только в первоначальном Березовском остроге [Мыглан и др., 2010, с. 28].

В условиях отсутствия у коренных жителей Сибири и Дальнего Востока артиллерии и проломных машин одним из ключевых факторов обороноспособности деревянных оборонительных сооружений, как это будет показано далее, становится высота стен, которые противник должен был преодолевать при штурме укрепления. Основным источником для реконструкции этого параметра является деловая переписка между местными администрациями и вышестоящими органами власти. Наряду с письменными источниками информацию о высоте тыновых стен можно почерпнуть из результатов археологических исследований, в ходе которых удалось обнаружить сохранившиеся тыновины (Тобольск, Ляпинский и Казымский остроги) [Матвеев, Аношко, 2011, с. 52; Молодин и др., 2018; Палашенков, 1963, с. 165],

¹ В источнике сообщается об обсыпке тына снегом, смешанным с навозом. Аналогичного примера для летнего времени нам обнаружить не удалось, но мы полагаем, что в теплое время года тыновые стены во временных лагерях могли устанавливаться именно так.

а также из изобразительных источников (Красноярский острог) [Царев В. И., Царев В. В., 2019, с. 39, рис. 4].

Высота тыновых стен оборонительных сооружений Русского государства в Сибири находилась в широком диапазоне – от 2,55 до 7,9 м. Высота тына до 3,6 м была относительно редким явлением. Чаще всего стена имела высоту от 3,6 до 4,32 и от 5,04 до 5,4 м². Стены, высота которых превышала верхнюю границу второго диапазона, встречались редко.

Высота тыновых стен острогов зависела от их военно-административного статуса и военно-политической обстановки, которая складывалась в том или ином регионе. В главных укреплениях³ при военно-административных центрах (Березов, Верхотурье, Енисейск, Илимск, Иркутск, Якутск) средняя высота тыновых стен составляла 5,28 м. Выше средней высоты были стены в слободах на юге Западной Сибири и в оборонительных сооружениях на Камчатке (5,04 м), которые возводились и существовали в условиях постоянной военной опасности. Высота стен в прочих острогах и зимовьях в среднем составляла 4,5 м.

Если о высоте стен мы можем судить преимущественно на основе письменных источников, то о диаметре тынин – почти исключительно по результатам археологических исследований. Чаще всего тыновые стены возводились из бревен диаметром от 13,5 до 27 см. Как и в случае высоты стен, наблюдается связь между военно-административным статусом оборонительного сооружения и толщиной бревен тына: в крупных военно-административных центрах бревна городского и посадского тына имеют средний диаметр 22,3 см (5 вершков); оборонительные сооружения более низкого статуса – 16,6 см (3,5 вершка)⁴.

Сопоставить напрямую высоту тына и диаметр его бревен не удалось, так как данные о высоте содержатся преимущественно в письменных источниках, а о толщине – в археологических. Установить принадлежность разнородных данных к одному и тому же объекту не представляется возможным. Однако описанные закономерности позволяют выполнить такое сравнение косвенно: чем выше тыновая стена, тем толще бревна, использованные для ее возведения. Такой вывод кажется банальным, так как чем длиннее бревно, тем оно должно быть толще в силу естественных причин. Но для изготовления тыновин можно было заготовить более толстые бревна любой длины во всем диапазоне высот – от 2,55 до 7,2 м. Однако приоритет отдавался не толщине бревен, а их длине, так как именно высота тына, а не его толщина имела ключевое значение для обороноспособности укрепления. Именно поэтому в письменных источниках редко можно встретить информацию о толщине бревен тына и, напротив, весьма часто – об их длине. Иногда прямо предписывалось заготавливать на острожное строительство легкий лес. Очевидно, что подразумевалась толщина бревен, а не их длина [Татауров, Черная, 2015, с. 411; Вершинин, Шашков, 2002, с. 130; Миллер, 1999, с. 348]. В пользу такого вывода также свидетельствует практика использования полубревен в строительстве тыновых стен. По письменным и археологическим источникам известно, что такие стены были у Енисейского и Тарского посадских острогов, в Иркутске (отдельные тынины), Томске и Умревинском остроге [Бородовский, Горохов, 2008, с. 75, рис. 8; Воробьева и др., 2011, с. 152, 153; Черная, 2015, с. 166; Археологическая летопись..., 2019, с. 298]⁵.

Практическая целесообразность в использовании полубревен при возведении тыновых стен состояла, вероятно, в экономии строевого леса и / или трудозатрат по заготовке бревен. Осуществить такую экономию можно было при наличии ряда нижеперечисленных условий:

1) тыновая стена не должна быть слишком высокой, так как чем длиннее бревно, тем сложнее его расколоть;

² Анализ высоты тына ведется в интервалах, кратных одному аршину.

³ Без учета стен, окружавших посады.

⁴ При определении среднего диаметра тынин не учтены аномально толстые бревна из Тары (до 50 см) и тынины из Мангазеи, которая находилась в тундровой зоне и испытывала дефицит строевого леса.

⁵ См. также: Книга Енисейского острога о числе сделанных в новом остроге всяких строений. URL: https://sibrelis.ucoz.ru/publ/akty_istoricheskie_1660_1669gg/akty_istoricheskie_1666g/1666/98-1-0-1350 (дата обращения 24.05.2019).

2) необходимо использовать бревна, волокна древесины которых идут прямолинейно, в противном случае не удастся получить две тынины из одного бревна;

3) трудозатраты по раскалыванию одного бревна должны быть существенно меньше трудозатрат по заготовке и доставке дополнительного бревна;

4) брак при раскалывании бревен должен быть относительно невелик.

Тынины из полубревен в письменных источниках называются колотыми, следовательно, они изготавливались именно путем раскалывания бревна, а не разделения его на две половины с использованием вертикальных пил для продольного пиления, которые появились в Сибири только во второй половине XVIII в. [Татауров, 2018, с. 28].

В связи с тем что колотые тынины имеют сложную форму, необходимо специально рассмотреть вопрос об их сплачивании между собой и ориентации в стене. Практически возможны следующие варианты ориентации колотых тынин относительно друг друга:

1) тынины прилегают друг к другу таким образом, что плоская сторона всех тынин обращена в одну сторону;

2) плоские части соседних тынин ориентированы в противоположных направлениях.

Судить о том, как колотые тынины были расположены относительно друг друга, мы можем, только опираясь на результаты археологических исследований Умревинского острога, в котором было зафиксировано, что колотые тынины закругленной стороной были ориентированы наружу [Бородовский, Горохов, 2008, с. 75].

В источниках отсутствуют сведения о том, что тынины из колотых бревен как-то по-особенному скреплялись между собой. Следовательно, применялось крепление в «ласточкин хвост»⁶. Вероятно, оно отличалось лишь уменьшенной глубиной паза в полубревне. При этом паз должен был изготавливаться на плоской стороне колотой тынины, которая была обращена к внутреннему двору острога. Крепление в «ласточкин хвост» не могло быть устроено на внешней стороне стены, так как достаточно было бы перерубить горизонтальную связь, чтобы устроить пролом в стене.

Рассматривая конструкцию надземной части тыновой стены, необходимо осветить вопрос об устройстве бойниц. Стрельба из-за тыновой стены могла вестись либо поверх нее с помоста, либо через бойницы, которые располагались на одном или двух уровнях. Для этого применялось ручное огнестрельное оружие или луки. Стрельба из последних могла вестись только поверх тыновой стены из-за невозможности прицельной стрельбы через бойницы. Артиллерия из-за тыновых стен не применялась. Соответственно размер, расположение и конструкция бойниц были адаптированы для ручного огнестрельного оружия. В письменных источниках отсутствует информация о размерах и способах устройства бойниц в тыновых стенах. Археологических данных по этой теме также нет. Лишь в иллюстрациях к Кунгурской летописи имеются изображения бойниц в тыновых стенах сибирских оборонительных сооружений. Изучение этих иллюстраций показывает, что бойницы были вытянуты по вертикали и устраивались путем прорубания отверстия не через две соседние тынины, а только в одной⁷. Учитывая этот факт, а также знание о среднем диаметре тынин (20–22 см), можно реконструировать метрические параметры бойниц: ширина 10–11 см, высота около 20 см. Стенки бойницы в тынине скашивались для увеличения горизонтального угла обстрела. В аналогичных скосах в соседней тынине необходимости не было, так как она имела естественное скругление (рис. 1). Ствол огнестрельного оружия опирался на нижнюю часть бойницы. Это позволяло вести более меткую стрельбу, не допуская колебаний ствола. Пространства бойницы над стволом было достаточно для наблюдения за противником и прицеливания.

⁶ См.: Горохов С. В. Способы скрепления тынин в острожных стенах в Сибири и на Дальнем Востоке в конце XVI – начале XVIII века // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024 (в печати).

⁷ Подтверждением того, что такое изображение бойниц в тыновых стенах не является уникальной особенностью иллюстраций С. У. Ремезова, выступает изображение бойниц в тыновой стене на фреске с сюжетом из жизни Фоманы Александрийской в храме Иоанна Предтечи в Ярославле.

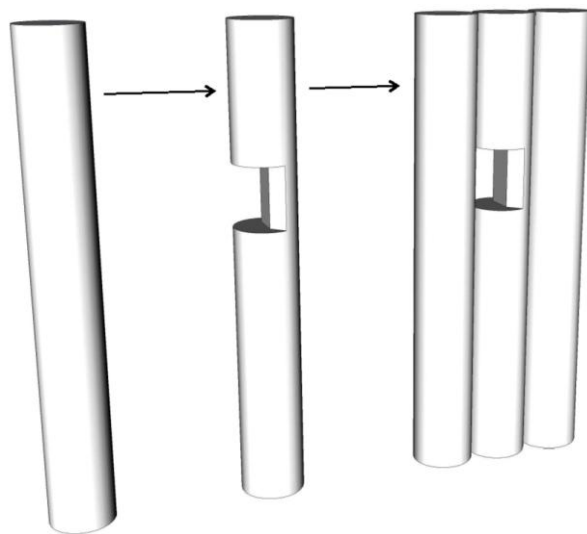

Рис. 1. Конструкция бойницы в тыновой стене
Fig. 1. The design of the loophole in the rear wall

Ф. Ф. Ласковский указывает на то, что тынины в стенах на высоком валу, а также в посадских острогах устанавливались с некоторым промежутком. Вероятно, он экстраполировал в прошлое такой способ установки тынин, который бытовал в его время или незадолго до того. Мы пришли к такому выводу, так как Ф. Ф. Ласковский не приводит источниковой базы под данный тезис. Однако это не исключает того, что такие стены действительно существовали в исследуемый период. Нам не удалось обнаружить в письменных источниках упоминаний о такой конструкции стен. Однако археологические, изобразительные и этнографические источники позволяют предположить, что подобные стены в Сибири встречались. В ходе археологических исследований Верхотурья [Корчагин, 2012, с. 170], Сосновского и Умревинского остро-

рогов были выявлены остатки тыновых стен в виде круглых тынин относительно хорошей сохранности, расположенных на некотором расстоянии друг от друга (рис. 2). Можно было бы предположить, что остатки всех тынин равномерно сгнили со всех сторон на одну и ту же величину. Однако это представляется невероятным. Должны быть зафиксированы тынины неправильной формы в поперечном разрезе, а также участки тына с плотно стоящими бревнами. Существует много археологических прецедентов, когда бревна аналогичной сохранности расположены вплотную друг к другу. Поэтому мы полагаем, что в этих трех случаях были зафиксированы остатки тыновых стен из бревен, стоящих на некотором расстоянии друг от друга.

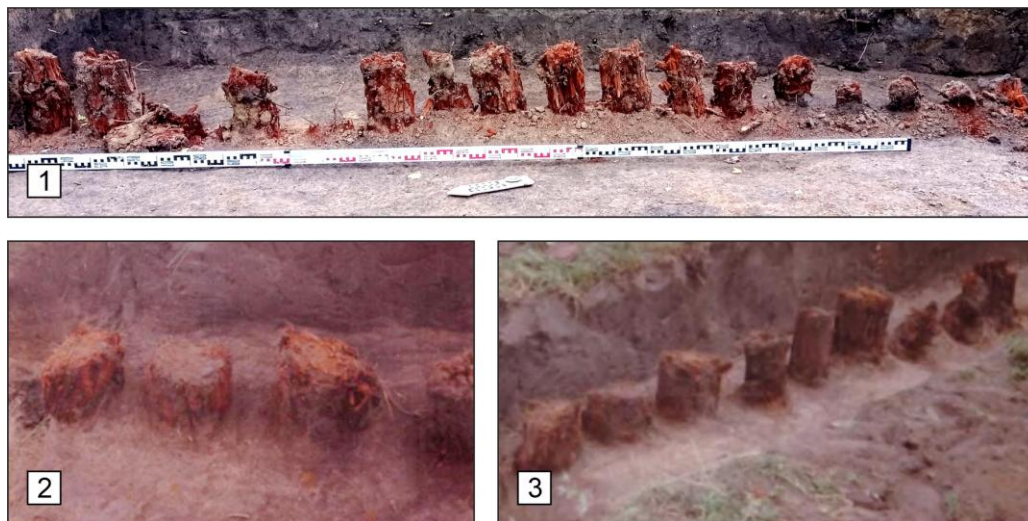

Рис. 2. Остатки разреженных тыновых стен:

- 1 – северная половина восточной тыновой стены Умревинского острога (фото автора);
2, 3 – тыновая стена Сосновского острога [Ширин, 1997, с. 26, 27]

Fig. 2. Remnants of sparse rear walls:

- 1 – the northern half of the eastern rear wall of the Umreva ostrog (photo by the author);
2, 3 – the rear wall of the Sosnovsky ostrog [Shirin, 1997, p. 26, 27]

На плане проекта Красноярска 1748 г. изображена тыновая стена с промежутками между бревнами [Царев В. И., Царев В. В., 2019, с. 39, рис. 4]. В с. Десятниково Тарбагатайского р-на Республики Бурятия И. В. Маковецкий зафиксировал аналогичную стену в качестве ограждения усадьбы [Маковецкий, 1975, с. 44, рис. 15; прилож., рис. 19]. Способ скрепления отдельных бревен в такую тыновую стену рассмотрен нами в специальной статье⁸.

На первый взгляд разреженный тын является весьма слабым оборонительным сооружением и его возведение лишено фортификационного смысла. Однако это не так. Предположим, что имеется участок плотной тыновой стены, не снабженный помостом и не имеющий башен для наблюдения и ведения стрельбы вдоль стены, либо стена имеет изгиб (косой острог⁹). Через бойницы невозможно вести наблюдение и поражать противника, который подошел вплотную к стене. Способом избежать возникновения такой ситуации является возведение тыновой стены с промежутками между бревнами. Через пространство между бревнами всегда можно видеть и поражать противника¹⁰, даже если он подступил вплотную к стене. Пока противник находится на достаточно большом расстоянии от стены его основное оружие дистанционного боя – стрелы – не представляли большой угрозы для гарнизона острога, так как стрела должна быть направлена практически перпендикулярно одному из промежутков между бревнами, чтобы после преодоления стены не потерять убойной энергии. Такие случаи хоть и возможны, но относительно маловероятны. Бороться с этим можно было путем применения индивидуальных деревянных щитов. Они же были достаточно эффективны и в ближнем бою, когда противник подступал вплотную к стене. Существенными недостатками такой стены были 1) возможность противника воздействовать на обороняющихся сквозь стену и 2) возможность перерубания горизонтальной связи бревен в стене, после чего можно было устроить в ней пролом.

Возведение тыновой стены с промежутками между бревнами существенно снижало объем необходимого строительного материала, требования к его качеству и трудозатраты, так как не было необходимости в подгонке тынин друг к другу, возведении помоста и дополнительных башен.

Ф. Ф. Ласковский концептуально был прав, утверждая, что такие стены устраивались в фортификационных сооружениях с большой протяженностью стен, так как возведение плотного тына с помостом требовало большого количества строительного материала и трудозатрат. От себя добавим, что применение разреженного тына было целесообразно также в косых острогах с непрямолинейными стенами и в пролетах стен, на концах которых отсутствовали башни или функционально подобные башням сооружения. На сибирском и дальневосточном материале не удалось установить применение таких стен в протяженных и непрямолинейных тыновых стенах (посадские остроги). Однако выявлено, что они применялись при возведении обычных острогов.

Заключение

В результате проведенного исследования было установлено, что современные представления о конструкции надземной части тыновой стены соответствуют таковым более чем 150-летней давности. Прodelанная нами работа позволила исправить сложившуюся ситуацию и сформировать достаточно полное обобщенное представление о характеристиках надземной части тыновых стен в Сибири и на Дальнем Востоке. В ходе исследования было установлено, что в конце XVI – начале XVIII в. существовали тыновые стены различных

⁸ См. рис. 6 в: Горохов С. В. Способы скрепления тынин в острожных стенах в Сибири...

⁹ См.: Горохов С. В. Косые и козельчатые остроги в Русском государстве в XVII – начале XVIII в. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2024 (в печати).

¹⁰ Пока противник не подошел к стене, его можно поражать из огнестрельного оружия через промежутки между тынинами. Если противник вплотную подошел к стене, то его поражение из огнестрельного оружия становится затруднительным. В таком случае целесообразно было использовать колющее оружие на длинном древке.

конструкций. Их параметры зависели от военно-административного статуса фортификационного сооружения, а также от напряженности военно-политической обстановки в регионе на момент возведения или ремонта. Конструкция стены определялась большим количеством факторов как антропогенного и социального, так и природного характера. Теперь стало возможным соотнесение конкретных результатов изучения тыновых стен отдельных острогов с обобщенной картиной, отражающей основные характеристики конструкции тыновых стен в Русском государстве в XVI – начале XVIII века. Это позволит полнее охарактеризовать тыновые стены отдельных оборонительных сооружений с учетом их отношения к сложившейся практике конструктивного устройства таких стен.

Список литературы

- Адамов А. А., Балюнов И. В., Данилов П. Г.** Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск: [Б. и.], 2008. 114 с.
- Акты Московского государства. Санкт-Петербург: Тип. Имп. Академіи наукъ, 1890. Т. 1: Разрядный приказъ. Московскій столъ. 1571–1634. 802 с.
- Археологическая летопись земли Тарской. Омск: Издатель-Полиграфист, 2019. 412 с.
- Баландин С. Н.** Оборонная архитектура Сибири в XVII в. // Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск: Наука, 1974. С. 7–37.
- Бородовский А. П., Горохов С. В.** Оборонительные сооружения Умревинского острога (археологические исследования 2002–2004 гг.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 4. С. 70–82.
- Вершинин Е. В., Шашков А. Т.** Документы XVII века по истории Сургутского уезда // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2002. С. 114–240.
- Воробьева Г. А., Бердникова Н. Е., Бердников И. М.** Междисциплинарные исследования на территории Иркутского острога // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. Т. 17. С. 152–155.
- Корчагин П. А.** История Верхотурья (1598–1926). Закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города. Екатеринбург: [Б. и.], 2012. 288 с.
- Крадин Н. П.** Оборонительные стены как элемент композиции деревянных крепостей Сибири // Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири. Новосибирск: Наука, 1986. С. 238–252.
- Красовский М.** Энциклопедия русской архитектуры. Деревянное зодчество. СПб.: Сатисъ, 2002. 385 с.
- Ласковский Ф.** Матеріалы для історії інженерного искусства въ Россіи. Часть I. Опыт изслѣдоваія инженернаго дела въ Россіи до XVIII столетія. Санкт-Петербург: [Б. и.], 1858. 322 с.
- Маковецкий И. В.** Архитектура русского народного жилища Забайкалья // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Часть II. Забайкалье. Новосибирск: Наука, 1975. С. 33–47.
- Матвеев А. В., Аношко О. М.** Археологические открытия в Тобольске // Наследие Тюменской области. 2011. № 1. С. 49–54.
- Миллер Г. Ф.** История Сибири. М.: Вост. лит., 1999. Т. 1. 630 с.
- Молодин В. И., Новиков А. В., Кениг А. В., Добжанский В. Н., Выборнов А. В., Ведмидь Г. П., Мыглан В. С., Зайцева Е. А., Майничева А. Ю., Шиль А. А.** Казымский археолого-этнографический комплекс. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. 264 с.

- Мыглан В. С., Ведмидь Г. П., Майничева А. Ю.** Березово: историко-архитектурные очерки. Красноярск: СФУ, 2010. 159 с.
- Носов К. С.** Русские крепости и осадная техника, VIII–XVII вв. СПб.: Полигон, 2002. 176 с.
- Носов К. С.** Русские крепости конца XV – XVII в. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2009. 248 с.
- Палашенков А. Ф.** Ляпинская крепость // Изв. Омского отдела Географического общества Союза ССР. Омск: [Б. и.], 1963. Вып. 5. С. 153–159.
- Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. М.: Наука, 1969. Т. 1: 1608–1683. 613 с.
- Татауров С. Ф.** Археологические и исторические источники об использовании древесины в г. Таре в XVII–XVIII вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 1. С. 28–35.
- Татауров Ф. С., Черная М. П.** Тарские «городни» (итоги раскопок исторического центра Тары в 2015 году) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. С. 409–412.
- Царев В. И., Царев В. В.** Реконструкция Красноярского острога 1748 г. // Вестник Том. гос. архитектурно-строительного ун-та. 2019. № 4. С. 35–52.
- Черная М. П.** Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция. Томск: Д'Принт, 2015. 276 с.
- Ширин Ю. В.** Отчет о научно-исследовательской работе Кузбасской археолого-этнографической экспедиции в 1997 г. «Раскопки Сосновского, Мунгатского и Верхотомского казачьих острогов в Кемеровской области». Кемерово: [Б. и.], 1997. 71 с.

References

- Adamov A. A., Balyunov I. V., Danilov P. G.** Gorod Tobol'sk. Arkheologicheskii ocherk [The city of Tobolsk. Archaeological essay]. Tobolsk, 2008, 114 p. (in Russ.)
- Akty Moskovskogo gosudarstva [Acts of the Moscow State]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 1890, vol. 1: Razryadnyi prikaz. Moskovskii stol. 1571–1634 [Discharge order. Moscow table. 1571–1634], 802 p. (in Russ.)
- Arkheologicheskaya letopis' zemli Tarskoi [Archaeological Chronicle of the Tarsk Land]. Omsk, Izdatel'-Poligrafist, 2019, 412 p. (in Russ.)
- Balandin S. N.** Oboronnaya arkhitektura Sibiri v XVII v. [Defense architecture of Siberia in the 17th century]. In: Goroda Sibiri (ekonomika, upravlenie i kul'tura gorodov Sibiri v dosovetskii period) [Siberian Cities (economy, management and culture of Siberian cities in the pre-Soviet period)]. Novosibirsk, Nauka, 1974, pp. 7–37. (in Russ.)
- Borodovsky A. P., Gorokhov S. V.** Defense constructions of fort Umrevinsky (Based on 2002–2004 Archaeological Excavations). *Archaeol. Ethnol. Anthropol. Eurasia*, 2008, vol. 36, no. 4, pp. 70–82. (in Russ.)
- Chernaya M. P.** Voevodskaya usad'ba v Tomske. 1660–1760-e gg.: istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya [Voivodeship estate in Toms. 1660–1760s: historical and archaeological reconstruction]. Tomsk, D'Print, 2015, 276 p. (in Russ.)
- Korchagin P. A.** Istoriya Verkhotur'ya (1598–1926). Zakonomernosti sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya i skladyvaniya arkhitekturno-istoricheskoi sredy goroda [The history of Verkhotur'ye (1598–1926). Patterns of socio-economic development and the formation of the architectural and historical environment of the city]. Ekaterinburg, 2012, 288 p. (in Russ.)
- Kradin N. P.** Oboronitel'nye steny kak element kompozitsii derevyannykh kreposte Sibiri [Defensive walls as an element of the composition of the wooden fortresses of Siberia]. In: Problemy okhrany i osvoeniya kul'turno-istoricheskikh landshaftov Sibiri [Problems of protection and development of cultural and historical landscapes of Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1986, pp. 238–252. (in Russ.)

- Krasovsky M.** Entsiklopediya russkoi arkhitektury. Derevyannoe zodchestvo [Encyclopedia of Russian Architecture. Wooden architecture]. St. Petersburg, Satis Publ., 2002, 385 p. (in Russ.)
- Laskovsky F.** Materialy dlya istorii inzhenernago iskusstva v Rossii. Chast' I. Opyt izsledovaiya inzhenernago dela v Rossii do XVIII stoletiya [Materials for the history of engineering art in Russia. Part I. The experience of studying engineering in Russia before the 18th century]. St. Petersburg, 1858, 322 p. (in Russ.)
- Makovetsky I. V.** Arkhitektura russkogo narodnogo zhilishcha Zabaikal'ya [Architecture of the Russian folk dwelling of Transbaikalia]. In: Byt i iskusstvo russkogo naseleniya Vostochnoi Sibiri. Chast' 2. Zabajkal'e [The life and art of the Russian population of Eastern Siberia. Part 2. Transbaikalia]. Novosibirsk, Nauka, 1975, pp. 33–47. (in Russ.)
- Matveev A. V., Anoshko O. M.** Arkheologicheskie otkrytiya v Tobol'ske [Archaeological discoveries in Tobolsk]. *The legacy of the Tyumen region*, 2011, no. 1, pp. 49–54. (in Russ.)
- Miller G. F.** Istoriya Sibiri [History of Siberia]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1999, vol. 1, 630 p. (in Russ.)
- Molodin V. I., Novikov A. V., Kenig A. V., Dobzhansky V. N., Vybornov A. V., Vedmid G. P., Myglan V. S., Zaitseva E. A., Mainicheva A. Yu., Shil A. A.** Kazymsky arkheologo-etnograficheskii kompleks [Kazym Archaeological and Ethnographic complex]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2018, 264 p. (in Russ.)
- Myglan V. S., Vedmid G. P., Mainicheva A. Yu.** Berezovo: istoriko-arkhitekturnye ocherki [Berezovo: historical and architectural essays]. Krasnoyarsk, SFU Press, 2010, 159 p. (in Russ.)
- Nosov K. S.** Russkie kreposti i osadnaya tekhnika, VIII–XVII vv. [Russian fortresses and siege equipment, 8th – 17th centuries]. St. Petersburg, Poligon Publ., 2002, 176 p. (in Russ.)
- Nosov K. S.** Russkie kreposti kontsa XV – XVII v. [Russian fortresses of the late 15th – 17th century]. St. Petersburg, Fakul'tet filologii i iskusstv SpbGU, 2009, 248 p. (in Russ.)
- Palashenkov A. F.** Lyapinskaya krepost' [Lyapinskaya Fortress]. In: Izvestiya Omskogo otdela Geograficheskogo obshchestva Soyuza SSR [Proceedings of the Omsk Department of the Geographical Society of the USSR]. Omsk, 1963, iss. 5, pp. 153–159. (in Russ.)
- Russko-kitaiskie otnosheniya v XVII veke. Materialy i dokumenty [Russian-Chinese relations in the 17th century. Materials and documents]. Moscow, Nauka, 1969, vol. 1: 1608–1683, 613 p. (in Russ.)
- Shirin Yu. V.** Otchet o nauchno-issledovatel'skoi rabote Kuzbasskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii v 1997 g. “Raskopki Sosnovskogo, Mungatskogo i Verkhotomskogo kazach'ikh ostrogov v Kemerovskoi oblasti” [Report on the research work of the Kuzbass Archaeological and Ethnographic expedition in 1997 “Excavations of the Sosnovsky, Mungatsky and Verkhotomsky Cossack prisons in the Kemerovo region”]. Kemerovo, 1997, 71 p. (in Russ.)
- Tataurov S. F.** Arkheologicheskie i istoricheskie istochniki ob ispol'zovanii drevesiny v g. Tare v XVII–XVIII vv. [Archaeological and historical sources on the use of wood in Tara in the 17th – 18th centuries]. *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*, 2018, no. 1, pp. 28–35. (in Russ.)
- Tataurov F. S., Chernaya M. P.** Tarskie “gorodni” (itogi raskopok istoricheskogo tsentra Tary v 2015 godu) [Tarski “gorodni” (results of excavations of the historical center of Tara in 2015)]. In: Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Problems of archeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2015, pp. 409–412. (in Russ.)
- Tsarev V. I., Tsarev V. V.** Rekonstruktsiya Krasnoyarskogo ostroga 1748 g. [Reconstruction of the Krasnoyarsk prison in 1748]. *Bulletin of Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering*, 2019, no. 4, pp. 35–52. (in Russ.)
- Vershinin E. V., Shashkov A. T.** Dokumenty XVII veka po istorii Surgutskogo uezda [Documents of the 17th century on the history of the Surgut county]. In: Materialy i issledovaniya po istorii Severo-Zapadnoi Sibiri [Materials and research on the history of Northwest Siberia]. Ekaterinburg, UrFU Press, 2002, pp. 114–240. (in Russ.)

Vorobieva G. A., Berdnikova N. E., Berdnikov I. M. Mezhdistsiplinarnye issledovaniya na territorii Irkutskogo ostroga [Interdisciplinary research on the territory of the Irkutsk prison]. In: Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Problems of archaeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2011, vol. 17, pp. 152–155. (in Russ.)

Информация об авторе

Сергей Валерьевич Горохов, кандидат исторических наук, научный сотрудник

Information about the Author

Sergei V. Gorokhov, Candidate of Sciences (History), Researcher

*Статья поступила в редакцию 25.04.2023;
одобрена после рецензирования 15.10.2023; принята к публикации 01.11.2023
The article was submitted on 25.04.2023;
approved after reviewing on 15.10.2023; accepted for publication on 01.11.2023*

Научная статья

УДК 903.211.3

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-122-134

Бердыши из собраний Тобольского музея-заповедника

Игорь Валерьевич Балюнов

Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник

Тобольск, Россия

balyunoff@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7733-7504>

Аннотация

Изучены два бердыша из фондов Тобольского музея-заповедника. Они принадлежат к двум разным типам, которые являются наиболее распространенными как в Западной Сибири, так и в Московском государстве в XVII в. Ярким отличием тобольских экспонатов является декоративное оформление, которое имеет мало аналогий. Установлено, что в письменных источниках использование бердышей в Западной Сибири фиксируется только с 70-х гг. XVII в. Сделанный анализ показывает, что за Урал они поступали преимущественно за счет централизованных поставок из Москвы. Однако некоторое количество этого оружия ввозилось в частном порядке. В Сибири бердыши могли изготавливаться даже в сельских кузницах. О популярности этого оружия свидетельствует находка тобольского изразца конца XVII в., где присутствует фигурка воина, вооруженного бердышем. В период правления Петра I бердыши все еще находятся в арсенале регулярных армейских частей, хотя уже выходят из употребления.

Ключевые слова

бердыш, Тобольск, XVII в., оружие, музей

Для цитирования

Балюнов И. В. Бердыши из собраний Тобольского музея-заповедника // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 3: Археология и этнография. С. 122–134. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-122-134

Bardiches in the Tobolsk Museum-Reserve Collection

Igor V. Balyunov

Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve

Tobolsk, Russian Federation

balyunoff@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7733-7504>

Abstract

Purpose. This article presents the analysis of two bardiches stored in the weapon collection of the Tobolsk Museum-Reserve.

Results. Further study of bardiches should be based on a complete accounting and classification of such weapons stored, primarily, in museums. Bardiches in the Tobolsk Museum-Reserve collection belong to two different types, which are most common both in Western Siberia and in the Moscow state in 17th century. A characteristic feature of the Tobolsk exhibits is the decorative design, which has few analogies.

Conclusion. In written sources, the use of bardiches in Western Siberia was recorded in 1670s. Bardiches were in service with dragoon regiments, and were delivered to Siberia as part of centralized supplies from Moscow. In Siberia bardiches could be produced in rural forges, although in limited quantities. Some bardiches were delivered to Siberia privately. Tobolsk Museum houses ceramic tiles of the late 17th century. On the tile there is a picture of a warrior armed with a bardiche. During the reforms of Peter I bardiches were in service with Russian army, but at the beginning of the 18th century this weapon gradually became obsolete.

© Балюнов И. В., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 3: Археология и этнография. С. 122–134

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 122–134

Keywordsbardiche, Tobolsk, 17th century, weapon, museum**For citation**

Balyunov I. V. Bardiches in the Tobolsk Museum-Reserve Collection. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 122–134. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-122-134

Введение

В настоящее время бердыш можно считать хорошо изученным образцом длиннодревкового оружия. Только в последние десятилетия к этой теме обращались А. Е. Писарев [2008], О. В. Двуреченский [2015], Д. А. Власов [2012], А. Н. Чубинский [2017], В. А. Буров [2019], которые обобщили широкий круг письменных, изобразительных источников и музейных собраний. Исследователями было выявлено и опубликовано значительное количество исторического материала, выделены основные типы этого оружия, сделаны важные выводы об их хронологии, особенностях использования.

Отдельно стоит упомянуть работы, основанные исключительно на сибирских источниках. Материалы, более близкие к нам регионально, были представлены А. П. Зыковым в работе 2008 г., в которой автор предложил эволюционную схему развития бердышей, построенную на трех случайных находках [Щит и меч..., 2008, с. 103–104].

Изучение экспонатов в музейных собраниях привело Л. А. Боброва к выводу о том, что на вооружении сибирских гарнизонов во второй половине XVII в. находилось длиннодревковое оружие, представленное бердышами и топорками, значительная часть которых была изготовлена европейскими мастерами. Однако для местных служилых людей бердыши имели меньшее значение, чем для их коллег в европейской части страны [Бобров, 2011, с. 306–307].

По мнению Е. А. Багрина в Забайкалье и Приамурье бердыши появляются вместе с московскими стрельцами и служилыми людьми из Западной Сибири. Документально это подтверждается только в 80-х гг. XVII в., однако не было зафиксировано ни одного случая применения этого оружия в бою. С другой стороны, оно находилось на вооружении у участников восстания в Приамурье 90-х гг. XVII в., при этом ковали его деревенские кузнецы [Багрин, 2013, с. 109–110].

Анализ сибирских материалов позволяет определить некоторые региональные особенности бытования этого оружия за Уралом. Вместе с тем следует сделать и несколько замечаний. Согласно исследованиям И. В. Балюнова, из числа трех топоров, опубликованных А. П. Зыковым, только один экземпляр является бердышем XVII в. (можно сказать, классического облика), а два других экземпляра – это специализированные топоры, которые как импорт поступали в Россию начиная с Нового времени и вплоть до этнографической современности [Балюнов, 2021, с. 107, 111]. Экспонаты, представленные в публикации Л. А. Боброва как «топорки», являются такими же специализированными (не боевыми) топорами более позднего времени. Здесь следует добавить, что, согласно исследованиям А. Н. Чубинского, в XVII в. наименования «бердыши» и «топорки» были взаимозаменяемыми [Чубинский, 2017, с. 507–508], и в настоящее время не выявлено явных различий между ними.

В продолжение темы следует привести данные такого документа, как «Акты о железных заводах в Тульском и Каширском уездах» 1668–1671 гг., в котором в общем списке поставленного в Оружейный приказ инвентаря упоминаются «бердыши, против образца, по 5 алтын бердыш». Из этого следует, что в процессе изготовления этого оружия придерживались некоторых стандартов – насколько вообще можно говорить о стандартизации производства в XVII в. В тексте также фигурируют «топорки путные, против бердышей, по 5 алтын» (ДАИ, 1855, с. 390). Данные вышеназванного источника подтверждаются близким по содержанию документом 1676–1678 гг. (ДАИ, 1875, с. 49). На основании этих свидетельств можно

прийти к заключению, что топорки делались по образцу бердышей и имели с ними одинаковую стоимость.

Представленный обзор показывает, что к настоящему времени не существует единого подхода к описанию бердышей, их типологии и используемой терминологии. Только за последние несколько лет исследователями были внесены значимые уточнения, характеризующие это оружие. Сопоставление региональных материалов показывает, что источники поступления и время бытования бердышей за Уралом могли существенно отличаться от европейских.

Дальнейшее изучение бердышей как оружия воинов в Сибири возможно при максимально полном учете всех образцов и формальных признаков, что определяет цель настоящей публикации. Целью нашей работы является введение в научный оборот бердышей, хранящихся в фондах Тобольского музея-заповедника, с их полным описанием и анализом других доступных сибирских материалов по выбранной оружейведческой тематике.

Материалы исследования

В фондах Тобольского музея-заповедника хранится два бердыша, пополнившие коллекцию оружия в самом начале XX в. и предварительно датированные XVI–XVII вв. В дальнейшем они стали постоянными экспонатами музейной экспозиции. Сохранившиеся фото музейных залов второй половины XX в., сделанные Ф. Г. Дубровиным, свидетельствуют, что эти топоры экспонировались как оружие казаков, участвовавших в походе Ермака в 80-е гг. XVI в. (рис. 1, 1). Такое определение бердышей было характерно и при публикации их изображений в нескольких научно-популярных изданиях конца XX – начала XXI в., демонстрирующих богатство коллекций музея. Один из бердышей был опубликован Л. А. Бобровым, но без указания обстоятельств обнаружения, учетных данных, основных размеров, а иллюстрации даны без масштаба [Бобров, 2011, с. 301, рис. 1, 5; 2, 2]. И в целом эти экспонаты Тобольского музея-заповедника ни разу не становились объектом специального исследования. Использование тобольских экспонатов и ряда источников, не учтенных в предшествующих исследованиях, позволяет уточнить типологию и выделить их яркие особенности. Это – с опорой на данные письменных источников – позволяет определить, в каких временных границах и какие воинские силы были вооружены бердышами в Западной Сибири.

Результаты исследований и обсуждение

Коллекция оружия Тобольского музея начала формироваться уже в конце XIX в. В каталоге «Археологический отдел Тобольского Губернского музея», составленном Н. А. Лыткиным и изданном в 1890 г., значится «Железный бердыш в форме копья и топора», а следующим номером идет «Железный бердыш». О последнем дополнительно сообщается, что он был найден около с. Моршихинского Курганского округа и передан в музей от Тобольского губернского статистического комитета [Лыткин, 1890, с. 14]. Однако с предложенным наименованием данных экспонатов трудно согласиться, если обратиться к фотографиям Археологического отдела 1891 г. Сопоставление их с текстом каталога позволяет определить предметы не как бердыши, а как алебарды XVIII в., являвшиеся скорее декоративным оружием, нежели боевым.

Экспонаты, которые действительно можно признать бердышами, представлены двумя экземплярами, поступившими в музей в начале XX в. Классификационные схемы, предложенные А. Е. Писаревым и О. В. Двуреченским, строятся на описании значительного количества предметов с набором разнообразных признаков. Два бердыша из Тобольского музея-заповедника принадлежат к разным типам, которые можно выделить с опорой на существующие классификации, однако наименование этих типов следует скорректировать с учетом замечаний А. Н. Чубинского.

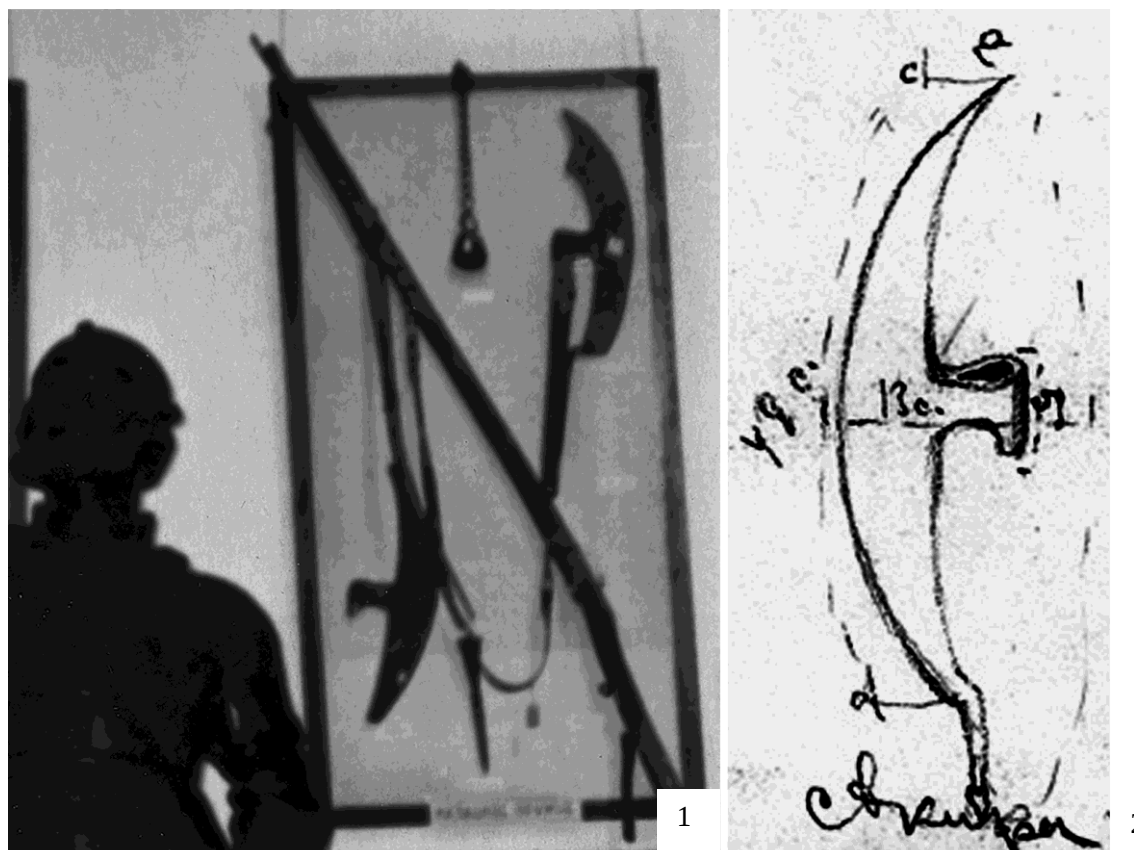

Рис. 1. Изображение бердышей в фондах Тобольского музея-заповедника:

1 – фрагмент музейной экспозиции 1960-х гг. (фото Ф. Г. Дубровина); 2 – рисунок бердыша, сделанный художником Г. И. Лебедевым во время экспедиции на р. Салым в 1911 г.

Fig. 1. Image of bardiches in the collections of the Tobolsk Museum-Reserve:

1 – fragment of the museum exposition of the 1960's (photo by F. G. Dubrovin); 2 – drawing of bardiche made by artist G. I. Lebedev during an expedition to the Salym river in 1911

Тип 1: бердыш с месяцевидной лопастью (номер хранения ТМ-5433, инвентарный номер ВО-81) (рис. 2). Согласно «Книге поступлений», он был передан в Тобольск в 1903 г. из коллекции бывшего Заводоуковского сельского музея и был обнаружен около Заводоуковска Ялуторовского уезда. Следует уточнить, что на этой территории непродолжительное время существовал сельскохозяйственный музей при сельском начальном училище, который был закрыт в 1897 г., что, вероятно, и обусловило передачу экспоната.

Общая высота предмета составляет 46,3 см, ширина – 14,5 см, толщина × высота по обуху – 2,2 × 6 см. Верхняя и нижняя части лопасти изогнуты одинаково и имеют примерно одинаковую длину. Их концы обломаны, по этой причине невозможно точно сказать, завершалась ли нижняя часть косицей и имел ли носок острие. Обух имеет треугольную проушину 1,5 × 4,2 см. Задняя его часть имеет одно сквозное отверстие для гвоздевого крепления. В срединной части бердыша выгравирован орнамент из тонких линий. На левой стороне, на шейке и серединой части лопасти, нанесен растительный орнамент – стебель, дополненный завитками и трехлиственными цветками (рис. 2, з). Примерно по линии тупья на шейке этот узор пересекает полоса, дополненная с одной стороны треугольными зубцами. Согласно «Книге поступлений» (заполненной, возможно, когда орнамент лучше читался), на обухной части находится изображение птицы с повернутой назад головой, с чем можно осторожно согласиться. Похожий растительный орнамент присутствует на рисунках бердышей в книге

А. В. Висковатого [1899, с. 68], но в целом изображение птички или птички с растительным орнаментом является неким устойчивым сюжетом для украшения бердышей [Двуреченский, 2015, рис. 110, 111]. На правой стороне находится плохо читаемый рисунок в виде цветка (рис. 2, д). Бердыш насажен на древко, которое является новоделом, что подтверждается фотографиями старых экспозиций музея, где топор экспонировался без ратовища (рис. 1, 1).

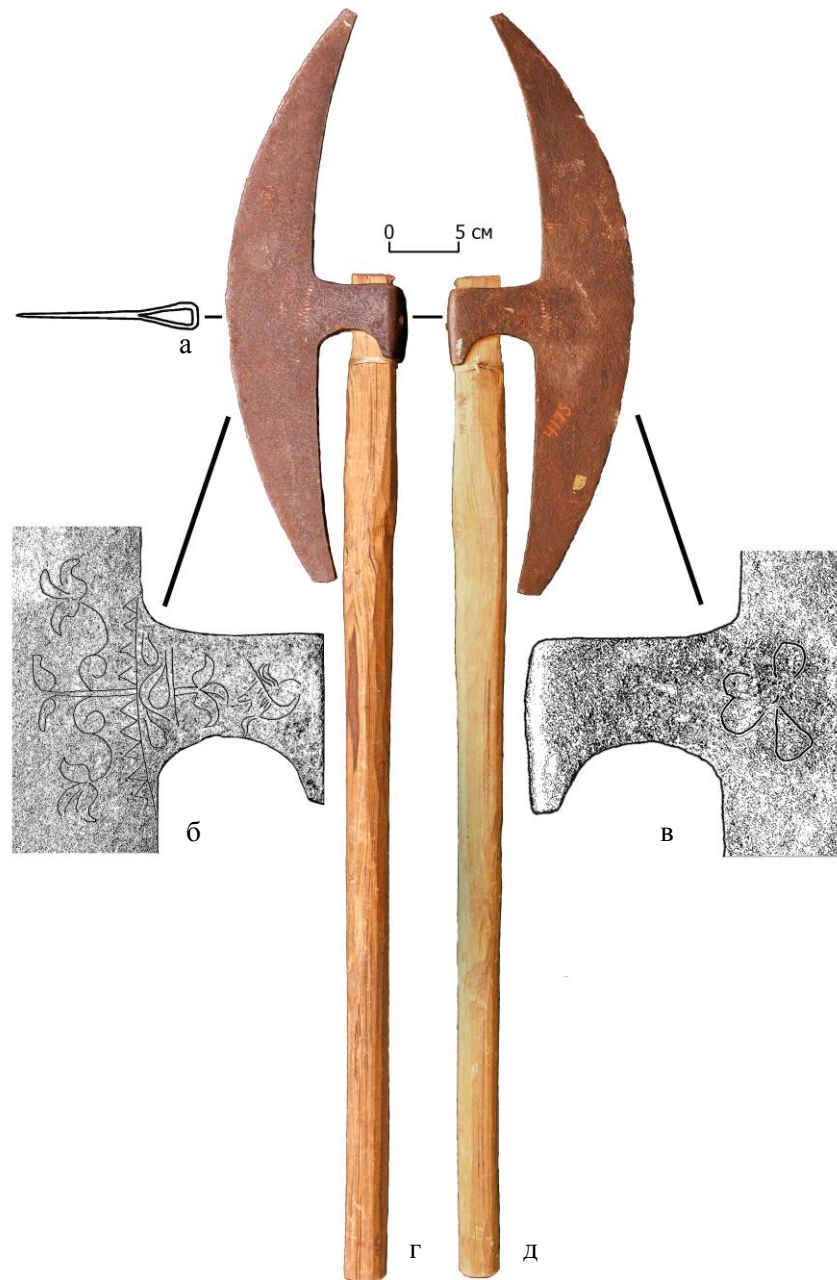

Рис. 2. Бердыш из фондов Тобольского музея-заповедника (ТМ-5433):
а – профиль; б, в – детализация (прорисовка, масштаб произвольный); г, д – общий вид (обе стороны).
Фото А. Г. Аверина

Fig. 2. Bardiche from the collections of the Tobolsk Museum-Reserve (ТМ-5433):
а – profile view; б, в – detailing (drawing, arbitrary scale); г, д – general view (both sides).
Photo by Yu. G. Averin

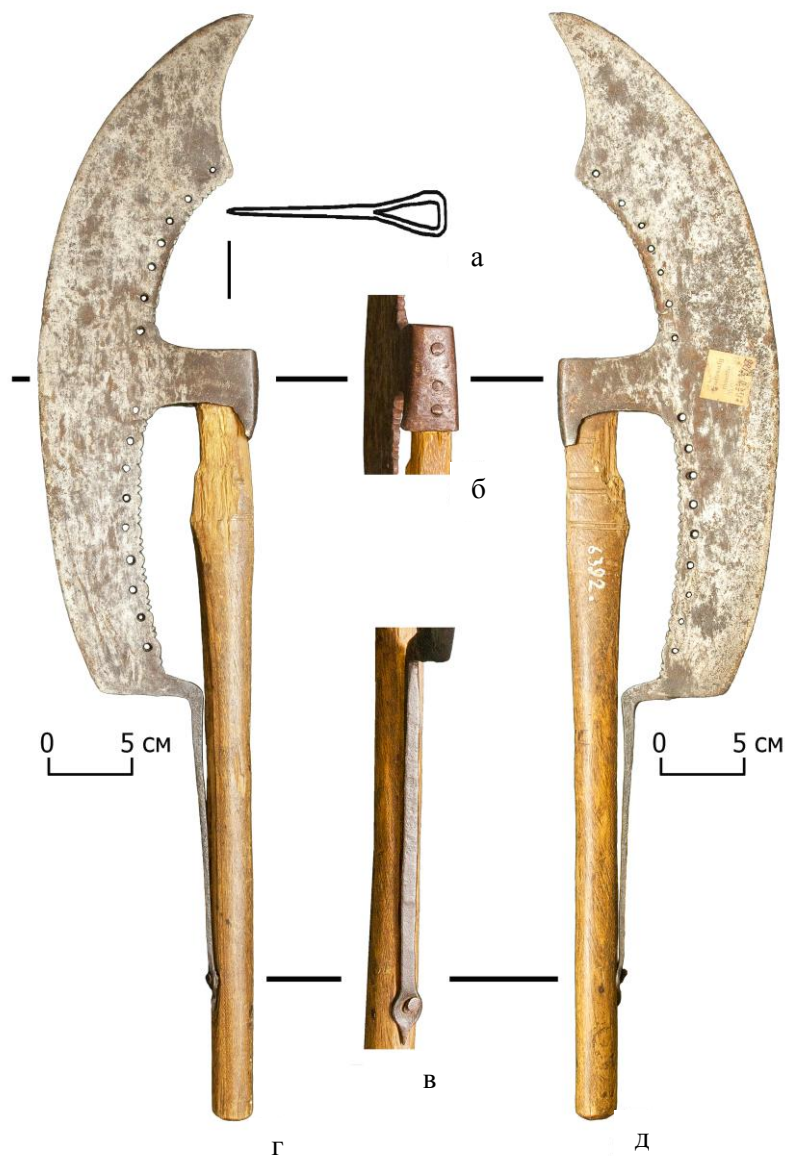

Рис. 3. Бердыш из фондов Тобольского музея заповедника (ТМ-5434):
 а – профиль; б, в – детализация (масштаб произвольный); г, д – общий вид (обе стороны).
 Фото А. Г. Аверина

Fig. 3. Bardiche from the collections of the Tobolsk Museum Reserve (TM-5434):
 а – profile view; b, c – detailing (arbitrary scale); d, e – general view (both sides).
 Photo by Yu. G. Averin

Тип 2: бердыш с еломанью (номер хранения ТМ-5434, инвентарный номер ВО-82) (рис. 3). Он был найден в Тобольске в старом доме Большаковых и передан в музей в дар от М. Д. Субботиной в 1916 г. Высота предмета составляет 63,5 см, ширина – 14 см, толщина × высота по обуху – 5,8 × 3 мм. В верхнем конце тупья находится выступ – еломань. Вдоль края тупья находятся сквозные отверстия – 7 выше шейки и 9 ниже шейки. Подобно отверстиям тупье украшено декоративным элементом, который Л. А. Бобров описал как «полукруглые фестоны, перемежающиеся двумя острыми зубцами», и, как уже отмечалось, схожие фестоны наблюдаются на оружии, опубликованном в книге А. В. Висковатого [Бобров,

2011, с. 301; Висковатый, 1899, с. 68]. Обух имеет треугольную проушину $2 \times 4,5$ см. В задней его части находятся три сквозных отверстия для гвоздевого крепления (рис. 3, з). Нижний конец лопасти переходит в плоскую косицу (длина около 19 см, сечение – $0,5 \times 1$ см), имеющую каплевидное завершение со сквозным отверстием для гвоздевого крепления (рис. 3, д).

Бердыш был найден с ратовищем, опиленным чуть ниже косицы. Насколько можно судить, укоротил его предшествующий владелец, чтобы сделать оружие более компактным. Следовательно, существует вероятность, что сохранившаяся часть древка является оригинальной. В верхней части, начиная сразу от обуха, ратовище украшено восьмью парно расположенными прорезанными линиями. Здесь же у древка наблюдаются частичные утраты.

Территориально ближайшие образцы такого вооружения хранятся в тюменском Музейном комплексе им. И. Я. Словцова, которые были опубликованы В. И. Карпухиным в 2016 г. [Ермак..., 2016, с. 211–212]. Всего представлено два бердыша, поступившие в фонды как дар основателя Тюменского музея Н. М. Чукмалдина, найденные в районе р. Бабарынка (правый приток р. Туры, протекает фактически на территории современного г. Тюмень). Эти находки также принадлежат к двум описанным выше типам. Как сообщает автор публикации, невозможно утверждать, что это оружие принадлежало казакам из дружины Ермака, но все образцы были найдены на территории Тюменского региона и отражают историю покорения Сибири Московским государством [Там же].

Выше уже было обозначено, что бердыши находились на вооружении сибирских гарнизонов во второй половине XVII в. Одно из первых упоминаний бердышей, известных нам по документам, касающимся территорий за Уралом, содержится в царском указе 1675 г., запрещающем продажу «в Тоболску, в Томску, и Тобольского и Томского розряду» и в других землях аборигенному населению огнестрельного и холодного оружия, в том числе и бердышей (ДАИ, 1857, с. 375).

Начиная с 1670-х гг. в Тобольске совершались попытки организовать военные силы на регулярной основе, когда первоначально были созданы рейтарский, солдатский, а потом и драгунский полки. Есть прямые указания, что для последнего бердыши являлись штатным оружием. Так, согласно царской грамоте 1679 г. в Тобольск из Москвы должны были быть присланы бердыши для вооружения новоприбранных драгун (ДАИ, 1859, с. 352). Здесь следует привести мнение А. В. Дмитриева, который считает, что в конце XVII в. мушкеты и бердыши составляли основу вооружения тобольских драгун. Автором приводятся данные о поступлении из Москвы почти 300 единиц, которые следовало раздать в слободах драгунам и зачесть им в оклады по 3 алтына и 2 деньги за бердыш [Дмитриев, 2008, с. 175]. Это соотносится с данными, согласно которым бердышами вместо шпаг и пик вооружались 300 человек в каждом драгунском или солдатском полку [Летин, 2002, с. 17].

Примечательно, что в росписи служилых людей военных запасов 1684–1685 гг. нескольких сибирских городов холодное древковое оружие упоминается только в Мангазее. В наряде было учтено «11 бердышев, 29 пик долгих, 40 полупик с копыи» (ДАИ, 1869, с. 272). Это не означает, что в других местах его не было, очевидно, что оно находилось у служилых людей на руках.

Редкие упоминания фактов изготовления и использования бердышей можно найти в отписке тюменского воеводы 1687 г. о мерах, принятых им для увещевания раскольников. Им сообщалось, что на заимке у оброчного крестьянина Кузки Решетникова «три человека чернцов да два брата Гришки Морозовы с товарищи, выезжают из пустыни со многими людьми, человек по сороку и по пятидесят, с ружьем и с копыи и с бердыши» и вывозят с полей ближайших деревень хлеб. И отдельно сообщается, что «те раскольники завели кузнецов и куют копыи и бердыши, и к большей дороге выходят и людей бьют и грабят и платье отымают» (ДАИ, 1867, с. 15). Тобольский воевода отнесся к этой информации со всей серьезностью и в ответ направил отряд 100 человек на помощь тюменским служилым людям (ДАИ, 1867, с. 17). Можно видеть, что, во-первых, в Зауралье имеется пример производства такого

холодного оружия даже в сельской местности, и, во-вторых, бердыш в данном случае выступает именно как оружие разбоя. Эти обстоятельства являются интересными, хотя и отдаленными аналогиями сведений о восстании в Приамурье 90-х гг. XVII в., приведенных Е. А. Багриным.

При этом следует считать, что основная часть бердышей попадала в Сибирь благодаря организованным государственным поставкам, хотя есть свидетельства об их частном ввозе. Например, при досмотре верхотурской таможни 1685–1686 гг. среди товаров, ввозимых в Сибирь, у тобольского человека литовского списка Микитки Лосева значилось два бердыша (ДАИ, 1872, с. 297).

Согласно данным, опубликованным В. Д. Пузановым, в тобольской казне в 1696 г. наряду с запасами ручного огнестрельного оружия хранились 1000 бердышей [Пузанов, 2016, с. 116]. Известно, что в тот же год 20 бердышей были отданы караулу стрельцов в проезжей городской башне Тобольска [Там же, с. 117]. Можно уверенно говорить, что для того времени бердыш стал постоянной частью набора вооружения воинов, направлявшихся для защиты южных рубежей. Как следует из царского указа, «чтоб у служилых людей, которые посланы будут из Тобольска и Тюмени, и у беломестных казаков пищали и сабли и бердыши и копье и всякое ружье у всех было доброе» (ПСЗРИ, 1830, с. 354). К концу столетия на законодательном уровне предписывалось, чтобы в городах и слободах Тобольского уезда (а особенно в поселениях, близких к степям, т. е. в местах, находящихся под постоянной угрозой военного нападения), каждый имел личное оружие – ружья, копья, бердыши [Там же, с. 121].

В это время бердыш становится постоянным атрибутом, с которым ассоциировался облик военного человека, что косвенно можно подтвердить изображением батальной сцены на теракотовом изразце (рис. 4). Изразец является случайной находкой, сделанной на территории Тобольского кремля А. В. Нескоровым и переданной в Тобольский музей-заповедник

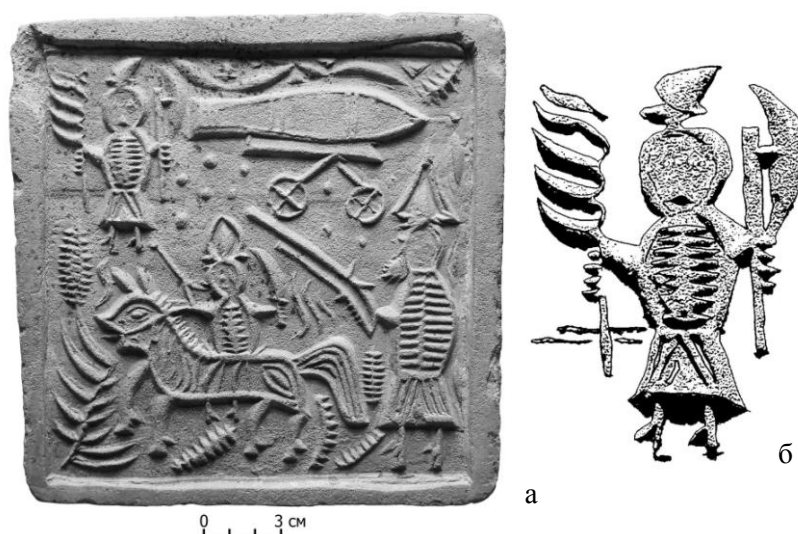

Рис. 4. Терракотовый изразец из фондов Тобольского музея-заповедника (ТМ-18909/2):

а – общий вид (фото А. Г. Аверина);

б – изображение война с бердышем (прорисовка, масштаб произвольный)

Fig. 4. Terracotta tile from the collections of the Tobolsk Museum-Reserve (TM-18909/2):

a – general view (photo by Yu. G. Averin);

b – image of the warrior with bardiche (drawing, arbitrary scale)

в 1991 г. (номер хранения ТМ-18909/2). Лицевая часть предмета имеет размеры 19,0 × 19,3 см (рис. 4, а). В верхнем правом углу находится изображение пушки на лафете, ниже – воин в доспехах, вооруженный пищалью. В нижнем левом углу всадник на лошади, вооруженный саблей. И в верхнем левом углу воин в доспехах, который в правой руке держит, вероятно, знамя, а в левой – бердыш с лопастью в форме полумесяца (рис. 4, б). По стилистике изображения и его композиции тобольский изразец можно считать близким к московским изразцам, опубликованным Л. Р. Розенфельдом и повествующим об осаде царем Александром Македонским «града Египта» [Розенфельдт, 1968, с. 61]. Несмотря на то что московские изразцы посвящены событиям античного периода, их рисунки отражают реалии XVII в. В Тобольске изразцовое производство формируется непосредственно под московским влиянием в 80-е гг. XVII в. вместе с началом каменного строительства [Балюнов, 2016, с. 69]. Вероятнее всего, здесь имела место сибирская адаптация «московского» сюжета, и можно предполагать, что изображение на тобольском изразце показывает то, как мастер представляет современное ему вооружение служилых людей. При этом стоит заметить, что на нескольких рисунках, опубликованных Л. Р. Розенфельдом, в руках у воина также изображен бердыш [Розенфельдт, 1968, табл. 20, 1; табл. 22, 3], однако тобольский рисунок не является их копией, а в изображении этого оружия присутствует почерк автора.

Можно считать, что в Западной Сибири бердыши поступили на вооружение заметно позднее, чем в Европейской России. Они имели здесь широкое распространение, хотя их местное производство было развито слабо. Сопоставление тобольских и тюменских экспонатов позволяет утверждать, что даже в рамках одного типа они имеют явные отличия. Впрочем, подобные отличия наблюдаются и для других известных нам бердышей из собраний сибирских музеев. С учетом того, что именно через Тюмень и Тобольск осуществлялись основные поставки оружия в Сибирь, даже такое небольшое количество, как четыре экземпляра, позволяет примерно представить, какими бердышами были вооружены служилые люди за Уралом. В целом два описанных типа являлись наиболее распространенными на территории Московского государства в XVII в. [Двуреченский, 2015, с. 191–193].

Заключение

В начале XVIII в. бердыши постепенно выводятся из комплекса вооружения. Согласно списку 1707 г. в тобольской казне все-таки продолжало храниться 1 000 бердышей (Сметные списки..., 1885, с. 68). В данном случае можно считать, что такое количество оружия указывает на то, что местными служилыми людьми оно было не востребовано. В дальнейшем эти бердыши поступают на вооружение отряда И. Д. Бухгольца, отправившегося в поход в верховья Иртыша в 1715 г. В описях имущества отряда обозначено 960 «бердышей старых» (Доклады и приговоры..., 1897, с. 844, 846). Несмотря на то что экспедиция вооружалась в основном по последним требованиям времени, существовавшие проблемы со снабжением заставили И. Д. Бухгольца брать старые запасы. Очевидно, что это оружие уже не могло вернуться в Тобольск и осталось в гарнизонах новых южных крепостей.

Следует добавить, что бердыши, уже перестав быть штатным вооружением, могли храниться на складах еще долгое время. В Сургуте в 1760 г. в казне находилось 84 таких топора [Древний город на Оби..., 1994, с. 165]. Из европейских примеров можно привести случай, когда в годы Крымской войны в Соловецкой крепости, находившейся под угрозой нападения со стороны англичан, монахи достали бердыши из оружейной палаты монастыря [Буров, 2019, с. 278].

Еще один поздний вариант использования бердышей, уже описанный в научной литературе, – это применение их в магических обрядах финно-угорских народов Западной Сибири. Согласно отчету Л. Р. Шульца о результатах экспедиции Тобольского губернского музея на р. Салым в 1911 г., в священном амбаре местных остяков хранился «бердыш, очень похожий на имеющийся здесь в Музее татарский» [Шульц, 1911, с. 10]. В данном случае исследова-

тель, очевидно, как аналог приводит описанный выше бердыш с месяцевидной лопастью (ТМ-5433). Тогда же другим участником экспедиции, художником Г. И. Лебедевым, был сделан рисунок салымского топора, визуальное изучение которого позволяет нам согласиться со сделанной аналогией (см. рис. 1, 2). В дальнейшем при строительстве поселка Салым бердыш был найден и стал экспонатом Нефтеюганского районного музея; опубликован А. П. Зыковым [Щит и меч..., 2008, с. 104]. Еще один пример ритуального использования зафиксирован А. В. Бауло на святилище Хоран-ур-ики. Здесь бердыш также хранится в амбарчике, откуда изымается для участия в обряде жертвоприношения [Бауло, 2004, с. 100].

С учетом всего вышесказанного, следует отметить, что дальнейшее изучение бердышей должно базироваться на максимально полном учете и каталогизации всех образцов, хранящихся прежде всего в музеях. На современном этапе исследований можно считать, что за Уралом это оружие появляется заметно позднее, чем в европейской части России. В Сибири не наблюдается каких-то трансформаций форм бердышей. Здесь на вооружении находилось два основных типа этого оружия, которые существовали одновременно. В основном за Урал они поступали в составе централизованных поставок, хотя известны также редкие случаи ввоза в частном порядке. Кроме того, небольшое количество бердышей могло изготавливаться в Сибири, причем даже в сельских кузницах. Это оружие в значительном количестве находилось на вооружении первых драгунских полков и беломестных казаков. Даже при реорганизации войск в период петровских реформ не произошло полного отказа от бердышей, которые длительное время могли храниться на военных складах.

Список литературы

- Багрин Е. А.** Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в.: тактика и вооружение служилых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. СПб.: Нестор-История, 2013. 288 с.
- Балюнов И. В.** Археологические свидетельства влияния Северо-Восточной Руси на материальную культуру населения города Тобольска конца XVI – XVII в. // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2016. № 5 (43). С. 67–71.
- Балюнов И. В.** Асимметричный топор из фондов Тобольского музея-заповедника // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 5: Археология и этнография. С. 104–114. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-5-104-114
- Бауло А. В.** Атрибутика и миф: металл в обрядах обских угров. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 157 с.
- Бобров Л. А.** Русские бердыши и «топорки» из сибирских музеев и проблема применения длиннодревкового ударно-рубящего оружия в Сибири в XVII веке // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, № 7: Археология и этнография. С. 300–307.
- Буров В. А.** Бердыши XVII в. из раскопок Соловецкого монастыря // КСИА. 2019. Вып. 255. С. 277–286.
- Висковатов А. В.** Историческое описание одежды и вооружения российских войск: с рисунками, составленное по Высочайшему повелению. 2-е изд. СПб.: Изд. Главного интендантского упр., 1899. Ч. 2. 24 с.
- Власов Д. А.** К вопросу о происхождении и бытовании бердышей в России XVII века // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. 2. С. 456–478. URL: <http://www.milhist.info/2012/10/05/vlasov> (дата обращения 05.10.2012).
- Двуреченский О. В.** Холодное оружие Московского государства XV–XVII вв. Тула: Изд-во Гос. музея-заповедника «Куликово поле», 2015. 498 с.
- Дмитриев А. В.** Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2008. 240 с.
- Древний город на Оби: история Сургута [К 400-летию города]. Екатеринбург: Тезис, 1994. 325 с.

- Ермак – гордость России: краткий исторический справочник. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2016. 346 с.
- Летин С. А. XVII столетие. Стрелец // Империя. 2002. № 2 (2). С. 12–18.
- Лыткин Н. А. Археологический отдел Тобольского губернского музея. Тобольск: Тип. Тобольского губернского правления, 1890. 17 с.
- Писарев А. Е. Бердыши русской пехоты. Середина – вторая половина XVII века // Армии и битвы. 2008. № 9. С. 15–29.
- Пузанов В. Д. Политика русского государства по снабжению уездов Сибири оружием в XVII в. // Исторический формат. 2016. № 4 (8). С. 106–123.
- Розенфельдт Р. Л. Московское керамическое производство XII–XVII вв. М.: Наука, 1968. 124 с. (САИ. Вып. Е1-39)
- Чубинский А. Н. О русских бердышах // Война и оружие: новые исследования и материалы: Тр. VIII Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во ВИМАИВиВС, 2017. Ч. 4. С. 492–518.
- Шульц Л. Р. Краткое сообщение об экскурсии на реку Салым Сургутского уезда // ЕТГИ. 1913. Вып. 21. С. 1–17
- Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней. Екатеринбург: Раритет, 2008. 464 с.

Список источников

- Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем сенате в царствование Петра Великого, изданные Императорской академией наук. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1897. Т. 5: Год 1715-й. Кн. 2 (июль – декабрь). 606 с.
- ДАИ – Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1853. Т. 5. 540 с.; 1857. Т. 6. 514 с.; 1859. Т. 7. 398 с.; СПб.: Тип. 2-го Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1875. Т. 9. 380 с.; СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1867. Т. 10. 516 с.; 1869. Т. 11. 328 с.
- ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г. СПб.: Тип. 2-го Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 3: 1689–1699. 691 с.
- Сметные списки 1693–1707 гг. // Тобольск: материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М: Тип. М. Г. Волчанинова, 1885. С. 66–70.

References

- Bagrin E. A.** Voennoe delo russkikh na vostochnom pogranič'e Rossii v XVII v. [Russian military Affairs on the Eastern border of Russia in the 17th century]. In: Taktika i vooruzhenie sluzhilykh lyudei v Pribaikal'e, Zabaikal'e i Priamur'e [Tactics and weapons of serving people in the Baikal region, Transbaikalia and Amur region]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2013, 288 p. (in Russ.).
- Balyunov I. V.** Arkheologicheskie svidetel'stva vliyaniya Severo-Vostochnoi Rusi na material'nuyu kul'turu naseleniya goroda Tobol'ska kontsa XVI – XVII v. [Archaeological evidence of the influence of the North-Eastern Russia on the material culture of the population of the town Tobolsk at the end of 16th – 17th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Tomsk State University. History], 2016, vol. 5 (43), pp. 67–71. (in Russ.)
- Balyunov I. V.** An Asymmetric Axe from the Collections of the Tobolsk Museum-Reserve. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 104–114. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-5-104-114
- Baulo A. V.** Atributika i mif: metall v obryadakh obskikh ugrov [Attributes and myth: metal in the rituals of the Ob Ugrians]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2004, 157 p. (in Russ.)

- Bobrov L. A.** Russkie berdyshi i “toporki” iz sibirskikh muzeev i problema primeneniya dlinno-drevkovogo udarno-rubyashchego oruzhiya v Sibiri v XVII veke [Russian poleaxes and small axes from Siberian museums and the problem of application of long-hafted stroking and slashing weapons in Siberia in the 17th century]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2011, vol. 10, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 300–307. (in Russ.)
- Burov V. A.** Berdyshi XVII v. iz raskopok soloveckogo monastyrya [Poleaxes of the 17th century from the excavations of the Solovetsky monastery]. *Brief reports of the Institute of Archaeology*, 2019, vol. 255, pp. 277–286. (in Russ.)
- Chubinsky A. N.** O russkikh berdyshakh [About Russian poleaxes]. In: *Voina i oruzhie: noveishie issledovaniya i materialy* [War and weapons: new research and materials]. Proceedings of the Eighth International scientific and practical conference. St. Petersburg, 2017, vol. 4, pp. 492–518. (in Russ.)
- Dmitriev A. V.** Voiska “novogo stroya” v Sibiri vo vtoroi polovine XVII veka [Troops of the New Order in Siberia in the Second Half of the 17th Century]. Novosibirsk, NSU Press, 2008, 240 p. (in Russ.)
- Drevny gorod na Obi: istoriya Surguta (K 400-letiyu goroda)** [The ancient city on the Ob: the history of Surgut (To the 400th anniversary of the town)]. Ekaterinburg, Tezis Publ, 1994, 325 p. (in Russ.)
- Dvurechensky O. V.** Kholodnoe oruzhie Moskovskogo gosudarstva XV–XVII vv. [Cold weapons of the Moscow state 15th–17th centuries]. Tula, State Museum Reserve “Kulikovo pole” Publ., 2015, 498 p. (in Russ.)
- Ermak – gordost' Rossii: kratky istorichesky spravochnik** [Ermak is the pride of Russia: a brief historical reference]. Tyumen, Tyumen State Uni. Press, 2016, 346 pp. (in Russ.)
- Letin S. A.** XVII stoletie. Strelets [17th century. Sagittarius]. *Imperiya*, 2002. no. 2 (2), pp. 12–18. (in Russ.)
- Lytkin N. A.** Arkheologicheskii otdel Tobol'skogo gubernskogo muzeya [The Archaeological Department of the Tobolsk Provincial Museum]. Tobolsk, Tobolsk provincial government Publ., 1890, 17 p. (in Russ.)
- Pisarev A. E.** Berdyshi russkoi pekhoty. Seredina – vtoraya polovina XVII veka [Poleaxes of the Russian infantry. Mid – second half of the 17th century]. *Armii i bitvy*, 2008, no. 9, pp. 15–29. (in Russ.)
- Puzanov V. D.** Politika russkogo gosudarstva po snabzheniyu uezdov Sibiri oruzhiem v XVII v. [The policy of the Russian state to supply the counties of Siberia with weapons in the 17th century]. *Istorichesky format*, 2016, no. 4 (8), pp. 106–123. (in Russ.)
- Rozenfeldt R. L.** Moskovskoe keramicheskoe proizvodstvo XII–XVII vv. [Moscow ceramic production of the 12–17th centuries]. Moscow, 1968, 124 p. (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Collection of archaeological sources], iss. E1-39) (in Russ.)
- Shults L. R.** Kratkoe soobshchenie ob ekskursii na reku Salym Surgutskago uezda [A brief message about the excursion to the Salym River of Surgut county]. *Ezhegodnik Tobol'skogo Gubernskogo Muzeya* [A Yearbook of the Tobolsk Provincial Museum], 1913, vol. 21. pp. 1–17. (in Russ.)
- Shchit i mech Otchizny. Oruzhie Urala s drevneishih vremen do nashih dnei** [Shield and sword of the Fatherland. Weapons of the Urals from ancient times to the present day]. Ekaterinburg, Raritet Publ., 2008, 464 p. (in Russ.)
- Viskovatov A. V.** Istoricheskoe opisanie odezhdy i vooruzheniya rossiiskikh voisk: s risunkami, sostavlennoe po Vysochaishemu poveleniyu [Historical Description of the Clothing and Weapons of the Russian Troops, Illustrated, Compiled by the Highest Command]. St. Petersburg, Glavnoe intendantskoe upravlenie Publ., 1899, pt. 2, 24 p. (in Russ.)
- Vlasov D. A.** K voprosu o proiskhozhdenii i bytovanii berdysh v Rossii XVII veka [On the question of the origin and existence of the Berdysh in Russia of the 17th century]. In: *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki* [History of military affairs: studies and sources].

2012, vol. 2, pp. 456–478. (in Russ.) URL: <http://www.milhist.info/2012/10/05/vlasov> (accessed 05.10.2012).

List of Sources

- Doklady i prigovory, sostoyavshiesya v Pravitel'stvuyushchem senate v tsarstvovanie Petra Velikogo [Reports and Verdicts in the Governing Senate during the reign of Peter the Great]. vol. 5: 1715, pt. 2 (July – December). St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk, 1897, 606 p. (in Russ.)
- Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissiei [Additions to Historical Acts, Collected and Published by the Archeographic Commission]. St. Petersburg, Eduard Prats Publ., 1853, vol. 5, 540 p.; 1859, vol. 6, 514 p.; 1859, vol. 7, 398 p.; St. Petersburg, Vtoroe Sobstvennoe Ego Imperatorskogo Velichiya kantselyarii Publ., 1875, vol. 7, 380 p.; St. Petersburg, Eduard Prats Publ., 1867, vol. 10, 516 p.; 1869, vol. 11, 328 p. (in Russ.)
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 1-e [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection the First]. St. Petersburg, Tipografiya vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1830, vol. 3: 1689–1699, 691 p. (in Russ.)
- Smetnye spiski 1693–1707 gg. [Estimated lists of 1693–1707]. In: Tobol'sk: materialy dlya istorii goroda XVII i XVIII stoletii [Tobolsk: Materials for the History of the City of the 17th and 18th century]. Moscow, Tipografiya M. G. Volchaninova, 1885, pp. 66–70. (in Russ.)

Информация об авторе

Игорь Валерьевич Балюнов, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник

Information about the Author

Igor V. Balyunov, Candidate of Sciences (History), Leading Researcher

Статья поступила в редакцию 16.02.2023

одобрена после рецензии 30.12.2022; принята к публикации 10.01.2023

The article was submitted on 16.02.2023

approved after reviewing on 30.12.2022; accepted for publication on 10.01.2023

Научная статья

УДК 398'54

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-135-143

Мышь в традиционном мировоззрении бурят

Андрей Андреевич Бадмаев

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

NSK.Badmaev@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9525-4366>

Аннотация

В работе вычленяется образ мыши в традиционном мировоззрении бурят. Определено, что в традиционных представлениях бурят представлен обобщенный образ мыши, вбирающий в себя черты домового и полевой мышей. Данный образ характеризуется многозначностью и амбивалентностью коннотации. По мифологическим воззрениям бурят, мышь является синонимом всего незначительного, имеет женское начало, наделяется разумом, находчивостью, жадностью, символизирует богатство, счастье, плодovitость, связывается с воровством, болезнью и исцелением. При этом признается ее нечистая, хтоническая природа. Вместе с тем исследование показало, что буряты по-разному воспринимали домовую и полевую мышей, наделяя их образы зачастую противоположными значениями.

Ключевые слова

этнография, фольклор, лексика, буряты, мифологические воззрения, домовая мышь, полевая мышь

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв.»

Для цитирования

Бадмаев А. А. Мышь в традиционном мировоззрении бурят // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 3: Археология и этнография. С. 135–143. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-135-143

The Mouse in the Traditional Worldview of the Buryats

Andrei A. Badmaev

Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

NSK.Badmaev@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9525-4366>

Abstract

Purpose. The aim of the study is to isolate the image of a mouse in the traditional worldview of the buryats.

Results. In the first part of the study, the mouse is characterized on the basis of data from ethnography, vocabulary, small genres of folklore and anthroponymy of the buryats, with the involvement of information from zoology, botany and medicine.

It has been established that in buryat folklore, a mouse meant a house mouse and a field mouse. The field mouse had a utilitarian meaning: its storerooms served as a source of food for the buryats, hence its image in the riddle as a rich man, owner of cattle and horses. It was found out that the buryats associated with the mouse some character traits and physical characteristics of a person (roguishness, thievery, sweating, etc.). The mouse was synonymous with every-

© Бадмаев А. А., 2024

thing insignificant. It was determined that the mouse image was included in the buryats' ideas about time, associated with some diseases.

In the second part of the work, the image of a mouse in the mythological views of the buryats is reconstructed. It was revealed that the field mouse was a symbol of material prosperity. It was believed that she predicted winter. The idea of a magic stone bringing happiness was associated with her. The house mouse, unlike the field mouse, was associated with demonological characters, was a harbinger of trouble and death. At the same time, the white house mouse carried the symbolism of happiness and healing.

Conclusion. The study shows that in the traditional worldview of the buryats, the image of a mouse is characterized by ambiguity and ambivalence of connotation.

Keywords

Ethnography, folklore, vocabulary, buryats, mythological views, house mouse, field mouse

Acknowledgements

The research was conducted within the framework of the research project of IAET SB RAS no FWZG-2022-0001 "Ethnocultural diversity and social processes of Siberia and the Far East of the 17th – 21st centuries"

For citation

Badmaev A. A. The Mouse in the Traditional Worldview of the Buryats. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 135–143. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-135-143

Введение

В культурах многих народов мира представлен образ мыши, наделяемый самыми разными чертами. Это животное, в частности у вепсов, связывается с плодородием и жизнью и в то же время с болезнью и смертью; такая амбивалентная символика объясняется его хтоничностью [Винокурова, 2007, с. 256]. В мифологии индийцев мышь является спутником и советчиком богов или их транспортом [Krishna, 2014], в культурах ряда родовых групп Китая – почитается как тотем [Чжао, 2013, с. 33].

Этот зооморфный образ имеет место и в традиционном мировоззрении бурят, но пока не получил должного рассмотрения. Целью исследования является вычленение образа мыши в мифологических представлениях бурят.

Общая характеристика мыши в культуре бурят

В дикой фауне Юго-Восточной Сибири обитают представители семейства мышиных, заселяющие разные биотопы, в том числе антропогенные ландшафты.

Обратимся к лексическим данным, согласно им, *хулгана* / *хулганаан* 'мышь'. Вместе с тем в бурятском языке это слово является более емким понятием, объединяющим разные виды мелких млекопитающих из отрядов насекомоядных и грызунов: *гэрэй хулгана* (*Mus musculus*) 'домовая мышь', *хээрэн хулганаан*, *морин хулганаан*, *ургэнийэ хулганаан* (*Apodemus agrarius*) 'полевая мышь'; *атаахай хулгана* (*Soricidae*) 'землеройка'; *амбаарай хулгана* (*Rattus norvegicus*) 'серая, амбарная крыса', *альганыша хулгана* (*Talpa altaica*) 'крот'. При этом буряты считают мышью полевую и домовую мышей, и именно их образы представлены в народном фольклоре.

Судя по данным монгольских языков, слово *хулгана* имеет общемонгольскую основу: *quluṅa* п.-монг. 'мышь' [Поппе, 1938, с. 309]; *хулгана* монг. 'мышь' [БАМРС, 2001–2002, с. 1399]; *хулһн* калм. 'мышь' [КРС, 1977, с. 608]; *хулуганаа* хамн. 'мышь' [ХРС, 2015, с. 332]; *хулугуна* дарх. 'мышь' [Потанин, 1883, с. 156].

В глазах бурят полевая мышь имела утилитарное значение: как и народы Сибири и Дальнего Востока, осенью они разрывали мышинные кладовые, находя в них съедобные корни *улаан мэхээрэ* 'горца живородящего' (*Polygonum viviparum*), клубни сараны (лилии кудреватой (*Lilium martagon*)) и колосья зерновых. Этот зимний запас мыши называли *ургэн*, отсюда одна из номинаций данного грызуна *ургэнийэ хулгана* 'мышь, имеющая припасы'. В этой связи отметим, что, согласно загадкам бурят, у них сложилось благожелательное отношение к полевой мыши, главным образом по причине того, что мышинные запасы являлись одним

из источников питания. Для иллюстрации приведем пример этого малого жанра фольклора бурят:

*Хээраан адууга асархадам
Хэн баян гэгшааб?!
Хэрмэн дэгэлээ умэдхэдэм
Хэн гоё гэгшааб?!
Из степи пригону скот –
Кто назовет богатым?!
Беличью шубу надену –
Кто назовет красивым?!
(мышь)*

[Бардаханова, 1982, с. 114].

Под скотом и лошадьми понимались пищевые припасы грызуна, это можно понять из загадки о полевой мыши, приводимой Ш. Л. Базаровым: «Имеет табун вороно-гнедых лошадей; в шубе из шкуры дикой козы; кто этот богач?» (полевая мышь; корешки растения, которые служат ей пищей) [Базаров, 1902, с. 29]. В подобных загадках подчеркивается запасливость такой мыши, неслучайно в них ее величают богачом, одетым в шубу (иногда из дорогого меха):

*Хоть в соболиной шубе иду,
Кто скажет – «красив он собой»?
Хоть имею тысячу белых скакунов,
Кто отметит, что богат и знатен я?
(мышь).*

У бурят с данным животным ассоциировались некоторые черты характера и физические особенности человека. Так, в их лексике одно из названий полевой мыши – *морин хулганаан* ‘лошадиная мышь’ – имеет еще значение «пройдоха». Вероятно, это наименование дано грызуну по причине отдаленной схожести его бега лошадиной рыси, в народе один из видов аллюра так и называли *хулганаан хатар* ‘букв. мышинная рысь, мелкая плавная рысь’ [БРС, 2010, с. 464].

В поговорках с мышью связывали такую негативную черту человека, как вороватость:

*Хулаагай (хулгай?) ябаһан газарта
Хулганын нухэн*

[Оньһон угэ оностой, 1979, с. 205].

*На дороге воровства
Мышиная норка
(перевод наш. – А. Б.).*

Во внешнем облике мыши особо выделяли глаза, и в отношении человека с близко посаженными глазами использовалось выражение: *Хулганаан уйтахан нюдэтэй* ‘с узкими мышинными глазами’. Если кто-то сильно взмок или промок, то про него говорили: *Шудхаһан хулганаан* ‘мокрая мышь, перен. мокрая курица’; *шудхаһан хулганаан болохо* ‘букв. становиться мокрым как мышь, промокнуть до нитки, вспотеть’ [БРС, 2010, с. 464].

В речи бурят с этим животным в силу его небольших размеров ассоциировалось всё незначительное. Например, оставленный малозаметный след сравнивали с мышинным: *хулганын мууроор* ‘мышинным (в знач. совершенно незаметным) следам’. Про безуспешную охоту индеек сказательно сообщали: *Хулганын хамарһаа шуһа гаргаагүй* ‘не пролив крови из мышинового носа’.

В число старинных бурятских женских имен входило имя Хулгана [Митрошкина, 1987, с. 82], что может свидетельствовать о женском начале мыши в представлениях бурят.

Образ мыши был инкорпорирован в воззрения о времени: *Хулгана жэл* ‘год мыши, название первого года двенадцатилетнего животного цикла’; *хулгана хара* ‘октябрь’. Внутреннее пространство традиционного жилища бурят – юрты – рассматривалось как своеобразные солнечные часы: в дневное время суток свет, падающий через светодымовое отверстие, расположенное ровно по центру крыши, освещал определенный участок жилища, которому соответствовало животное из центральноазиатского зодиака. Так, условно выделяли сегмент под знаком мыши *хулгана саг* ‘два часа ночи’.

С этим зверьком связывались болезни *хулгана убиэн* ‘букв. мышинная болезнь, туберкулез подчелюстных желез’ и *бахалзуурай хулгана убиэн* ‘букв. мышинная болезнь глотки, зоб, базедова болезнь’. В начале XX в. о распространенности в среде, в частности, ольхонских бурят туберкулеза подчелюстных желез писал в своих дневниках Ц. Ж. Жамцарано: «Здесь многие страдают от шейных болезней, так. наз. *Хулгана* (мышинная)» [2001, с. 82]. Любопытно, что в монгольском языке под «мышинной» болезнью подразумевался широкий спектр заболеваний: *хулгана овчин* ‘букв. мышинная болезнь, туберкулез подчелюстных желез, раковая опухоль, сифилис, золотуха’ [БАМРС, 2001–2002, с. 1399].

В дикой флоре Юго-Восточной Сибири распространено травянистое растение, именуемое бурятами *Хулганын шэхэн* ‘букв. мышинные уши, щавель (*Rumex*), кислица’, которое употреблялось в народной медицине. Остается неясным, почему так называли растение: геометрия его листа никак не напоминает контуры мышинного уха, маленького и округлого.

Мифологические воззрения бурят о мыши

Домовые мыши иногда заводились в личных вещах бурят, но те, как правило, проявляли терпимое отношение к ним, это читается в их народных приметах. Положительно оценивали, если мышь прятала в одежде и обуви какие-либо пищевые продукты, в особенности печеный хлеб или зерно, которые у бурят символизировали богатство и счастье [Хангалов, 1960, с. 67]. Мышь также наделялась символикой плодovitости, что объяснимо приносимым ею большим пометом. В связи с этим у предбайкальских бурят существовала примета: «Мышь в чьей-нибудь одежде принесет детенышей, это считается хорошею приметой» [Там же, с. 68].

В то же время было иное отношение к данному грызуну, если он наносил ущерб. Буряты воспринимали как знак беды, когда мыши прогрызали одежду [Там же]. То же предубеждение (предвестие смерти, беды) отмечается у славянских народов (русских, македонцев), моравских валахов [Гура, 1997, с. 405, 414], вепсов [Винокурова, 2007, с. 256].

Кормовыми местами для домовых мышей являлись срубные дома, юрты и амбары бурят, они подьедали пищевые продукты (молочные, зерновые и др.), поэтому в фольклоре бурят, например в сказках «Мышка-воришка» и «Две мыши», в отношении мыши сложился устойчивый образ воришки, которого зачастую губит собственная жадность [Бурятские народные сказки..., 2000, с. 86–88].

В то же время в других бурятских сказках мышь наделяется умом и находчивостью. Это, в частности, демонстрируется в сказке «Мышь, лев и человек»: благодаря мыши человек и лев не раз выходят из затруднительных ситуаций, но в конце концов, обидевшись на невнимание к ее советам, она уходит от них [Там же, с. 68–74].

Такие же представления отражают народные приметы, по которым мыши якобы предсказывают погоду в отдаленной перспективе, в особенности характер предстоящей зимы. Предбайкальские буряты верили, что: «Если в конце лета или осени мыши рано приносят детенышей и рано их выводят, это означает, что рано упадет снег. Если мыши поздно выводят детей, то, значит, снег упадет поздно и осень будет теплая и долгая»; «Если мыши на пашнях и в соломе гнезда для своих детей устраивают высоко, это означает, что будет глубокий и большой снег; если гнезда устраивают низко, снег будет малый» [Хангалов, 1960, с. 68]. На подобные приметы полагались и другие буряты, у агинских бурят они были известны

в следующей редакции: «Если полевая мышь-сеноставка свой зимний запас кормов кладет в неглубокую яму, снегу будет много» [Линховоин, 2014, с. 190]; «если прячет глубоко, будет мало; если она свои запасы придавливает камнем (причем делает это рано), то жди лютой зимы, а в канун зимы теплой прикрывает аргалом – сухим пометом» [Там же, с. 21].

С данным грызуном связано поверье, по которому будто бы в мышиных гнездах можно обнаружить волшебный камень, приносящий счастье его владельцу [Хангалов, 1960, с. 68]. Как известно, в понимании скотовода, какими были буряты, *хэшэг* ‘счастье’ заключается в первую очередь во владении собственным стадом. Здесь можно найти параллели с народными воззрениями украинцев Сумской области, у которых была распространена идея о волшебном камешке из мышиного гнезда, способствующем заведению скота определенной масти [Гура, 1997, с. 404].

Буряты обращали внимание на иногда встречающихся домовых мышей необычного, белого цвета, наделяя таких грызунов чудесными качествами. Согласно поверью предбайкальских бурят, «...если человек увидит белую мышь (по-бурятски: саган-хулгана), он должен убить ее, снять ее шкуру, хорошенько высушить и постоянно носить при себе, потому что белая мышь приносит счастье, особенно в торговле. Мясо белой мыши высушивают и хранят, потому что оно имеет целебное свойство от разных болезней; больной человек скоро выздоравливает, если поест мясо белой мыши. Белых мышей видят очень счастливые люди» [Хангалов, 1960, с. 68]. Получается, что в суждениях бурят мышь-альбинос в силу ее редкости в природе рассматривалась носителем счастья, удачи. Дифференциация обычной (с темным цветом шерсти) и белой домовых мышей проводилась по критерию их связи с болезнями: если обычная мышь увязывалась с тяжелыми заболеваниями, то белая воспринималась своеобразным чудо-лекарством. Вероятно, основой такой оппозиции служила якобы разная природа этих грызунов (чистая и нечистая). Отметим, что в мифологии разных народов мира выделялись упомянутые выше функции мыши (принесение болезни и исцеление) [Мифы народов мира, 1980, с. 701].

Буряты зачастую приписывали полевой мыши положительную роль кормилицы людей и восхищались ее трудолюбием: «...мышь, так называемая “атаха хулгана” или “ургэнши хулгана”, выпросила у бога разрешение кормить половину его людей; вследствие этого мышь “ургэнши хулгана” все лето собирает саранку... и другие корни и кладет их в особо вырытую яму, чтобы люди взяли их из ямы и ели. Когда люди находят этот мышиный запас и берут, мышь радуется; а если не находят, то печалится и даже удавливается. В первом случае мышь говорит, что ее черный труд не пропал, а во втором, плача, говорит: “труд даром пропал”. Убить мышь “атаха хулгана” буряты считают за грех» [Хангалов, 1960, с. 68–69]. В цитируемом фрагменте стоит выделить его последнюю часть – действие табу на убийство полевой мыши. Между тем, как указывалось выше, буряты допускали убийство домашней мыши.

В этом же поверье интересен эмоциональный момент об «удавлении» полевой мыши, с точки зрения орнитологии объясняемый особенностью осенней охоты совиных (в частности, домашнего сыча (*Athene noctua*)) на данного грызуна, подвешивающих добычу (будущий зимний корм) на развилках веток деревьев. В источниках XVIII в. причину этого явления объясняли страхом мыши перед перспективой голодной смерти зимой и винили бурят в нещадном грабеже мышиных запасов, сравнивая их с жестокими сборщиками податей [Бадмаев, 2011, с. 92]. В приведенном тексте важно очеловечивание данного животного через придание ему определенных чувств и поступков. В следующей загадке агинских бурят содержится схожая негативная оценка практики разорения мышиных кладовых: «Сурковая рубаха невообразима (издыравлена), татарская торговля без закона. (Мышьи норы. Кража людьми съедобных корней, которые собирают мыши про запас)» [Базаров, 1902, с. 29]. В ней место ненавистной фигуры сборщика податей, характерной для XVIII в., занимает образ торговца-лихоимца конкретного этнического происхождения, с кем в конце XIX в. сталкивались буряты.

Отрицательная характеристика домового мыши (как впрочем, и полевой) во многом обусловлена ее сумеречным и ночным образом жизни и устройством нор в земле и под полом, по этой причине верили в ее хтоническое происхождение и связь с потусторонним миром. Неслучайно в мифологических воззрениях бурят она зачастую ассоциировалась с демонологическими персонажами.

Таким демоническим существом, как полагали, является *ама сагаан хулгана* 'белоротая мышь' – вампир, сосущий по ночам кровь у младенцев. Кроме того, бытовали поверья об *ада хулгана* (от *адаха* 'привязываться') или *хэрэсэ хулгана* (от *хэрэхэ* 'шататься, слоняться'), мыши, которая, когда линяет, становится оборотнем ада, насылающим болезни на взрослых и детей и даже убивающим младенцев. Этот злой дух являлся в виде маленького зверька (в частности, мыши), с единственным глазом во лбу и зубом во рту, или «косой женщины, прикрывающей рукой окровавленный рот и единственный зуб» [Манжигеев, 1978, с. 13–14]. Отдаленную аналогию ада можно провести с образом домашнего покровителя змора у поляков, будто бы принимающего облик мыши и душащего спящих [Гура, 1997, с. 403].

В эпике бурят подчеркивается нечистая природа мыши. Так, в эпосе «Гэсэр» рисуются гипертрофированные образы мышей, посланных чертями извести младенца Гэсэра:

Послали они мышей с трехгодовалых быков,
С мордой медной и железных с боков.
Мыши вредные, морды медные,
Железнобокие, железнобрюхие
Вокруг колыбели бегают, нюхают
[Гэсэр, 1986, с. 95].

Интересно, что в фольклоре предбайкальских бурят фиксируется библейский сюжет о всемирном потопе: «Шитхыр (*шудхэр* 'черт'), вошедший на корабль, **обратился в мышей** (выделено мной. – А. Б.) и начал грызть дно корабля; прогрыз много дырок, в которые вошла вода. Этот человек начал затыкать дыры и выбрасывать воду, а мыши прогрызли другие дыры, через которые опять входила в корабль вода. Бурхан (*бурхан* 'бог'), увидя это, сотворил кошку, которая переловила всех мышей на корабле» [Сказания бурят..., 1890, с. 72]. Мотив превращенного черта / дьявола, содержащийся в этом мифе, указывает на демоническую природу мыши. Данный сюжет широко известен у славянских народов [Гура, 1997, с. 404]. Очевидно, что он представляет собой заимствование, которое имело распространение в среде крещеных бурят.

Заключение

Выяснено, что в традиционном мировоззрении бурят представлен обобщенный образ мыши, вбирающий в себя черты домового и полевой мышей. Этот зооморфный образ имеет неоднозначную коннотацию.

В целом в традиционных представлениях бурят мышь характеризуется как синоним всего незначительного, имеет женское начало, наделяется разумом, находчивостью, жадностью, символизирует богатство, счастье, плодovitость, связывается с воровством, болезнью и исцелением, признается ее нечистая, хтоническая природа.

Между тем обнаруживаются различия в восприятии бурятами полевой и домового мышей. Полевая мышь положительно оценивалась из-за своего утилитарного значения, в связи с этим она рассматривалась как символ материального достатка, и действовало табу на ее убийство. Верили, что она предсказывает зиму. С этим грызуном ассоциировалась идея о волшебном камне, приносящем счастье. В то же время ее наделяют негативными качествами пройдох. Домовая мышь, в отличие от полевой, связывалась с демонологическими персонажами, была предвестником беды и смерти, поэтому допускалось ее убийство. Вместе с тем белая домовая мышь несла символику счастья и исцеления.

Список литературы

- Бадмаев А. А.** Система питания предбайкальских бурят в XVIII веке // Народы Евразии. Традиции и современность: Материалы казахстанско-российского научного семинара (27 октября 2010 г., г. Астана). Астана, 2011. С. 90–95.
- Базаров Ш. Л.** Двести загадок агинских бурят // Тр. КОПОИРГО. 1902. Т. 5, вып. 1. С. 22–34.
- БАМРС** – Большой академический монгольско-русский словарь: Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь / Под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001–2002. 2198 с.
- Бардаханова С. С.** Малые жанры бурятского фольклора. Пословицы, загадки, благопожелания. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1982. 208 с.
- БРС** – Буряад-оруд толи. Бурятско-русский словарь: В 2 т. / Сост. К. М. Черемисов, Л. Д. Шагдаров. Улан-Удэ: Республ. тип., 2010. Т. 2: О–Я. 708 с.
- Бурятские народные сказки: О животных. Бытовые** / Сост. Е. В. Баранникова, С. С. Бардаханова, В. Ш. Гунгаров, Б.-Х. Б. Цыбикова. Новосибирск: Наука, 2000. 304 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 20)
- Винокурова И. Ю.** Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции): Дис. ... д-ра ист. наук. Петрозаводск, 2007. 565 с.
- Гура А. В.** Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
- Гэсэр.** Бурятский народный героический эпос. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. Т. 1. 288 с.
- Жамцарано Ц. Ж.** Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 382 с.
- КРС** – Хальмг-орс толь. Калмыцко-русский словарь. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
- Линховоин Л. Л.** Лодон багшын дэбтэрхээ. Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном, 2014. 464 с.
- Манжигеев И. А.** Бурятские шаманистические и дошаманистические термины (опыт атеистической интерпретации). М.: Наука, 1978. 126 с.
- Митрошкина А. Г.** Бурятская антропонимия. Новосибирск: Наука, 1987. 222 с.
- Мифы народов мира** / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1980. 1147 с.
- Онъһон угэ оностой.** Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1979. 220 с.
- Поппе Н. Н.** Монгольский словарь Мукаддимат Ал-Адаб. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 566 с. (Тр. ИВ АН СССР; т. XIV).
- Потанин Г. Н.** Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883. Вып. 4: Материалы этнографические. 1026 с.
- Сказания бурят, записанные разными собирателями** // Зап. ВСОИРГО. Иркутск. 1890. Т. 1, вып. 2. 160 с.
- Хангалов М. Н.** Собр. соч. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. Т. 3. 421 с.
- ХРС** – Хамниганско-русский словарь. Иркутск: Оттиск, 2015. 364 с.
- Чжао Ц.** Звери и птицы как символы в китайской культуре // Культура и история Китая: Символика китайской культуры. Пекин: Шанс; СПб.: КАРО, 2013. 236 с.
- Krishna N.** Sacred Animals of India. New Delhi: Penguin Random House India Pvt. Ltd, 2014. 274 p.

References

- Badmaev A. A.** Sistema pitaniya predbaikal'skikh buryat [The feeding system of the pre-Baikal buryats in the 18th century]. In: Narody Evrazii. Traditsii i sovremennost' [The peoples of Eurasia. Traditions and modernity]. Materials of the Kazakh-Russian scientific seminar (October 27, 2010, Astana). Astana, 2011, pp. 90–95. (in Russ.)
- Bazarov Sh. L.** Dvesti zagadok aginskikh buryat [Two hundred mysteries of the Aghin Buryats]. Trudy Troitskosavsko-Kyakhtinskogo otdeleniya Priamurskogo otdela Imperatorskogo Rus-

- skogo geograficheskogo obshchestva* [Labours of Troitskosavsk-Kyakhtinsky Branch of the Amur Department of the Imperial Russian Geographical Society], 1902, vol. 5, iss. 1, pp. 22–34. (in Russ.)
- Bardakhanova S. S.** Malye zhanry buryatskogo fol'klora. Poslovitsy, zagadki, blagopozhelaniya [Small genres of buryat folklore. Proverbs, riddles, good wishes]. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1982, 208 p. (in Russ.)
- Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar': Mongol oros delgerengui ikh tol' [Large Academic Mongolian-Russian Dictionary]. Moscow, Academia Publ., 2001–2002, 2198 p. (in Mongol, in Russ.)
- Buryaad-oroḱ toli. Buryatsko-russkii slovar' [Buryat-Russian Dictionary]. Ulan-Ude, Respublican Printing House, 2010, vol. 2, 708 p. (in Buryat, in Russ.)
- Buryatskie narodnye skazki: O zhivotnykh. Bytovye [Buryat Folk Tales: About Animals. Domestic Fairy Tales]. In: Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]. Novosibirsk, Nauka, 2000, vol. 20, 304 p. (in Buryat, in Russ.)
- Chzao Ts.** Zveri i ptitsy kak simvol'y v kitaiskoi kul'ture [Animals and birds as symbols in Chinese culture]. In: Kul'tura i istoriya Kitaya: Simvolika kitaiskoi kul'tury [Culture and history of China: Symbolism of Chinese culture]. Pekin, Shans; St. Petersburg, KARO Publ., 2013, 236 p. (in Russ.)
- Geser. Buryatskii narodnyi geroicheskii epos [Geser. Buryat folk heroic epic]. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1986, vol. 1, 288 p. (in Russ.)
- Gura A. V.** Simvolika zhivotnykh v slavyanskoi narodnoi traditsii [Animal symbolism in the slavic folk tradition]. Moscow, Indrik Publ., 1997, 912 p. (in Russ.)
- Khal'mg-ors tol'. Kalmytsko-russkii slovar' [Kalmyk-Russian dictionary]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1977, 768 p. (in Kalmyk, in Russ.)
- Khamnigansko-russkii slovar' [Hamnigan-Russian Dictionary]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2015, 364 p. (in Hamnigan, in Russ.)
- Khangalov M. N.** Sobranie sochinenii [Collected works]. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1960, vol. 3, 421 p. (in Russ.)
- Krishna N.** Sacred Animals of India. New Delhi, Penguin Random House India Pvt. Ltd, 2014, 274 p.
- Linkhovoin L. L.** Lodon bagshyn debterkhee [Teacher Lodon's notebook]. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 2014, 464 p. (in Buryat, Russ.)
- Manzhigeev I. A.** Buryatskie shamanisticheskie i doshamanisticheskie terminy (opyt ateisticheskoi interpretatsii) [Buryat shamanistic and pre-shamanistic terms (experience of atheistic interpretation)]. Moscow, Nauka, 1978, 126 p. (in Russ.)
- Mify narodov mira [Myths of the peoples of the world]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1980, 1147 p. (in Russ.)
- Mitroshkina A. G.** Buryatskaya antroponimiya [The Buryat anthroponymy]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 222 p. (in Russ.)
- On'khon ugy onostoi [Apt proverbs]. Ulan-Ude, Buryat book Publ., 1979, 220 p. (in Buryat)
- Poppe N. N.** Mongol'skii slovar' Mukaddimat Al-Adab [Mongolian Dictionary of Muqaddimat Al-Adab]. In: Trudy Instituta vostokovedeniya Akademii nauk SSSR [Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1938, vol. 14, 566 p. (in medieval Mongol., in Russ.)
- Potanin G. N.** Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii [Essays of North-Western Mongolia]. St. Petersburg, 1883, iss. 4, 1026 p. (in Russ.)
- Skazaniya buryat, zapisannye raznymi sobiratelyami [The legends of the buryats, recorded by different collectors]. In: Zapiski Vostochno-Sibirskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva [Notes of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Irkutsk, 1890, vol. 1, iss. 2, 160 p. (in Russ.)

Vinokurova I. Yu. Zhivotnye v traditsionnom mirovozzrenii vepsov (opyt rekonstruktsii) [Animals in the traditional worldview of the veps (reconstruction experience)]. Dr. Hist. Sci. Diss. Petrozavodsk, IYaLI Publ., 2007, 565 p. (in Russ.)

Zhamtsarano Ts. Zh. Putevye dnevniki 1903–1907 gg. [Travel diaries 1903–1907]. Ulan-Ude, BSTS SB RAS Publ., 2001, 382 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Андрей Андреевич Бадмаев, доктор исторических наук, старший научный сотрудник

Information about the Author

Andrei A. Badmaev, Doctor of Sciences (History), Senior Researcher

Статья поступила в редколлегию 26.02.2023;

одобрена после рецензии 01.09.2023; принята к публикации 10.10.2023

The article was submitted on 26.02.2023;

approved after reviewing on 01.09.2023; accepted for publication on 10.10.2023

Научная статья

УДК 39

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-144-163

Этнокартография средневековой Югры

Андрей Владимирович Головнёв

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)

Российской академии наук

Санкт-Петербург, Россия

andrei_golovnev@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5716-655X>

Аннотация

Неопределенность в вопросе местонахождения летописной Югры связана с несколькими обстоятельствами, в том числе с ее локализацией как к западу, так и к востоку от Урала, с разделением в письменных источниках народа(ов) под названием *югра* / *угра* на степных кочевников (угры, унгры, мадьяры) и таежных промысловиков (югра). Для этнографов и историков эта тема актуальна не только в ракурсе исторической географии XI–XVII вв., но и как ключ к пониманию многих сюжетов отечественной истории, связанных с колонизацией Урала и Сибири. Изобразительные источники (карты) могут открыть новые ракурсы и расставить новые акценты, поскольку картография обладает повышенной надежностью как прямая проекция реальности. На ранних картах и в сопутствующих описаниях Югра локализуется преимущественно в Приуралье, хотя, судя по всему, югричи жили и к востоку от Урала. С продвижением в XIV в. Москвы на север и восток, особенно после крещения Перми, упоминания о Югре распространяются за Урал. Если в XI–XIV вв. Югра входила в орбиту влияния Великого Новгорода, то с конца XV в. она стала владением Московского князя, в 1488 г. пополнившего свой титул званием «Югорский». После поражения Новгорода от Москвы имя «Югра» замещается новыми, московскими, названиями – «вогулы» и «остяки».

Ключевые слова

Югра, картография, этнография, остяки, вогулы

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00283 «Северность России и этнокультурный потенциал Арктики»

Для цитирования

Головнёв А. В. Этнокартография средневековой Югры // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 3: Археология и этнография. С. 144–163. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-144-163

Ethnocartography of Medieval Yugra

Andrei V. Golovnev

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera)

of the Russian Academy of Sciences

St. Petersburg, Russian Federation

andrei_golovnev@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5716-655X>

Abstract

The uncertainty of the location of the chronicle Yugra is attributable by several circumstances, including its localization both to the west and to the east of the Urals, with the division in written sources of the people(s) called Yugra / Ugra into steppe nomads (Ugrians, Ungry, Magyars, Hungarians), who went west to the Carpathians, and taiga dwell-

© Головнёв А. В., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 3: Археология и этнография. С. 144–163

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 144–163

ers (Yugra), who remained “in the midnight countries”. For ethnographers and historians, this topic is relevant not only from the perspective of the historical geography of the 11th – 17th centuries, but also as a key to understanding many plots of Russian history related to the colonization and development of the resources of the Urals and Siberia. Is it possible today to add something to this old discussion? The author believes that visual sources (maps) can open new perspectives and place new accents, since cartography has particular reliability and credibility as a direct projection of reality. On early maps and in accompanying descriptions, Yugra is located mainly in the Urals, although, apparently, the Yugrichs also lived east of the Urals. Moscow, while moved northward and eastward in the 14th century, especially after the baptism of Permians by Stefan, provided the Yugra spreading beyond the Urals. While in the 11th – 16th centuries Yugra was in the orbit of influence (or part of the domain) of Novgorod the Great, then from the end of the 15th century, it became the possession of the Moscow Grand Prince, who in 1488 supplemented his title with the name “Yugorsky”. Since that time, Yugra has been increasingly mentioned beyond the Urals, and after the defeat of Novgorod from Moscow, the very name “Yugra” becomes a thing of the past and is replaced by new, Moscow names – “Vogul” and “Ostyak”.

Keywords:

Yugra, cartography, ethnography, Vogul, Ostiak

Acknowledgements

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation no. 22-18-00283 “Northernness of Russia and Ethnocultural Potential of the Arctic”.

For citation

Golovnev A. V. Ethnocartography of Medieval Yugra. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 144–163. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-144-163

Двести лет в науке дискутируется вопрос о местонахождении летописной Югры. В самодержавной России этот интерес был обострен присутствием в царском титуле звания «Югорский» и отсутствием одноименного владения на карте страны (если не считать Югорского полуострова и пролива Югорский шар). Сегодня название вернулось – Ханты-Мансийский автономный округ стал официально именоваться Югрой (в полной версии «Ханты-Мансийский автономный округ – Югра»), однако современное и историческое расположение Югры явно различаются. Для этнографов и историков эта тема актуальна не только в ракурсе исторической географии, но и как ключ к пониманию многих сюжетов отечественной истории, связанных с присоединением и освоением ресурсов Урала и Сибири.

Историографически разногласия в вопросе местонахождения Югры возникли в ходе полемики, разгоревшейся после выхода в свет очерка академика А. Х. Лерберга «О географическом положении и истории Югорских земель», в котором он, вопреки распространенному мнению о расположении Югры на северо-востоке Европейской части России (в Приуралье), убеждал:

Древняя Югория находилась не на береге Белого моря, не у Печоры и Вычегды, не у Юга, и вообще не собственно в Европейской России, но простиралась между 56° и 67° северной широты от самого северного конца Урала на восток чрез нижнюю Обь до реки Надыма, впадающей в Обскую губу, и до Агана, который выше Сургута впадает в Обь. К ней принадлежали еще места, лежащие по нижнему Иртышу, Тавде, Туре и Чусовой. С южной стороны граничила она с Татарскими владениями, а с северной – с землею прежде бывших Самоедов [Лерберг, 1819, с. 4].

В конце XIX в. А. А. Дмитриев разделил мнения исследователей о положении средневековой Югры на три группы: (1) к западу от Урала, (2) к востоку от Урала, (3) по обе стороны Урала, причем «сперва западный, а после восточный склон гор» [Дмитриев, 1894, с. 3]. В первую группу вошли В. Н. Татищев, И. Н. Болтин, П. И. Рычков, И. Э. Фишер, Г. Ф. Миллер, А. Л. Шлецер; во вторую, помимо А. Х. Лерберга, Г. Ю. Клапрот, М. А. Кастрен, Н. А. Абрамов, Д. Н. Анучин; третью составили, вслед за И. Г. Георги, А. Регули, Д. Европеус, Э. К. Гофман, фон Бушен, А. В. Оксенов и сам А. А. Дмитриев. В последующие годы список участников дискуссии пополнился новыми именами: Б. Мункачи, А. Ф. Теплоухов, А. Каннисто, С. В. Бахрушин, В. Н. Чернецов, М. Жирай, З. П. Соколова, П. Хайду, К. Редеев, А. К. Матвеев, В. В. Напольских, Е. А. Курлаев, С. Г. Пархимович и др., включая автора этих строк.

Число публикаций растет, но оригинальных решений не добавляется. Можно ли вообще добавить что-то новое к старой «усталой» дискуссии? Меня побудила обратиться к ней необходимость обобщить имеющиеся данные для 2-го тома готовящейся сейчас к публикации академической «Истории Югры», и, к своему удивлению, я обнаружил по меньшей мере один не использованный прежде шанс, который и предопределил ракурс данной статьи. Он состоит в обращении не столько к рассуждениям и умозаключениям, сколько к изображениям. Мне уже доводилось писать о том, что картография, не теряя оттенка «игры в карты» [Головнёв, 2022], обладает повышенной надежностью и убедительностью как прямая проекция реальности. Случается, правда, что и «карты лгут» [Monmonier, 1991], но в силу их многократного практического использования ошибки и неясности исправляются. Во всяком случае совпадения в картах разного происхождения могут служить решающим аргументом в спорах о местонахождении.

Приуралье

Этнографическая «теорема» о расположении средневековой Югры усложнена, помимо локализации относительно Урала, разделением в письменных источниках народа(ов) под названием *югра* / *угра* на степных кочевников (угры, унгры, мадяры, венгры), которые ушли на запад до Карпат, и таежных промысловиков (югра), которые остались «на полунощных странах». Степные *унгры* (Оўуґроі) впервые упомянуты в византийских хрониках [Грот, 1881, с. 152] в связи с их участием в болгаро-ромейских конфликтах 830-х гг., а под 898 г. они (*угры*, *оугри*, *жгри*) отмечены в русской летописи на Днепре у Киева [ПСРЛ, 1846, с. 10–11].

Память об общности югров и угров была свежа в Европе XVI в., как видно по описанию польского географа Матвея Меховского в «Трактате о двух Сарматиях» (1521 г.):

Югры (*Iuhri*) вышли из Югры (*Iuhra*), самой северной и холодной скифской земли у Северного океана, отстоящей от Московии, города москов, на пятьсот больших германских миль к северо-востоку; пошли на юг через равнины и прибыли в область готтов в Скифии, где ныне живут татары чагадайские или заволжские. Они подавили численностью готтов и выгнали их из Готтии в Сарматию. Когда югры утвердились там и чрезвычайно размножились, они, услышав однажды от охотников, перешедших реки Волгу и Танаис в погоне за ланью, что земля сарматов сравнительно наиболее плодородна в Европе и мягче климатом, переплыли массой вышесказанные реки, разбили сарматов и русских и, двинувшись вслед за готтами, воевали с ними в Мизии и Фракии и победили их. Придя в Паннонию, они остановились там восхищенные почвой, вином и плодородием страны [Меховский, 1936, с. 79].

Первоначальный смысл названия *угры* / *югра* / *йура* восходит, вероятно, к тюркскому наименованию племен «Десяти стрел» – *Оногур* (он ‘десять’, *огур* ‘стрела’), кочевавших в европейских степях в V–X вв. Варианты огласовки названия зависели от того, на каком языке излагались сведения об этом народе и его частях. По-южнорусски (по-киевски) тюркское имя *огур* было озвучено как *угры* [Хайду, 1985, с. 13–15]. В северорусскую (новгородскую) лексику оно могло попасть через пермян (коми) в варианте *йӧгр* (так коми до сих пор называют манси) [Лашук, 1966, с. 71] и обрести звучание *югра*. Впрочем, в разных летописных списках *Югра* и *Угра* чередуются, так что их можно считать вариантами одного и того же слова, а в арабском название приобрело огласовку *Йура*.

Самым ранним в арабо-персидских источниках упоминанием «полунощного» народа *Йура* считается его описание в книге «Геодезия» хорезмийца Абу Рейхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни (1025 г.):

...жители, находящиеся за [серединой седьмого климата], – немногочисленны и подобны дикарям. Крайний пункт, где они сообщаются [живут], – страна Йура. К ней идут из [страны] Ису в течение двенадцати дней, а к Ису из Булгара в течение двадцати дней. [Они передвигаются] на деревянных саях, в которых погружают припасы и которые тащат либо сами, либо их собаки, а также на других [скользящих приспособлениях], сделанных из кости, которые они привязывают к ногам и с их помощью покрывают большие расстояния в короткие сроки. Жители Йуры из-за их дикости и пугливости торгуют так: они оставляют товары в каком-нибудь месте и удаляются от него [Бируни, 1966, с. 156].

Ал-Бируни дает первые картографические координаты страны Йура: в таблице книги «Канон Мас'уда» (1036 г.), среди прочих территорий, обозначены «чащобы Йуры, а они дикие, торгуют, не показываясь» (т. е. место немой торговли с народом Йура) – 63° в. д. и 67°30' с. ш. В той же таблице даны и координаты народа / местности *Унгра* (вероятно, южных унгов) – 58° в. д. и 48°20' с. ш. [Бируни, 1973, с. 473] При всей условности расчетов Бируни, который пользовался чужими картами, а не собственными замераами, его координаты для Югры и Унгры вполне соотносимы с их историческими территориями (рис. 1).

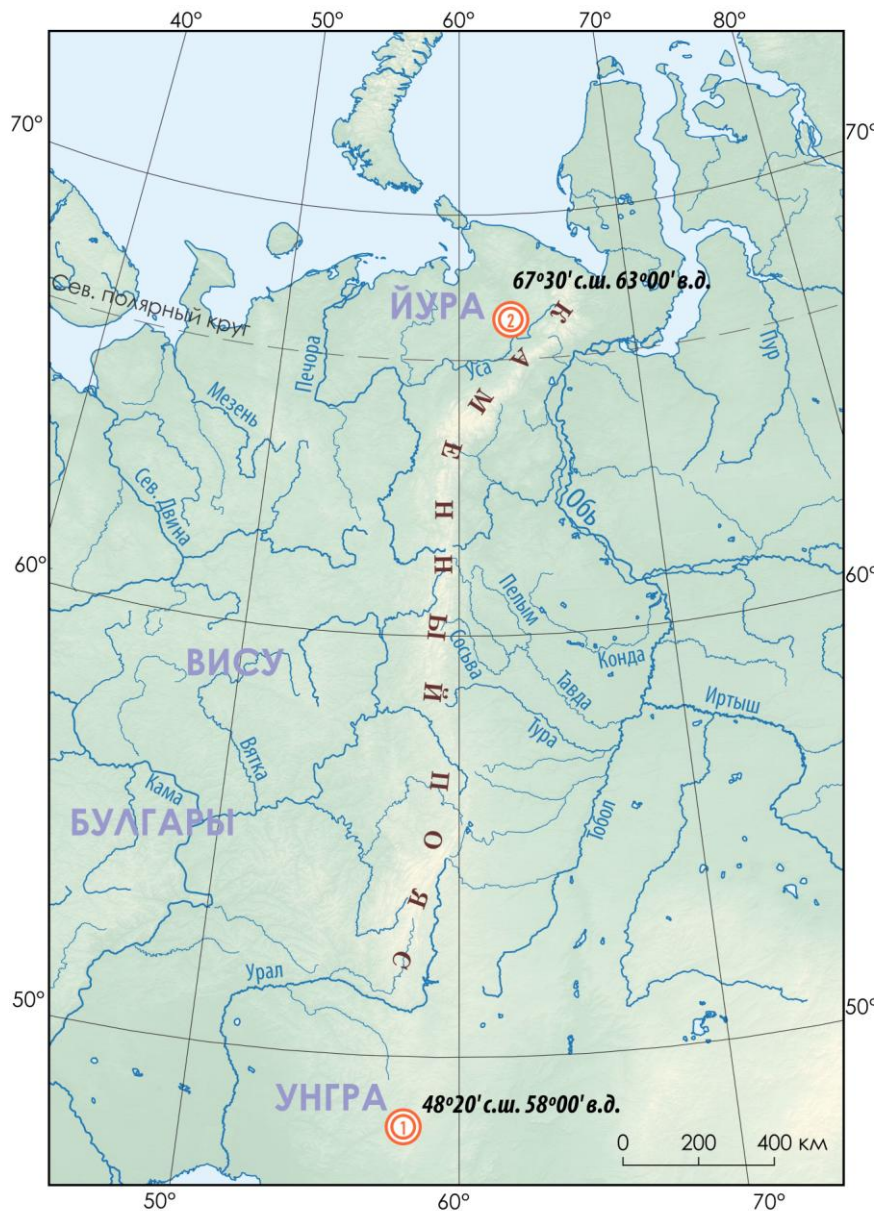

Рис. 1. Карта-реконструкция: Йура и Унгры по ал-Бируни
Fig. 1. Reconstruction map: Yura and Ungrs according to al-Biruni

Полвека спустя, в 1096 г., северный народ *югра / угра* был упомянут в широко известном летописном рассказе новгородца Гюряты Роговича о походе его отрока (дружинника) в Печеру и Югру в 1092 г. Из описания как будто ясно, что новгородец побывал в Югре, не дохо-

дя до гор (Урала), куда путь «непроходим пропастьми, снегом и лесом» [ПСРЛ, 1846, с. 107]. Однако ментальные карты некоторых авторов позволяют им допустить, что отрок всё же пересек Урал; к тому же мы условились в этом очерке полагаться не на описания, а на изображения.

Средневековая картография запечатлела Югру (Югрию) на картах, выполненных Баттистой Аньезе (Battista Agnese) в 1525 г. для «Книги о Московии» Павла Иовия, где надпись *Ivgria regio silvestris* (Югрия лесной край) помещена к западу от Сев. Двины, а также в составленной в 1530-е гг. (рис. 2) и изданной в 1555 г. карты данцигского сенатора Антона Вида (Anton Wied), где *Iuhri* (родственные по языку венграм) помещены в верховьях р. Мезени (рис. 3). Там же расположена Югра (*Ivhri*) на карте Московии в «Космографии» (1544 г.) Себастиана Мюнстера (Sebastian Münster) (рис. 4).

Николаас Витсен расположил *Югорию* (*Iugoria*) между *Пермией* и *Самоедией*, к западу от Урала (рис. 5). Согласно комментариям в книге, область Югория (Юргечи, Югорши) находится близ р. Вычегды, притока Двины; «москвиты думают, что венгры происходят из этой области, а также и из Перми, потому что этот народ и народ Венгрии очень сходны между собою и по характеру, и по нравам» [Витсен, 2010, с. 981]. В Югории, помимо других, живут «югорские самоеды» [Там же, с. 1126]. По другим сведениям, Югория распространяется и «на восточную сторону», где течет река Обь, и там тоже живут самоеды [Там же, с. 1181].

На подробной карте Московии Гильома де Лиля (Guillaume de l'Isle, Carte de Moscovie), изданной в Париже в 1706 г., Югра также показана в верхнем течении р. Мезени, с координатами: долгота 44°, широта 66° 30' (рис. 6) [Монгайт, 1971, с. 105].

Все упомянутые выше карты были выполнены европейскими картографами, которые могли, глядя на Московию с запада, не уделить должного внимания восточным землям. В 1701 г. тобольский картограф Семен Ремезов составил Чертежную книгу Сибири и на 24-м листе атласа показал Пермь Великую, где справа (на севере), к востоку от р. Мезени, у берега Студеного моря (и у самого края карты) мелким шрифтом написано: «Юго(р)ское царство» (рис. 7). Не очень понятно, почему «царство» и притом так мелко, вернее, почему так мелко, если «царство»? А. А. Дмитриев не сдержал упреков в адрес сибирского картографа за то, что тот поместил Югру так далеко на западе: «...смутно представлял себе Ремезов положение Югры, в действительности тогда уже не существовавшей и сохранившей свое название только в царском титуле» [Дмитриев, 1894, с. 40].

Дмитриев чутко уловил в «царстве» отзвук царского титула (в 1488 г. Иван III назвался «Югорским» в грамоте чешскому королю Матеашу), однако местонахождение этого «царства» всё же не случайно. Число указаний на расположение Югры к западу от северного Урала (Югорского камня) явно выходит за рамки «недоразумения»: и в старину Югру считали частью Биармии [Голб, Прицак, 1997, с. 86], и в имперские времена сохранялась память о том, что город Мезень расположен в Югории, откуда в 1743 г. вышла в море команда поморов «к острову Шпицбергену для ловли китов или моржей» [Ле Руа, 1933, с. 20]. Остается заключить, что память о европейской (приуральской) Югре сохранилась со времен ал-Бируни и Гюраты. Судя по договорным грамотам Новгорода с князьями, Югра числилась в списке новгородских волостей с 1265 по 1471 г., в одном и том же перечне: ...Вологда, Заволочье, Тре, Пермь, Печера, Югра; при этом новгородцы ревностно оберегали свои владения за Волоком, включая Югру, от притязаний князя. Например, в грамоте 1265 г. князю Ярославу Ярославичу вменялось: «А за Волок ти своего мужа не слати, а слати новгородца» [Собрание государственных грамот..., 1813, с. 3]. Насколько Новгороду удалось сберечь свои владения от притязаний приглашаемых на новгородскую службу князей, настолько не удалось избежать растущих притязаний великих князей Московских.

и.д.Рис. в. Н. Жихов

Рис. 2. Б. Аньезе. Тартария. 1525 г.
Fig. 2. В. Agnese. Tartaria. 1525

Рис. 3. А. Вид. Тартария. 1555 г.
Fig. 3. A. Wied. Tartaria. 1555

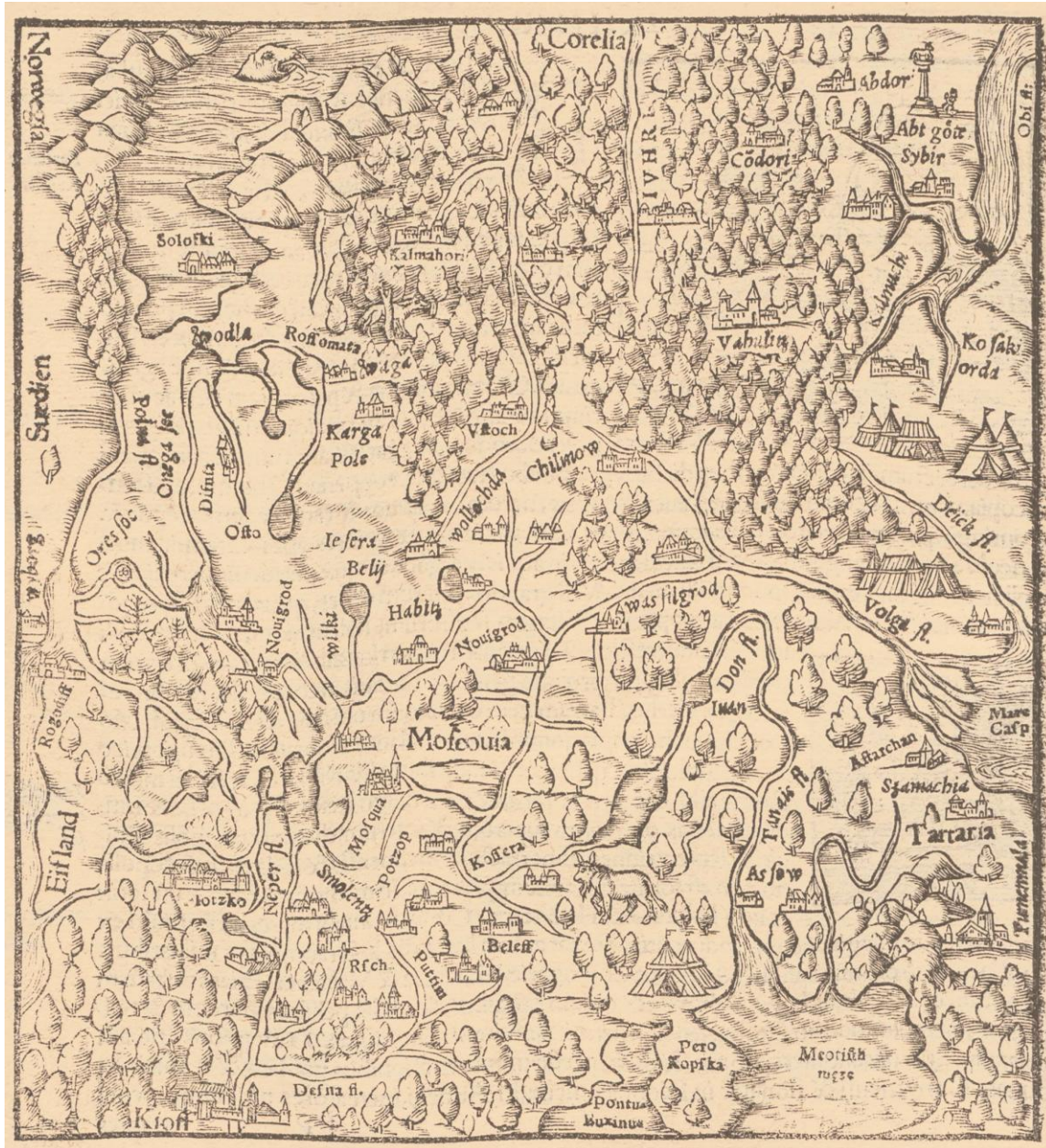

Рис. 4. С. Мюнстер. Космография. 1628 г. (1544 г.)

Fig. 4. S. Munster. Cosmographia. 18628 (1544)

Зауралье

Свидетельства, позволившие А. Х. Лербергу настаивать на расположении средневековой Югры к востоку от Урала, относятся к периоду московской экспансии в Заволочье. Восточные походы Новгорода и Москвы XIII–XV вв. были нацелены не столько на Пермь или Югру, сколько друг против друга за контроль над областями «за Волоком». Сообщение Новгородской летописи о походе 1364 г. – «Той зимою с Югры новгородци приехаша, дети боярские и молодые люди и воеводы Александр Абакумович и Степан Ляпа, воеваше по Обе-реки до моря, а другая половина рати на верх Оби воеваша» [ПСРЛ, 1848, с. 64] – можно

рассматривать как первое свидетельство расположения (продолжения) Югры в Зауралье, хотя допустимо и иное толкование этого известия – о возвращении рати с Югры, которую новгородцы использовали как плацдарм для похода за Урал на Обь. В любом случае речь идет о новом пространстве, вернее новом знании о пространстве Югры по обе стороны Югорского камня.

Самым заметным успехом московского продвижения к Уралу стало крещение пермян в 1379–1383 гг. уроженцем Устюга и ставленником Москвы Стефаном Пермским. В 1383 г. была учреждена новая Пермская епархия, епископом которой стал Стефан, а на следующий год кудесник Пам, предводитель отвергших крещение язычников, увел значительную часть соплеменников за Урал на Обь [Головнёв, 2010]. Судя по всему, в поток переселенцев из Перми влились жители соседних областей Приуралья, в том числе Югры. Поскольку Югра и раньше располагалась по обе стороны Югорского камня, эти миграции были, по существу, внутренним перетоком югричей, но при этом на западе их число убывало, а на востоке нарастало. Кроме того, за Урал перешли строптивые югорские вожди, и отныне для мирного или немирного урегулирования отношений с Югрой следовало обращаться за Камень.

Рис. 5. Н. Витсен. Северная и Восточная Тартария (фрагмент). 1692 г.

Fig. 5. N. Witsen. Noord en Oost Tartarye (fragment). 1692

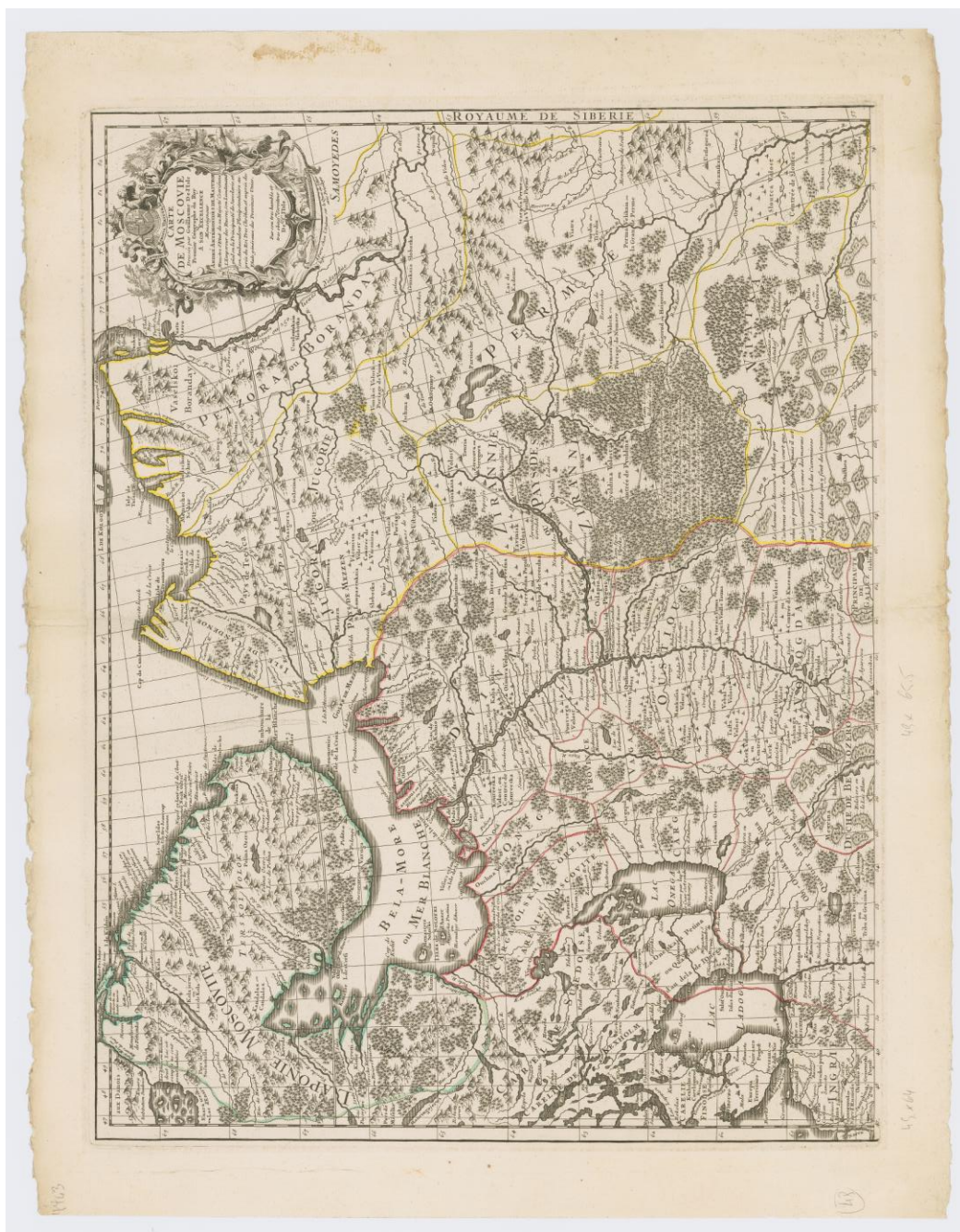

Рис. 6. Г. де Лиль. Карта Московии. 1706 г.
Fig. 6. G. Delisle. Map of Moscovia. 1706

Рис. 7. С. У. Ремезов. Чертежная книга Сибири (фрагмент). 1701 г.

Fig. 7. S. U. Remezov. Drawing book of Siberia (fragment). 1701

В истории Югры и ее соседей наступила московская эпоха, открывшаяся периодом «югорских войн», – с 1465 по 1499 г. состоялось по меньшей мере пять (1465, 1467, 1481, 1483, 1499 гг.) русских ратей на Югру и несколько встречных рейдов югорских князей Асыки, Юмшана и др. [Дмитриев, 1894, с. 55–59]. Неуступчивость и стойкость югричей замедлила, но не остановила их постепенный отход за Урал, начавшийся при Стефане и Паме. Рейд московских воевод 1483 г. уже определенно был нацелен на зауральскую Югру: «Князь великий Иван Васильевич посла рать на Асыку, на вогульского князя, да и в Югру на Обь великую реку» [ПСРЛ, 1982, с. 65]. Однако это свидетельство о Югре на Оби не означает времени ее появления или передвижения из-за Урала. Речь идет лишь о том, что московские воеводы достигли Югры в летнем полугодишном (май – октябрь) походе. Кстати, в этом по-

ходе князь Федор Курбский Черный проложил путь, по которому век спустя прошел в Сибирь Ермак. После этих событий (определенно с 1488 г.) Иван III пополнил свой титул званием «Югорский». Посланная великим князем Василием Ивановичем большая московская рать «в Югорскую землю, на Куд и на Гогоуличи» 1499–1500 гг. шла уже проторенными чрезкаменными путями тремя отрядами под началом князей Семена Курбского, Петра Уша- того и воеводы Василия Гаврилова (Заболоцкого-Бражника).

Воеводу Семена Курбского застал в живых венский дипломат Сигизмунд Герберштейн, побывавший в Московии в 1517 и 1526 гг. и издавший в 1549 г. на латыни книгу “*Regum Moscoviticarum Commentarii*” (Записки о московитских делах), где поместил «указатель пути к Печоре, Югре и к реке Оби», а также несколько рисунков, в том числе карту с обозначением Югры. Князь Курбский рассказал Герберштейну (владевшему славянским языком), как во время похода «он потратил семнадцать дней на восхождение на гору и всё-таки не мог перейти через верхушку горы, называемую на его языке Столп, то есть колонна. Эта гора простирается к Океану до устьев рек Двины и Печоры» [Герберштейн, 1908, с. 133]. Не исключено, что Курбский помог послу раздобыть и «русский дорожник», который Герберштейн перевел на латынь и вставил отдельным разделом в свою книгу.

В правом углу карты Герберштейна Югра (*Juharia*) впервые изображена за Уралом, в низовьях Оби, рядом с Золотой Бабой (рис. 8). Изображение сопровождается комментарием: *Iuhra inde Ungarorum origo* (Югра, откуда произошли венгры); в издании 1556 г. – *Iugra unde Hungari Iugritzi populi* (Югра, откуда венгры. Народы югричи). В тексте дорожника Урал называется Земным поясом, Поясом мира, Камнем Большого пояса. Обь рисуется широкой рекой, берущей начало в «Китайском озере». На Оби живут народы вогуличи и югричи (*Ugritzsch*). «Если подниматься от Обской крепости по реке Оби до устьев реки Иртыша, в который впадает Сосва, то это составит три месяца пути. В этих местах находятся две крепости Ером и Тюмень, которыми управляют властелины, князья Югорские, платящие (как говорят) дань великому князю Московскому» [Там же, с. 130].

Книга Герберштейна пробудила интерес в Европе не только к Московии, но и к поиску северо-восточного морского прохода в Индию и Китай. Она оказалась в руках Себастьяна Кабота и вдохновила его на создание лондонской «Московской компании», сыгравшей яркую роль в гидрографических и географических изысканиях. Сменивший Кабота на посту главы «Московской компании» Энтони Дженкинсон, как и его предшественники, Китая по северному морскому пути не достиг, но серией своих поездок с севера на юг Московии (от Архангельска до Астрахани) значительно отодвинул горизонт знаний о Руси, стремительно расширяющей свои восточные пределы, и Югра на карте Дженкинсона расположена не в углу, а посередине вверху, в нижнем течении Оби (рис. 9).

На последующих картах Ортелия (1573 г.) и других Югра (*Ioughoria*) изображена в низовьях Оби [Дмитриев, 1894, с. 35–36]. Зауральское местоположение Югры определяет и «Книга Большому чертежу»: «Река Обь великая... От устья вверх Обдорские города, а выше Обдорских городов Югрские, а выше Югрских городов Сибирские», с уточнением: «Города по Сыгве и по Сосве – Югра» [Книга Большому чертежу..., 1838, с. 203, 215]. Означает ли это окончательную «миграцию» Югры за Урал?

Расселение или рассеяние?

Классик европейской картографии Герард Меркатор на карте Руси обозначил Югру в двух местах – *Iugra*, *Iuhra*, *Iugoria* в верховьях Мезени, с разъяснительной надписью *ex qua olim Hungari prodijisse feruntur* (откуда, как говорят, когда-то пришли венгры), и *Oughoria* на Оби (рис. 10). В своем атласе Меркатор использовал все доступные ему источники, и «две Югры» (Югра и Угория) на его карте Руси могут показаться смешением противоречивых данных; на самом деле так и выглядело в конце XVI в. пространство Югры по обе стороны Урала.

Рис. 9. Э. Дженкинсон. Russiae, Moscoviae Tartariae Description. 1562 г.
 Fig. 9. A. Jankinson. Russiae, Moscoviae Tartariae Description. 1562

Рис. 10. Герард Меркатор. Руссия. 1594 г.
Fig. 10. G. Mercator. Russia. 1594

Рис. 11. Карта Ф. И. Страленберга (фрагмент). 1730 г.
Fig. 11. Map by P. J. Strahlenberg (fragment). 1730

Если судить по историческим источникам, новгородская Югра упоминалась в Приуралье, московская – в Зауралье. Означает ли это пространственное перемещение Югры, или правильное вести речь о смене власти и, соответственно, взгляда? Известно, что новая власть склонна к переименованию городов, улиц, народов [Головнёв, 2021, с. 210], и Югра могла стать заложницей московско-новгородских противоречий. Правильнее всего учитывать оба фактора: и различие в отношении Новгорода и Москвы к зависимым народам, и обновление новой властью прежних названий.

Василий III, Иван IV и последний представитель династии царь Фёдор не забывали титуловать себя Югорскими. Между тем Югра всё реже упоминалась в летописях и всё глубже отступала «за Камень». В грамоте 1574 г. Иван IV наказывал братьям Строгановым всеми силами бороться с «Сибирским салтаном», для чего стараться склонить на свою сторону «и остяков, и вогулич, и югрич, и самоедь» [Миллер, 1937, с. 339–341]. Какие-то югричи еще бродили в конце XVI в. по зауральской тайге и упоминались в документах наряду с остяками, вогулами и самоедами. Последний раз «югра» отмечена в грамоте 1606 г. [Бахрушин, 1955, с. 87]. Напоминанием о ней остались названия Югорских гор (северного Урала), Югорского полуострова и пролива Югорский шар.

Что же стряслось с югрой или ее названием? Прежде всего хотелось бы знать, как вернувшиеся из похода 1499 г. воеводы обошлись с пригнанной в Москву тысячей пленных югорских воинов – их количество примерно вдвое превышает сегодняшнюю численность взрослых мужчин-манси на Ляпине и Северной Сосьве (района последнего обитания югры).

Как бы то ни было, на месте привычного для Новгорода названия *югра* появились новые имена – *вогулы* и *остяки*.

Название *югра* вышло из употребления в конце XVI в. не по причине исчезновения народа, а потому что новгородская традиция, в которой это имя бытовало, сменилась московскими обозначениями: западную часть бывшей югры москвиты стали называть по-зырянски *вогулами*, а восточную по-татарски – *остяками* [Головнёв, 1998, с. 133–144].

На карте Ф. И. Страленберга 1730 г. народ *югра* (*югричи*) уже отсутствует. Зато вертикально, по Уралу, крупными прописными буквами нанесена надпись UGORIA, и тут же горизонтально и в наклон малыми строчными четырежды – *Wogulizi* (рис. 11). Сочетание обозначений подтверждает, что есть страна Угория, в которой живут вогулы. Восточнее, по Оби и притокам расселены разные группы остяков: *Ostiaki Liapinski*, *Ostiaki Obdorski*, *Ostiaki Nadimski*, *Ostiaki Kasimski*, *Ostiaki Irtischni*, *Ostiaki Obski*, *Ostiaki Surgutski*, *Ostiaki Narimski* (последние обозначены трижды).

В отличие от карты, в книге Страленберга упомянуты и Угория (Ugoria) в Сибирской губернии, и Югория (Juhoria) в Архангелогородской губернии – «область Холмогорская или Двинская, земля Межень, называемая Югория или Пустозере» [Strahlenberg, 1730, p. 185]. Таким образом, одна Ю/Угория, расположенная за Уралом, населенная вогулами и остяками, еще оставалась географической (картографической) реальностью, тогда как другая, уже заселенная русскими поморами, осталась лишь в упоминаниях. При этом ее историческая реальность, подтверждаемая внушительным набором карт, не вызывает сомнений (как тут не вспомнить Артури Каннисто [Kannisto, 1927], установившего западный рубеж распространения мансийских топонимов на Мезени).

Таким образом, изначально югра, как и самоедь, обитала по обе стороны Урала, но на первых порах новгородцам и булгарам были знакомы ее западные, приуральские, рубежи. Остается отдать дань проницательности основателя народоведения академика И. Г. Георги, который в конце XVIII в. первым определенно высказался на эту тему: «Побережье от Белого моря через Урал до Оби – Югория царского титула» [Georgi, 1798, p. 13]. К этому можно добавить, что не только прибрежные арктические, но и таежные территории по склонам Урала относились к Югре, а если иметь в виду кочевников угров-венгров, то степи Приуралья и Зауралья также следует включить в область средневековой Югры / Угры. Другое дело, что эта большая область не вся и не во все времена была населена уграми, контуры расселения которых менялись в силу разных обстоятельств; кроме того, эта территория была населена не только уграми: на западе с ними соседствовали пермяне, на юге – тюрки, на севере и востоке – самодийцы.

Список литературы

- Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 2. С. 86–152.
- Бируни [Абу Райхан]. Избранные произведения / Исслед. и пер. П. Г. Булгакова. Ташкент: ФАН, 1966. Т. 3: Определение границ мест для уточнения расстояний между населенными пунктами [«Геодезия»]. 365 с.
- Бируни [Абу Райхан]. Избранные произведения / Пер. и примеч. П. Г. Булгакова, Б. А. Розенфельда. Ташкент: ФАН, 1973. Т. 5: Канон Мас'уда. 638 с.
- Витсен Н. Северная и восточная Тартария / Пер. с голл. В. Г. Трисман. Амстердам: Pegasus, 2010. Т. 2. С. 622–1225.
- Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1908. 382 с.
- Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М.; Иерусалим: Гешарим, 1997. 240 с.
- Головнёв А. В. Югра и Самоядь // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск: ИАЭ РАН, 1998. Т. 2. С. 133–144.

- Головнёв А. В.** Этюд из угорской этноистории // Этнокультурное наследие народов Севера России. К юбилею доктора исторических наук, профессора З. П. Соколовой. М.: ИЭА РАН, 2010. С. 41–55.
- Головнёв А. В.** Игра в карты: визуализация Севера // Этнография. 2021. № 3 (13). С. 207–243.
- Головнёв А. В.** Северность России. СПб.: МАЭ РАН, 2022. 450 с.
- Грот К. Я.** Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1881. 436 с.
- Дмитриев А. А.** Пермская старина. Пермь: Тип. П. Ф. Каменского, 1894. Вып. 5: Покорение Угорских земель и Сибири. 224 с.
- Книга Большому чертежу, или Древняя карта Российского государства. СПб.: Тип. Имп. Российской академии, 1838. 261 с.
- Лашук Л. П.** Из этнонимии Северо-Западной Сибири // Вестник МГУ. Серия «История». 1966. № 2. С. 69–76.
- Ле Руа [Петр Людовик].** Приключения четырех русских матросов на Шпицбергене. Л.: Изд. Всесоюзного арктического ин-та, 1933. 52 с.
- Лерберг А. Х.** Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб.: Тип. Деп. нар. просвещения, 1819. 397 с.
- Меховский М.** Трактат о двух Сарматиях. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 288 с.
- Миллер Г. Ф.** История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. 606 с.
- Монгайт А. Л.** Исторический комментарий // Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153). М.: Наука, 1971. С. 84–130.
- ПСРЛ. Л.: Наука, 1982. Т. 37: Устюжские и вологодские летописи. 230 с.
- ПСРЛ. СПб., 1846. Т. 1, кн. 1: Лаврентьевская и Троицкая летописи. 267 с.;
- ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4: Новгородские и Псковские летописи. 360 с.
- Собрание государственных грамот и договоров. М.: Тип. Н. С. Всеволожского, 1813. Ч. 1. 643 с.
- Хайду П.** Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985. 430 с.
- Georgi J. G.** Geographisch-physicalischen und Naturhistorischen Beschreibung des Russischen Reichs. Königsberg: Friedrich Nicolovius, 1798. Bd. 2.
- Kannisto A.** Über die früheren Wohngebiete der Wogulen im Lichte der Ortsnamenforschung // FUF. Helsinki, 1927. Bd. 18, H. 1–3.
- Monmonier M. S.** How to Lie with Maps. Chicago: Uni. of Chicago Press, 1991. 252 p.
- Strahlenberg [Philipp Johann von].** Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730. 438 S.

References

- Bahrushin S. V.** Ostyatskie i vogul'skie knyazhestva v XVI–XVII vv. [Ostyak and Vogul principalities in the 16th – 17th centuries]. In: Bahrushin S. V. Nauchnye Trudy [Scientific works]. Moscow, 1955, vol. 3, ch. 2, pp. 86–152. (in Russ.)
- Biruni [Abu Rajhan].** Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Research and transl. by P. G. Bulgakov. Tashkent, FAN Publ., 1966, vol. 3: Determination of the boundaries of places to clarify the distances between settlements [“Geodesy”], 365 p. (in Russ.)
- Biruni [Abu Rajhan].** Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Transl. and comment. by P. G. Bulgakov and B. A. Rozenfeld. Tashkent, FAN Publ., 1973, vol. 5: Canon of Mas'ud, 638 p. (in Russ.)
- Dmitriev A. A.** Permskaya starina [Perm antiquity]. Perm, Tip. P. F. Kamenskago Publ., 1894, iss. 5: Conquest of the Ugrian lands and Siberia, 224 p. (in Russ.)
- Georgi J. G.** Geographisch-physicalischen und Naturhistorischen Beschreibung des Russischen Reichs. Königsberg: Friedrich Nicolovius, 1798, Bd. 2.

- Gerbershtein S.** Zapiski o moskovitskikh delakh [Notes on Muscovite Affairs]. St. Petersburg, A. S. Suvorin Publ., 1908, 382 p. (in Russ.)
- Golb N., Pricak O.** Khazarsko-evreiskie dokumenty X veka [Khazar-Jewish documents of the 10th century]. Moscow; Ierusalim, Gesharim Publ., 1997, 240 p. (in Russ.)
- Golovnev A. V.** Etyud iz ugorskoj etnoistorii [Etude from Ugric ethnohistory]. In: Etnokul'turnoe nasledie narodov Severa Rossii. K yubileyu doktora istoricheskikh nauk, professora Z. P. Sokolovoy [Ethnocultural heritage of the peoples of the North of Russia. To the anniversary of Doctor of Historical Sciences, Professor Z. P. Sokolova]. Moscow, IEA RAS Publ., 2010, pp. 41–55. (in Russ.)
- Golovnev A. V.** Igra v karty: vizualizatsiya Severa [Playing Cards: Visualizing the North]. *Etnografika*, 2021, no. 3 (13), pp. 207–243. (in Russ.)
- Golovnev A. V.** Severnost' Rossii [Northerness Russia]. St. Petersburg, MAE RAS Publ., 2022, 450 p. (in Russ.)
- Golovnev A. V.** Yugra i Samoyad' [Yugra and Samoyed]. In: Sibir' v panorame tysyacheletii [Siberia in the panorama of millennia]. Novosibirsk, IAE RAN Publ., 1998, vol. 2, pp. 133–144. (in Russ.)
- Grot K. Ya.** Moraviya i mad'yary s poloviny IX do nachala X veka [Moravia and the Magyars from the half of the 9th to the beginning of the 10th century]. St. Petersburg, Tip Imp. Akademii nauk Publ., 1881, 436 p. (in Russ.)
- Haydu P.** Ural'skie yazyki i narody [Uralic languages and peoples]. Moscow, Progress, 1985, 430 p. (in Russ.)
- Kannisto A.** Über die früheren Wohngebiete der Wogulen im Lichte der Ortsnamenforschung. FUF. Helsinki, 1927. Bd. 18, H. 1–3.
- Kniga Bol'shomu chertezhu, ili Drevnyaya karta Rossiyskogo gosudarstva** [A book to a larger drawing or an ancient map of the Russian state]. St Petersburg, Tip. Imp. Rossiyskoy akademii Publ., 1838, 261 p. (in Russ.)
- Lashuk L. P.** Iz etnonimii Severo-Zapadnoy Sibiri [From the ethnonymy of Northwestern Siberia]. *Vestnik MGU. Seriya "Istoriya"* [Bulletin of Moscow State University. Series 'History'], 1966, no. 2, pp. 69–76. (in Russ.)
- Le Rua [Petr Lyudovik].** Priklyucheniya chetyrekh russkikh matrosov na Shpicbergene [Adventures of four Russian sailors on Svalbard]. Leningrad, Vsesoyuznyi arkticheskii in-t Publ., 1933, 52 p. (in Russ.)
- Lerberg A. H.** Issledovaniya, sluzhashchie k obyasnenu drevney russkoy istorii [Research serving to explain ancient Russian history]. St. Petersburg, Tip. Dep. nar. prosveshcheniya Publ., 1819, 397 p. (in Russ.)
- Mekhovskiy M.** Traktat o dvukh Sarmatiyakh [Treatise on the two Sarmatians]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1936, 288 p. (in Russ.)
- Miller G. F.** Istoriya Sibiri [History of Siberia]. Moscow; Leningrad, 1937, vol. 1, 606 p. (in Russ.)
- Mongayt A. L.** Istoricheskiy kommentariy [Historical commentary]. In: Puteshestvie Abu Hamida al-Garnati v Vostochnuyu i Central'nuyu Evropu (1131–1153) [Journey of Abu Hamid al-Gharnati to Eastern and Central Europe (1131–1153)]. Moscow, Nauka, 1971, pp. 84–130. (in Russ.)
- Monmonier M. S.** How to Lie with Maps. Chicago, Uni. of Chicago Press, 1991, 252 p.
- PSRL** [Complete collection of Russian chronicles]. Leningrad, Nauka, 1982, vol. 37: Ustyuzhskie i vologodskie letopisi, 230 p. (in Russ.)
- PSRL** [Complete collection of Russian chronicles]. St. Petersburg, 1846, vol. 1, book 1: Lavrent'evskaya i Troickaya letopisi, 267 p. (in Russ.)
- PSRL** [Complete collection of Russian chronicles]. St. Petersburg, 1848, vol. 4: Novgorodskie i Pskovskie letopisi, 360 p. (in Russ.)
- Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov** [Collection of State Letters and Treaties]. Moscow, N. S. Vsevolozhsky Publ., 1813, ch. 1, 643 p. (in Russ.)

Strahlenberg [Philipp Johann von]. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730, 438 S.

Witsen N. Severnaya i vostochnaya Tartariya [Northern and Eastern Tartary]. Trans. from Dutch by V. G. Trisman. Amsterdam, Pegasus, 2010, vol. 2, pp. 622–1225. (in Russ.)

Информация об авторе

Андрей Владимирович Головнёв, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор

Information about the Author

Andrei V. Golovnev, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor

Статья поступила в редакцию 16.07.2023;

одобрена после рецензирования 10.08.2023; принята к публикации 10.08.2023

The article was submitted on 16.07.2023;

approved after reviewing on 10.08.2023; accepted for publication on 10.08.2023

Список сокращений

АлтГПУ	–	Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул
АлтГУ	–	Алтайский государственный университет, Барнаул
ВСОИРГО	–	Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества
ГАИМК	–	Государственная академия истории материальной культуры
ИА РАН	–	Институт археологии РАН, Москва
ИАЭТ СО РАН	–	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск
ИИМК	–	Институт истории материальной культуры, Санкт-Петербург
ИРГО	–	Императорское Русское географическое общество
КОПОИРГО	–	Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела Императорского Русского географического общества
МАЭ	–	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, Санкт-Петербург
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР
НГУ	–	Новосибирский государственный университет
СА	–	Советская археология
САИПИ	–	Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства, Барнаул
СО РАН	–	Сибирское отделение Российской академии наук
СЭ	–	Советская этнография
ТГУ	–	Томский государственный университет
УрФУ	–	Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург

Информация для авторов

Автор (соавторы), направляя статью в редакцию журнала, на безвозмездной основе передает (передают) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ неисключительное право на использование статьи (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных договоров Российской Федерации являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, на распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (и исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на предоставление всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Авторы представляют статьи на русском или английском языке. Название статьи должно строго соответствовать содержанию. Рукопись должна быть выверена, датирована и подписана автором (авторами). Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной рецензии.

Объем статей не должен превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм равняется 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков); объем сообщений, рецензий и других подобных материалов – до 8 тыс. знаков. В случае превышения указанных объемов такая публикация может быть принята к печати лишь по отдельному решению редколлегии. Публикация источников – по согласованию с редколлегией.

Плата за публикацию рукописей не взимается.

Подробно ознакомиться с правилами оформления статей, а также проследить за ходом работы с Вашей статьей в редколлегии выпуска можно по адресу: <https://nguhist.elpub.ru/>.

Адрес редакционной коллегии выпуска «Археология и этнография»: к. 1262, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия. Тел. +7 (383) 363 42 62